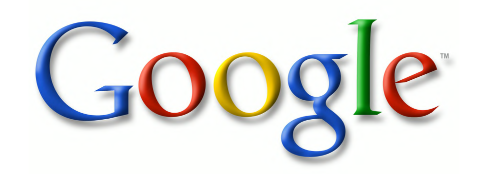
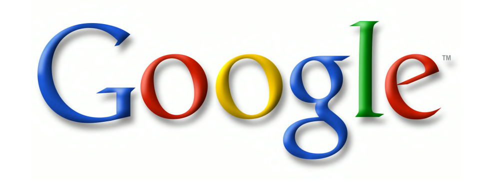
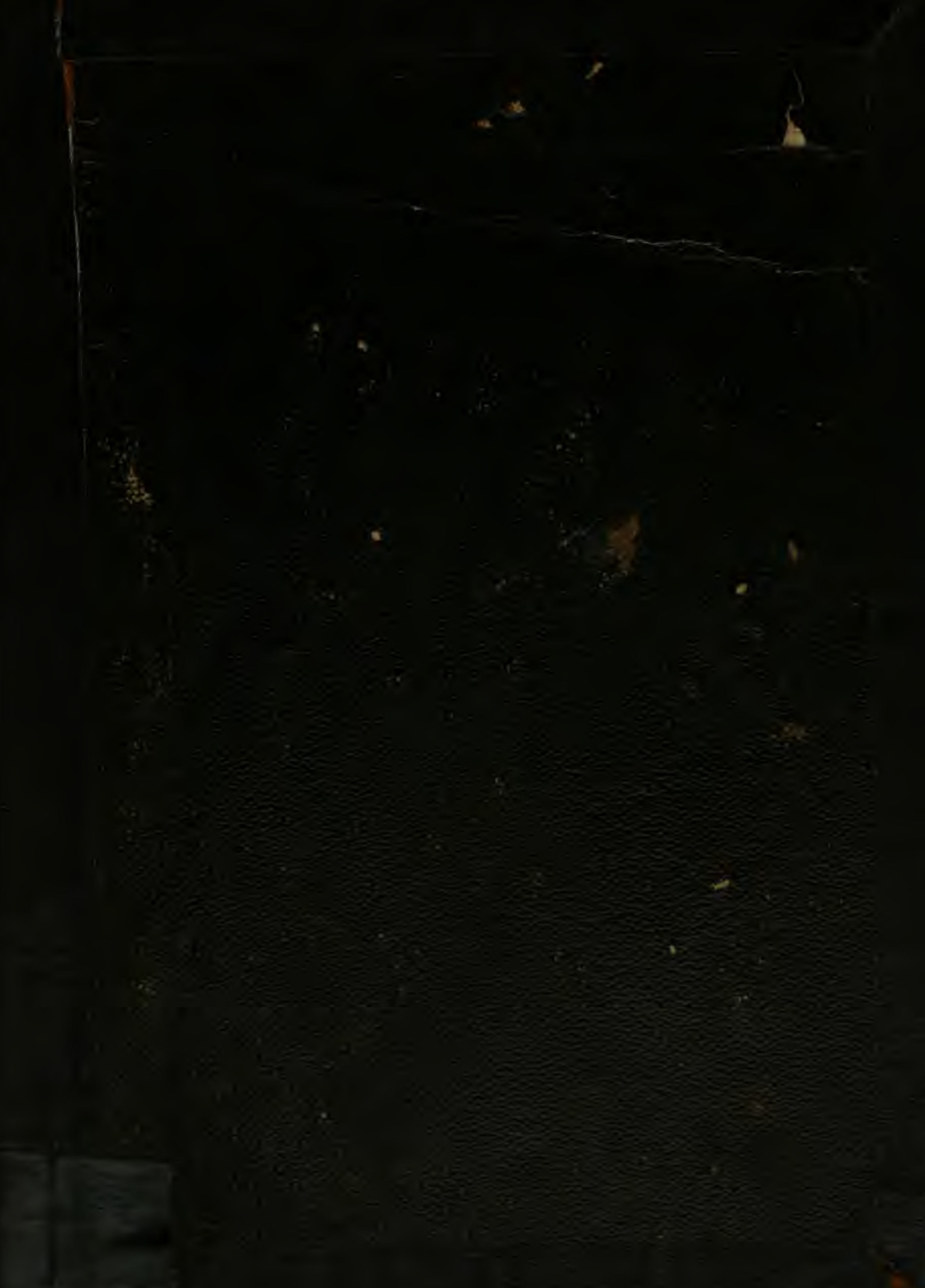

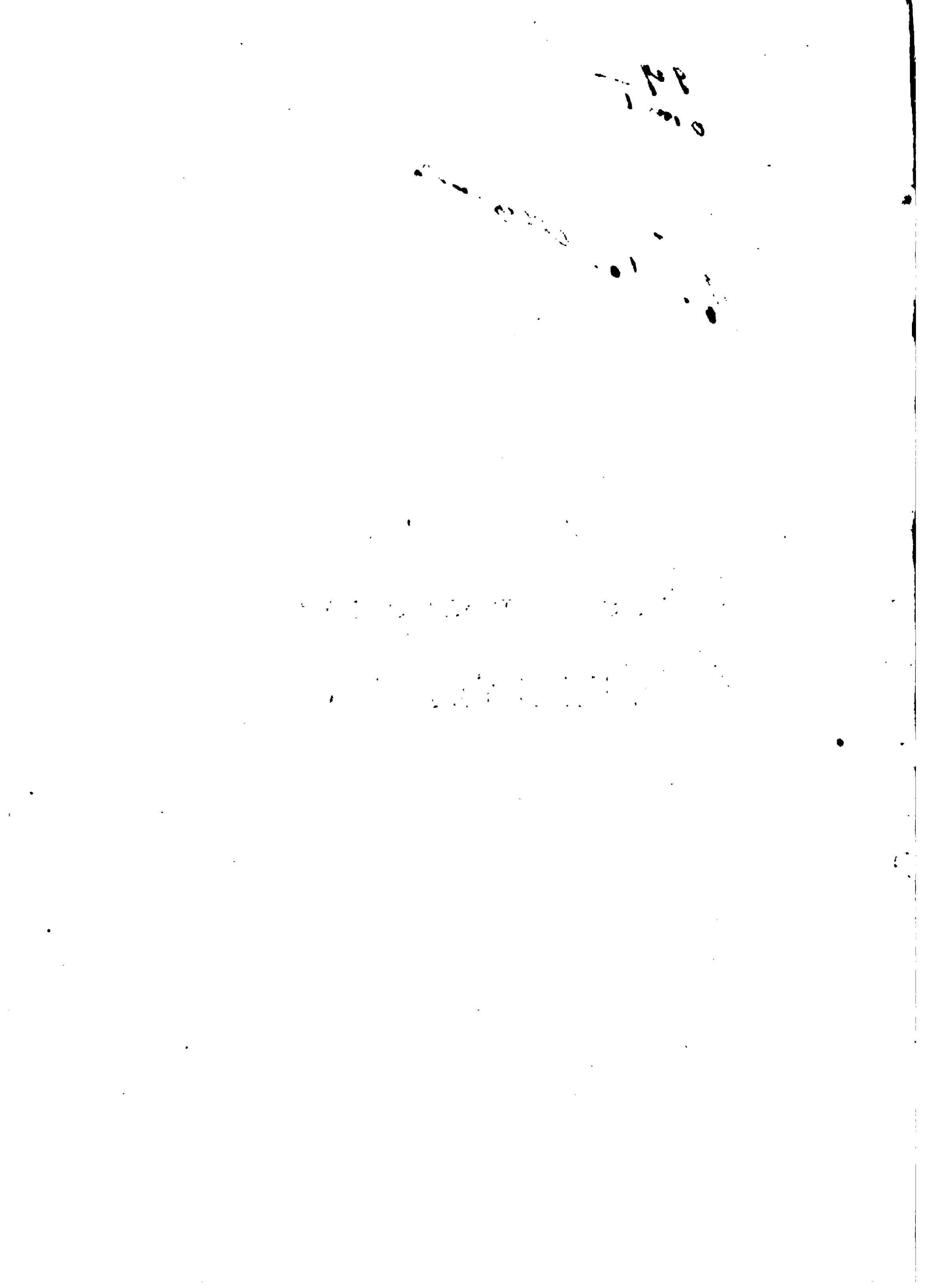

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

939

ЗАПИСКИ
Льва Николаевича
ЭНГЕЛЬГАРДТА.

ЗАПИСКИ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ЭНГЕЛЬГАРДТА.

1766—1836.

Изданіе «Русскаго Архива».

(Съ примѣчаніями и указателемъ).

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, У МЯСНИЦКИХЪ ВОРОТЪ, ДОМЪ ВОЕЙКОВА.
1868.

*

Записки Льва Николаевича Энгельгардта были первоначально напечатаны Николаемъ Васильевичемъ Путятою въ Русскомъ Вѣстникѣ 1859 года, и сверхъ того выпущены въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ оттисковъ, которые быстро разошлись по рукамъ. Нынѣ, съ дозволенія Н. В. Путяты, любопытныя Записки эти издаются вновь, въ болѣе полномъ противъ прежняго видѣ. Примѣчанія къ нимъ, составленныя М. Н. Лонгиновымъ, означены буквами *М. Л.;* принадлежащія Н. В. Путятѣ, буквами *Н. П.*; а тѣ, при коихъ ничего не означено, писаны самимъ авторомъ Записокъ. *П. Б.*

* *
*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ этихъ Записокъ, отставной генералъ-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, при жизни своей читалъ ихъ семейству своему и нѣкоторымъ короткимъ пріятелямъ. Онъ скончался 4-го ноября 1836 г. въ Москвѣ. Въ первое время послѣ его смерти не хватились его Записокъ, и онѣ потомъ какимъ-то образомъ затерялись. Можно было полагать, что Записки Льва Николаевича оставались въ имѣніи его, сельцѣ Мурановѣ, Московской губерніи, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ часть года. Тамъ, вѣроятно, убрали ихъ съ кипами разныхъ ненужныхъ бумагъ и газетъ, а какъ въ послѣдствіи и старый домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ сломанъ, то, казалось, исчезли и послѣдніе ихъ слѣды. А. Я. Булгаковъ, знакомый съ этими любопытными, по словамъ его, Записками, неоднократно спрашивалъ меня о нихъ и тѣмъ поддерживалъ во мнѣ желаніе отыскать ихъ, хотя всѣ прежніе распросы мои объ этомъ были тщетны. Осенью 1858 г., я находился въ помянутомъ сельцѣ Мурановѣ (оно досталось по наслѣдству женѣ моей, младшей дочери Л. Н. Энгельгардта, котораго старшая дочь была супругою извѣстнаго нашего поэта Е. А. Баратынскаго). Наконецъ одинъ изъ мурановскихъ дворовыхъ старожиловъ, по распросамъ моимъ, указалъ мнѣ въ амбарѣ, возлѣ конюшни, большой сундукъ, наполненный разнымъ хламомъ; тутъ-то, между грудами полуистлѣвшихъ бумагъ съ домашними счетами и вѣдомостями, открылъ я тетрадки Записокъ Л. Н. Энгельгардта, вложенныя въ толстой рукописи, переведенной имъ книги: Le Triomphe de l'Evangile. Я съ жадностію бросился

на Записки и, бѣгло прочитавъ ихъ, привезъ сюда. Здѣсь я предложилъ чтенiе ихъ небольшому кружку людей, способныхъ быть вѣрными цѣнителями моей находки. Простота, ясность и чистосердечiе разсказа, занимательныя подробности о старинѣ, историческое значенiе нѣкоторыхъ событiй, коихъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и вообще какой-то характеръ правдивости возбудили самый живой интересъ къ этимъ Запискамъ во всѣхъ, ознакомившихся съ ними въ рукописи. Убѣдясь въ этомъ, я рѣшился напечатать ихъ, не касаясь почти ихъ слога. Извѣстный своими критическими и библiографическими статьями М. Н. Лонгиновъ, по благосклонности своей и по страсти къ письменнымъ памятникамъ прошлыхъ временъ, обогатилъ Записки Л. Н. Энгельгардта большимъ числомъ примѣчанiй, касающихся до лицъ и происшествiй, упоминаемыхъ въ нихъ, и до хронологiи событiй. Пользуюсь случаемъ изъявить ему искреннюю благодарность за услугу, оказанную имъ такимъ образомъ памяти моего покойнаго тестя. Конечно, читатели Записокъ будутъ ему также благодарны съ своей стороны.

Н. Путата.

26-го ноября 1858 г.
Москва.

ЗАПИСКИ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА.

I. Вступленіе.

Записки каждаго частнаго лица о томъ, чтó случилось видѣть, слышать или чего быть свидѣтелемъ въ жизни, какъ бы оно ни было малозначуще въ свѣтѣ, всегда могутъ быть интересны для будущихъ временъ, касательно нравовъ того вѣка, людей, образа жизни, обычаевъ, политическихъ и военныхъ происшествій и описанія знаменитыхъ лицъ.

Я сожалѣю, что занялся симъ уже поздно, когда мнѣ минуло шестьдесятъ лѣтъ; многое интересное забыто, а чтó и вспомнилъ, то уже не такъ вѣрно, какъ должно бы было быть въ связи съ теченіемъ времени. Занятіе это доставило мнѣ удовольствіе вспоминать счастливое время юности; разсказывать же о прошедшемъ, какъ говоритъ г. Сегюръ, есть единственное удовольствіе для стариковъ. Эти записки я началъ писать въ 1826 г., слѣдственно все случившееся послѣ, дошедшее до моего свѣдѣнія, будетъ подробнѣе [1]).

Отецъ мой былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ св. Владиміра 2-й степени, Николай Богдановичъ;

---

[1]) Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе: Л. Н. Энгельгардтъ не успѣлъ довести своихъ записокъ и до того времени, въ которое началъ писать ихъ. Онъ скончался 4 ноября 1836 г. *П. Б.*

мать моя была изъ рода Бутурлиныхъ, Надежда Петровна; замѣчательно, что онъ изъ смоленскихъ дворянъ[2]) былъ въ числѣ первыхъ, женившихся на Великороссіянкѣ, ибо со временъ завоеванія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Смоленска [3]), они, по привязанности къ Польшѣ, брачились вначалѣ съ Польками, но какъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны были запрещены всякія связи и сношенія съ Поляками, даже ежели у кого находили польскія книги, того ссылали въ Сибирь; то сперва по ненависти къ Русскимъ, а потомъ уже по обычаю, всѣ Смольяне женились на Смольянкахъ. Поэтому, можно сказать, всѣ смоленскіе дворяне между собою сдѣлались въ родствѣ. Первый женился на Русской Яковъ Степановичъ Аршеневскій, второй—отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина [4]).

1766. Я родился въ 1766 году февраля 10 числа въ Смоленской губерніи, Духовскаго уѣзда, въ деревнѣ Зайцовѣ, родовомъ имѣніи отца моего, которое дано было королемъ польскимъ Сигизмундомъ[5]), по взятіи Смоленска, предку нашему, генералъ-лейтенанту Вернеру Энгельгардту, Курляндцу, служившему у него въ войскѣ, какъ сказано въ жалованной грамотѣ: za krwawe zasługi przeciwko Moskwy, dajemy dobra, то есть: «за кровавыя заслуги противъ

[2]) Смоленскіе дворяне Энгельгардты поселились тамъ еще до Петра Великаго и совершенно обрусѣли; ихъ не надо смѣшивать съ Энгельгардтами, уроженцами Остзейскаго края, изъ коихъ пріобрѣлъ себѣ общую извѣстность достойнѣйшій директоръ Царскосельскаго лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ. *П. Б.*

[3]) Смоленскъ взятъ Русскими 20 сентября 1654 года и остался за Россіею по Андрусовскому перемирію, заключенному съ Польшей 30 января 1667 г. *М. Л.*

[4]) См. Русскій Архивъ 1867, стр. 588 и 596. Мать кн. Потемкина была изъ роду Скуратовыхъ. *П. Б.*

[5]) Сигизмундъ III царствовалъ съ 1587 по 1632 годъ. *М. Л.*

Москвы жалуемъ имѣнія и проч.» Назвали меня Харлампіемъ; но когда привезенъ я былъ родителями моими въ Нижегородскую губернію, Арзамасскаго уѣзда въ село Кирманы, къ бабкѣ моей Натальѣ Ѳедоровнѣ, то она, въ память сына ея Льва, убитаго въ Семилѣтнюю войну, назвала меня его именемъ; я воспитывался у нея до пяти лѣтъ, то-есть до самой ея смерти.

1771—1773. Бабка моя отдала свое имѣніе, 1.200 душъ, своимъ дочерямъ, то-есть моей матери и теткѣ моей, бывшей замужемъ за Стремоуховымъ, оставя себѣ на прожитіе 100 душъ; по дешевизнѣ въ то время сельскихъ произведеній и по несуществованію водяной коммуникаціи, доходъ ея едва простирался до ста рублей. Однакожь она довольствовалась симъ доходомъ, не бывъ въ тягость своимъ дѣтямъ и не входя въ долги.

Физическое мое воспитаніе сходствовало съ системою Руссо, хотя бабка моя не только не читала сего автора, но едва ли знала хорошо россійскую грамоту. Зимою иногда я выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ рѣзвиться съ ребятишками, и закоченѣвъ весь отъ стужи, приходилъ въ ея комнату отогрѣваться на лежанкѣ; еженедѣльно меня мыли и парили въ банѣ въ самомъ жаркомъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ возили домой съ версту. Кормился я самою грубою пищей и отъ того сдѣлался самаго крѣпкаго сложенія, перенося, безъ вреда моему здоровью, жаръ, холодъ и всякую пищу; вовсе не учился, и можно сказать, былъ самый избалованный внучекъ.

1774. По смерти бабки, отецъ мой, бывъ полковникомъ въ отставкѣ, опредѣленъ воеводою въ отобранную отъ Польши Бѣлоруссію [6]), въ городъ Витебскъ, и взялъ меня съ со-

---

[6]) Бѣлорусскій край съ 1,800,000 жителей окончательно присоединенъ къ Россіи, по первому раздѣлу Польши на основаніи договора 7 сентября 1773 года, заключеннаго Россіею, Австріею и Пруссіею съ Польшей. *М. Л.*

бою. Оставить военную службу заставило его крайне разстроенное его состояніе: онъ задолжалъ теткѣ своей бригадиршѣ Витковичевой, жившей въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, три тысячи рублей. По тогдашнему, сей долгъ былъ неоплатный, ибо доходы въ низовыхъ губерніяхъ почти ничего не значили, рожь продавалась тамъ по двадцати пяти копѣекъ четверть, да и ту не куда было сбывать; водяной коммуникаціи вовсе не было, винокуренныхъ заводовъ было мало. Сказанная Витковичева столь была не снисходительна, что принуждала отца моего ежегодно пріѣзжать для переписки векселя изъ Выборга, гдѣ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ на непремѣнныхъ квартирахъ; таковая поѣздка чрезвычайно его разстроила. Какъ доходы были малы и отецъ съ семействомъ жилъ почти однимъ жалованьемъ, то не прежде могъ онъ долгъ сей заплатить, какъ когда пожаловано было ему три тысячи рублей за разореніе имѣнія матери моей партіею бунтовщика Пугачева[7]).

[7]) Емелька, по прозванію Пугачъ, былъ бѣглый Донской казакъ, выдававшій себя за императора Петра III, разглашая, что будто онъ спасся и скрывалъ себя въ разныхъ мѣстахъ отъ супруги своей императрицы Екатерины, распространившей слухъ о его смерти, что наконецъ рѣшился онъ прибыть и ввѣрить себя Яицкимъ казакамъ, напоминалъ присягу и требовалъ отъ нихъ пособія взойдти опять на прародительскій престолъ. Сіи казаки, бывъ въ совершенномъ невѣжествѣ, повѣрили и поклялись ему быть вѣрными; вскорѣ пристали къ нему Башкирцы и другая сволочь, а особливо господскіе крестьяне и дворовые люди; онъ обѣщалъ имъ вольность, не брать съ нихъ ни податей, ни рекрутъ, а соль давать безденежно. Дворянъ, которые ему попадались, вѣшалъ, а женъ и дочерей ихъ, наругавшись ими, раздавалъ своимъ сообщникамъ. Начало сего бунта возникло при окончаніи Турецкой войны 1771 года, и продолжался оный около двухъ лѣтъ, доколѣ собрались войска подъ главнымъ предводительствомъ генерала графа Петра Ивановича Панина. Во всей Россіи народъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи; ежели бы Пугачевъ пошелъ къ Москвѣ, а не занимался бы долго въ Уфимской и близь лежащихъ губерніяхъ, то

1775. По пріѣздѣ въ Витебскъ, началъ меня учить грамотѣ уніятской церкви дьячокъ, и какъ я былъ избалованный внучекъ, то едва въ два года выучился порядочно читать.

много бы золъ Россія претерпѣла; но онъ не имѣлъ ни ума, ни твердости пользоваться своимъ дерзкимъ предпріятіемъ; онъ подходилъ къ Казани и выжегъ всю, кромѣ крѣпости, которой требовалъ сдачи, но майоръ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ съ небольшимъ отрядомъ подоспѣлъ и разбилъ его на Арскомъ полѣ. У Пугачева было тогда болѣе 20,000, и онъ имѣлъ артиллерію. Послѣ этого онъ бѣжалъ къ Симбирску, а потомъ на Яикъ, гдѣ тѣми же казаками, бывшими его первыми сообщниками, былъ схваченъ и выданъ командующему въ тѣхъ предѣлахъ именитому герою, тогда бывшему генералъ-майоромъ, Суворову. Императрица указала рѣку Яикъ переименовать въ Уралъ, а казаковъ именовать Уральскимъ войскомъ. Пугачевъ былъ привезенъ въ Москву въ цѣпяхъ и въ желѣзной клѣткѣ съ тремя его главными сообщниками, прочіе же всѣ были прощены.

Императрица предала самозванца судить синоду, сенату и военному генералитету; такъ какъ въ Россіи смертная казнь была отмѣнена, а злодѣйство, имъ учиненное, требовало особливаго постановленія,— синодальные члены въ опредѣленіи своемъ сказали, что Пугачевъ и сообщники его заслуживаютъ смертную казнь, но по духу христіанскому и духовному своему званію, они, синодальные члены, не могутъ подписать приговора. Прочіе члены суда опредѣлили: Пугачева четвертовать и потомъ отрубить ему голову, главному его наперснику также отрубить голову въ Москвѣ, что̀ и исполнено; одного изъ его сообщниковъ повѣсить въ Уфѣ, а другаго въ Уралѣ. *Л. Э.*

(Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Паниныхъ, родился 1721 г., ум. въ Москвѣ 15 апрѣля 1789.—Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ отъ кавалеріи, началъ службу еще во время Семилѣтней войны. Ум. въ Бухарестѣ 19 августа 1807 г. — Битва на Арскомъ полѣ происходила 12 и 13 авг. 1774 г.—Свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичъ Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, генералиссимусъ, родился въ Москвѣ 13 ноября 1729, умеръ въ С.-Петербургѣ 6 мая 1800 года. Пугачевъ представленъ былъ къ нему въ началѣ октября 1774 года. — Пугачевъ казненъ въ Москвѣ, на Болотѣ, 10 января 1775 года. *М. Л.*)

1776. Тогда приставили ко мнѣ учителя, отставнаго поручика Петра Михайловича Брауншвейга, учить меня писать по-русски, первымъ правиламъ ариѳметики и по-нѣмецки, за шестьдесятъ рублей въ годъ, а учиться по-французски ходилъ я въ іезуитскій монастырь къ іезуиту Вольфорту; но можно сказать, что отъ таковыхъ учителей мало показывалъ успѣха, по тупоумію и лѣности.

1777. Въ послѣдствіи къ старшей моей сестрѣ Варварѣ Николаевнѣ [8]) выписана была изъ Вильны madame Leneveu за 500 рублей; вмѣстѣ съ нею я учился цѣлый годъ и уже говорилъ по-французски изрядно; тогда же по-нѣмецки училъ меня іезуитъ Кацаврикъ, который исправно всякую недѣлю наказывалъ меня дисциплиною, отчего я получилъ такое омерзѣніе къ нѣмецкому языку, что никогда не могъ порядочно знать по-нѣмецки и разумѣть, чтò читаю.

Тогда же записанъ я былъ въ гарнизонъ сержантомъ. Полковнику Древичу, за заслуги его противъ польскихъ конфедератовъ, пожалованы были, въ Витебской провинціи, деревни, и кромѣ того онъ чрезвычайно обогатился во время своихъ дѣйствій въ Польшѣ. Отецъ мой оказывалъ ему разныя услуги по сему имѣнію, почему, по прибытіи его въ Витебскъ, опредѣлилъ (онъ) меня въ гусарскій вербованный Бѣлорусскій полкъ кадетомъ. Я по ребячеству моему помню, въ какомъ я былъ восхищеніи, когда одѣли меня въ гусарскій мундиръ, а всего болѣе забавляла меня сабля съ ташкою.

Я былъ самыхъ дурныхъ склонностей, ничего не могъ сказать, чтобы не солгать; какъ скоро изъ-за стола вставали, тотчасъ обѣгалъ столъ и все, чтó оставалось въ рюмкахъ, выпивалъ съ жадностію, кралъ всякія лакомства и все украденное клалъ въ ташку; нерѣдко приводили меня съ поличнымъ къ матери моей, которая со слезами говорила: «Одинъ

---

[8]) Вторая моя сестра, Александра Николаевна отдана была въ Смольный монастырь.

у меня сынъ, но какого ожидать отъ него утѣшенія при таковыхъ порочныхъ склонностяхъ!» Ни наказанія, ни увѣщанія, ничто меня не исправляло; сверхъ того я былъ неловокъ, неопрятенъ, и станъ мой былъ кривъ и сутуловатъ: вотъ какую я обѣщалъ моимъ родителямъ радость!

1778. Такимъ я былъ до 1778 года. Тогда открылись намѣстничества, и отецъ мой помѣщенъ былъ въ Полоцкъ предсѣдателемъ гражданской палаты, а меня отвезли въ Смоленскъ, въ пансіонъ къ содержателю Эллерту, гдѣ пробылъ я годъ. Правду сказать, хотя онъ касательно наукъ былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, то-есть катихизиса, грамматики, исторіи, географіи, миѳологіи, безъ малѣйшаго толкованія, и въ принужденіи учениковъ затверживать наизусть французскія фразы; но за то строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ: билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ. Но, кажется, для меня таковой и былъ нуженъ, чтобы перемѣнить злую мою нравственность. Какъ я имѣлъ дурную память, то не проходило дня, въ который не былъ я наказанъ; но успѣвалъ я очень хорошо въ ариѳметикѣ и геометріи, которымъ училъ насъ отставной артиллерійскій сержантъ, Осипъ Ивановичъ Овсянниковъ, отличавшій меня передъ всѣми прочими; также успѣвалъ я въ танцованіи и фехтованіи, чему училъ самъ Эллертъ. Французскій языкъ тоже шелъ хорошо по навыку, ибо никто не смѣлъ ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники: младшіе означались краснымъ бантомъ въ петлицѣ и надзирали надъ четырьмя учениками, а старшіе чиновники отличались голубымъ бантомъ и надзирали надъ двумя младшими чиновниками;

всѣ они должны были смотрѣть, чтобы никто не говорилъ по-русски, не шалилъ, и училъ бы наизусть уроки, заданные для другаго дня. Младшіе имѣли право наказывать, если кто скажетъ слово по-русски, однимъ ударомъ по рукѣ ферулою, а старшіе чиновники—по два удара. Если Эллертъ узнавалъ, что сіи чиновники худо исполняли свою должность, или во зло употребляли власть, имъ данную, то наказывалъ ихъ ужаснымъ образомъ, а иногда лишалъ бантовъ. Чтобы заслужить такой знакъ отличія, надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться. Я почитаю, что поощреніе это много способствовало къ нравственности, но впрочемъ все было основано на побояхъ. Изъ учениковъ отъ таковаго славнаго воспитанія много было изуродовано, однакожь пансіонъ былъ всегда полонъ. За таковое воспитаніе платили сто рублей въ годъ, на всемъ содержаніи Эллерта, кромѣ платья. Танцъ-боденъ былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвицъ, которыя пріѣзжали учиться танцовать и за выучку платили по тридцати рублей, даже и взрослыя; однакожь и имъ не было спуску: одна была дѣвица Лебедева, очень непонятная, одинъ разъ онъ отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно. Сравните теперь воспитаніе того времени съ нынѣшнимъ, и вѣрно мало тому повѣрите. Однакожь касательно мальчиковъ, въ самодержавномъ правительствѣ, умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія? Нужно, чтобы они съ юности попривыкли даже и къ несправедливостямъ [9]).

Черезъ годъ взяли меня изъ пансіона и привезли въ Полоцкъ. Въ какомъ восхищеніи были мои родители, увидя меня выправленнаго, исправившагося отъ пороковъ, танцую-

---

[9]) Современные наставники юношества конечно обратятъ вниманіе на это извлеченное изъ опыта замѣчаніе Л. Н. Энгельгардта. *П. Б.*

щаго на балахъ, говорящаго изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ, хотя я говорилъ какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ!

Между тѣмъ Древичъ представилъ меня въ аудиторы, хотя мнѣ было только тринадцать лѣтъ; но какъ ему досталось въ генералъ-майоры, а полкъ принялъ мой внучатный дядя, Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, то въ мѣсто аудитора перевелъ меня въ гвардію въ Преображенскій полкъ сержантомъ, въ число служащихъ, а не недорослей [10]).

Отецъ мой былъ пожалованъ вице-губернаторомъ въ Могилевъ. Генералъ-майоръ Зоричъ [11]) выбылъ изъ случая, при чемъ пожаловано было ему мѣстечко Шкловъ съ тринадцатью тысячами душъ. Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ училище, выписалъ хорошихъ учителей; въ ономъ я учился еще одинъ годъ. Въ послѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехъ сотъ кадетовъ. Государыня дала привилегію этому Зоричевскому корпусу, чтобы по экзамену принимать кадетовъ въ армію офицерами, и многіе изъ нихъ были съ большими свѣдѣніями, а особливо въ математикѣ. По смерти Зорича казна приняла корпусъ на свой коштъ,

---

[10]) Большею частію всѣ дворяне записывали своихъ дѣтей въ гвардію, смотря по связямъ ихъ, капралами, унтеръ-офицерами и сержантами; не имѣвшіе же случая, записавъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей недорослями, брали ихъ къ себѣ для воспитанія до возраста; старшинство ихъ считалось по вступленіи въ настоящую службу, а случайные вносились въ списокъ служащихъ; тогда давали имъ паспорты до окончанія наукъ. Въ одномъ Преображенскомъ полку считалось болѣе тысячи сержантовъ, а недорослямъ не было и счету.

[11]) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, флигель-адъютантъ и генералъ-майоръ. Онъ былъ родомъ Сербъ. Успѣхи его при дворѣ продолжались не болѣе года; онъ уѣхалъ въ Шкловъ въ іюнѣ 1778 и вскорѣ основалъ тамъ училище. Умеръ въ 1799 году генералъ-лейтенантомъ, чинъ котораго получилъ при Павлѣ I. *М. Л.*

помѣстила сперва въ Смоленскѣ, потомъ въ Гродно, а въ 1812 году оный переведенъ въ Кострому; нынѣ состоитъ въ Москвѣ [12]).

По окончаніи года взятъ я былъ изъ онаго училища и, для обученія практической геометріи и геодезіи, отданъ оберъ-квартирмейстеру Матвею Михайловичу Щелину, который по дружбѣ къ моему отцу училъ меня, какъ своего сына, въ Оршѣ; жилъ же я тамъ у генералъ-майора Б....... Изъ благодарности умолчу о немъ, но пребываніе мое у него въ домѣ много сдѣлало мнѣ вреда касательно нравственности.

Симъ заключилось мое воспитаніе.

II. Время до прибытія моего на службу въ Преображенскій полкъ и нѣкоторые анекдоты.

Еще во время пребыванія моего въ Шкловскомъ училищѣ, вышелъ изъ случая Иванъ Николаевичъ Корсаковъ [13]) а мѣсто его заступилъ и при дворѣ сталъ имѣть большое вліяніе Александръ Дмитріевичъ Ланской [14]). Корсакову пожаловано было въ Могилевской губерніи 6000 душъ, 200,000 рублей для путешествія въ чужіе краи, брилліантовъ и жемчуговъ было у него, какъ цѣнили тогда, болѣе нежели на

---

[12]) 1-й Московскій кадетскій корпусъ, нынѣ 1-я военная гимназія, помѣщающаяся въ Головинскомъ дворцѣ. *М. Л.*

[13]) Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, также не долго пользовавшійся значеніемъ при дворѣ. Въ іюнѣ 1778 назначенъ онъ флигель-адъютантомъ и пожалованъ генералъ-майоромъ, а въ октябрѣ 1779 оставилъ Петербургъ. Онъ родился въ 1754 г., ум. въ 1831 году. Нѣсколько собственноручныхъ записокъ къ нему импер. Екатерины II-й хранится въ Чертковской библіотекѣ. *М. Л.*

[14]) Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ. Род. 8 марта 1758, ум. 25 іюня 1784. Онъ пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ въ свѣтлое воскресенье 1780, и придворные успѣхи его продолжались до самой его смерти. *М. Л.*

400,000 руб.; судя по нынѣшнему курсу, имѣлъ онъ денегъ и вещей на 2. 400,000. Какъ въ жалованныхъ ему деревняхъ еще не было построеннаго дома, то выпросилъ онъ у тамошняго помѣщика Іезофовича деревню Желивль, верстахъ въ тридцати отъ Могилева, куда и пріѣзжали къ нему всѣ родственники его изъ Смоленской губерніи; не рѣдко и отецъ мой съ семействомъ своимъ ѣзжалъ туда же и меня бралъ съ собою. Какъ ни огроменъ былъ въ Желивлѣ домъ, и какъ ни много было при немъ службъ, но тѣснота бывала ужасная: въ одной комнатѣ помѣщалось фамиліи по двѣ; ежедневно одни пріѣзжали, другіе уѣзжали, но менѣе осьмидесяти человѣкъ никогда не бывало; при таковомъ множествѣ господъ, сколько перебывало людей и лошадей? Болѣе шести мѣсяцевъ жилъ онъ таковымъ образомъ; все, что́ можно придумать къ увеселенію и роскоши, все было придумано; посему, а еще болѣе по безпорядку [15]), онъ въ короткое время прожилъ много изъ данныхъ ему на путешествіе денегъ. Я для того написалъ сіе въ началѣ главы, что впервые тогда началъ пользоваться обществомъ, помышлять нравиться обоего пола людямъ и заслуживать къ себѣ вниманіе.

1779. Въ 1779 году отецъ мой призыванъ былъ вообще со всѣми вице-губернаторами къ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Она хотѣла узнать отъ самыхъ лицъ, коимъ ввѣрены казенныя имущества, о доходахъ каждой губерніи и отчетахъ и обстоятельствахъ пространной своей имперіи; видѣть и узнать каждаго, кому поручены ея финансы.

Я слышалъ отъ отца моего, въ какую подробность и тонкость она входила, разспрашивая каждаго глазъ на глазъ; многіе лишены были своихъ мѣстъ, многихъ, при первыхъ открывшихся мѣстахъ, пожаловала она въ губернаторы и иныя государственныя должности, по способности каждаго;

---

[15]) Не только его слуги, но и люди гостей пивали шампанское.

нѣкоторыхъ оставила при себѣ и помнила каждаго изъ нихъ, такъ что безъ всякаго посторонняго покровительства жаловала въ свое время; въ числѣ таковыхъ въ послѣдствіи и отецъ мой удостоенъ пожалованіемъ губернаторомъ въ Могилевъ, на мѣсто бывшаго губернатора, Петра Богдановича Пассека [16]).

Вотъ какъ былъ представленъ отецъ мой тогда ея величеству. Наканунѣ генералъ-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій [17]), повѣстилъ, чтобы батюшка на другой день въ шесть часовъ явился предъ кабинетъ государыни и чтобы сказалъ ея камердинеру доложить ей о немъ.

Въ первомъ часу отецъ мой позванъ былъ въ кабинетъ государыни. Государыня, пожаловавъ ему поцѣловать ручку, спрашивала о его службѣ, и когда онъ сказалъ, что былъ капитаномъ въ полку Мельгунова [18]), то она сказала: «Такъ мы съ вами знакомы, вы были караульнымъ капитаномъ въ Петергофѣ, когда я вступила на престолъ, я васъ помню». Дѣйствительно это было такъ; но отецъ мой, хотя былъ въ короткомъ знакомствѣ съ Орловыми, особенно съ княземъ

---

[16]) Петръ Богдановичъ Пассекъ, генералъ-аншефъ, род. 18 февраля 1736 года, ум. въ Петербургѣ 22 марта 1804 года, въ отставкѣ. Будучи капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, способствовалъ онъ много восшествію на престолъ Екатерины II, по освобожденіи изъ-подъ ареста, подъ который посаженъ наканунѣ этого дня чрезъ свою неосторожность. *М. Л.*

[17]) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій род. 3 августа 1727 г. Онъ былъ генералъ-прокуроромъ съ 1764 года до самой смерти своей, послѣдовавшей 8 января 1793. Должность генералъ-прокурора соединяла въ себѣ должности начальника тайной экспедиціи и нынѣшнихъ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ. *М. Л.*

[18]) Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ былъ адъютантомъ императора Петра III, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. При Екатеринѣ II онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ намѣстничествахъ: Ярославскомъ, Костромскомъ, Архангелогородскомъ и Вологодскомъ. Ум. въ 1788 году. *М. Л.*

Григорьемъ Григорьевичемъ [19]), съ которымъ былъ въ одно время адъютантомъ у графа Петра Ивановича Шувалова[20]), но по его твердымъ правиламъ ему не открывали заговора; начальствовавшими же въ Петергофѣ при императорѣ Петрѣ III, державшими уже сторону императрицы, никакого особаго наставленія караульнымъ дано не было, а потому ему вовсе заговоръ не былъ извѣстенъ. Потомъ государыня разспрашивала о доходахъ Могилевской губерніи; отецъ мой на многія подробности государынѣ донесъ, что не имѣетъ вѣрной памяти и, чтобы не сказать ложно, то проситъ позволенія справиться съ своею памятною книжкою, которая для сего нарочно была заготовлена и, которую вынувъ изъ кармана, тотчасъ далъ отчеты на вопросы государыни со всѣми подробностями. Императрица сказала: «Позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мнѣ отвѣчали словами»; долго разсматривала книжку, въ которой были помѣщены всѣ вѣдомости и отчеты, со всѣми обстоятельствами и съ замѣчаніями, сдѣланными собственною рукою моего отца, потомъ сказала: «Можете ли вы меня ею подарить? Я каждому вице-губернатору прикажу имѣть таковую». Между прочимъ говорила еще: «Отчего ваша губернія въ прошломъ году такую претерпѣвала въ соли нужду, что жители принуждены были вымачивать

---

[19]) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ-фельдцейгмейстеръ, старшій изъ знаменитыхъ братьевъ Орловыхъ, род. 6 октября 1734 г., ум. въ Москвѣ 13 апрѣля 1783 г. Въ 1762 году онъ былъ не болѣе какъ цейгмейстеромъ артиллеріи до самаго восшествія на престолъ Екатерины II. Князь Орловъ особенно памятенъ своими дѣйствіями при прекращеніи въ Москвѣ чумы въ 1771 году; черезъ годъ послѣ того оставилъ онъ дворъ, путешествовалъ за границей и постоянное пребываніе свое основалъ въ Москвѣ. *М. Л.*

[20]) Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, фельдмаршалъ, род. 1711 г., ум. 4 января 1762 г., родоначальникъ всѣхъ нынѣшнихъ графовъ Шуваловыхъ. *М. Л.*

сельди и тѣмъ солить свою пищу?» [21])—«Государыня, отвѣчалъ мой отецъ,—сіе донесено вамъ было ложно, свидѣтель этому сія же книжка, въ которой изволите вы усмотрѣть, что великое количество соли отъ каждаго года оставалось во всѣхъ магазинахъ». Она, увидѣвъ вѣдомость о соли и увѣрившись въ справедливости словъ моего отца, сказала: «Я скажу вашему намѣстнику [22]), что онъ имѣетъ въ васъ человѣка, который справедливымъ удостовѣрительнымъ образомъ отстаиваетъ его», что́ на другой же день и исполнила, сказавъ о томъ брату его, графу Ивану Григорьевичу Чернышеву [23]) [24]). Еще спросила: «Отчего въ Бешенковской таможнѣ такъ мало сбирается пошлинъ? Я знаю, что всѣ эти сборщики таможень очень дѣлятся со мною доходами и вовсе ихъ унять нѣтъ средствъ, однакожь надобно знать и совѣсть, а Бешенковскіе таможенные, кажется, вовсе ея не имѣютъ.»—«Государыня, отвѣчалъ мой отецъ:—за че-

---

[21]) Сіе было выдумано непріятелями бывшаго тогда намѣстника, графа Захара Григорьевича Чернышева.

[22]) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, фельдмаршалъ и съ 1782 по 1784 годъ главнокомандующій въ Москвѣ, род. 18 марта 1722 года, ум. 29 августа 1784 г. Онъ былъ третій сынъ деньщика и любимца Петра I, Григорія Петровича Чернышева, отъ брака его съ Авдотьей Ивановной Ржевской. *М. Л.*

[23]) При этомъ отецъ мой доложилъ, что какъ въ Польшѣ соль была гораздо дороже, и жители къ тому привыкли, то казна имѣла бы великое приращеніе въ доходахъ, еслибы пустить соль въ продажу по прежнимъ цѣнамъ: жители бы повинность сію приняли безъ ропота и отягощенія. Императрица сказала: «Нѣтъ, я съ вами не согласна, пусть соль, столь необходимая для жизни и сохраненія здоровья, будетъ даже съ убыткомъ казнѣ, нежели наложить подать на народъ!»

[24]) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, братъ предыдущаго, былъ пожалованъ, при восшествіи на престолъ Павла I, генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ адмиралтействъ-коллегіи. Род. 24 ноября 1726 г., ум. 12 февраля 1797 г. *М. Л.*

стность ихъ не ручаюсь, и она впрочемъ не подлежитъ моему вѣдѣнію, такъ какъ сія таможня состоитъ въ Полоцкой губерніи; но отговорки ихъ отчасти служатъ къ ихъ оправданію [23]), а именно Евреи, въ рукахъ которыхъ въ Бѣлоруссіи почти весь торгъ, ѣздятъ въ Ригу не для покупки товаровъ (хотя отчасти и покупаютъ тамъ товары, привозимые чрезъ Балтійское море, какъ-то: сахаръ, кофе, пряности, вины, англійское пиво и прочія, но главнѣйшій товаръ покупаютъ на ярмаркахъ лейпцигской, франкфуртской и кенигсбергской)—они ѣздятъ въ Ригу для покупки абштуховъ отъ разныхъ тамошнихъ купцовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: закономъ постановлено, что если товаръ купленъ въ Ригѣ, за который уже пошлины заплачены, то, за подписью свидѣтельства или абштуховъ рижскихъ купцовъ, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ въ таможняхъ не брать. Еврей, пріѣхавъ въ Ригу, ожидаетъ отъ своихъ прикащиковъ извѣщенія, сколько какого товара ими закуплено, а потомъ стакнувшись съ извѣстнымъ ему рижскимъ купцомъ и получивъ за подписаніемъ абштухъ, ѣдетъ почти съ пустою баркою по Двинѣ, и ночью причаливъ къ польскому берегу, гдѣ ожидаетъ его купленный на упомянутыхъ ярмаркахъ товаръ, нагружаетъ оную и ѣдетъ мимо Бешенковской таможни, подъ видомъ, что везетъ товаръ изъ Риги; показываетъ абштухъ, таможенные свидѣтельствуютъ и видя, что весь товаръ описанъ точно, не имѣютъ права останавливать и пропускаютъ». «Вотъ большіе искусники ваши Бешенковскіе таможенные, сказала императрица:—они не уступаютъ тонкости жидовъ, и я не вижу средства пресѣчь такое злоупотребленіе». Продержавъ же отца моего наединѣ болѣе двухъ часовъ, пожаловала ручку и сказала: «Я бы

---

[23]) Когда Бѣлоруссія взята была отъ Польши, то отъ Риги граница была по Двинѣ до Островны, ниже Бешенковичъ верстъ съ пятьдесятъ.

желала, чтобы всѣхъ нашла таковыхъ вице-губернаторовъ, хотя память ваша и хуже моей; доказательство тому, что я васъ вспомнила, и будьте увѣрены и впредь о васъ буду помнить.»

1780. Въ слѣдующій 1780 годъ императрица предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный край, въ Бѣлорусскія губерніи, и въ Могилевѣ назначено было свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II [26]). Для принятія высокихъ путешественниковъ дѣлали большія приготовленія; намѣстникъ, фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, не щадилъ трудовъ, чтобы представить ввѣренныя ему Полоцкую и Могилевскую губерніи въ лучшемъ устройствѣ, и дѣйствительно онѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ по наружности, такъ и по внутренности, какъ по исполнительной, такъ и по судебной и хозяйственной части. Люди, имъ собранные, были отличной нравственности, свѣдущіе въ дѣлахъ и дѣятельные; словомъ, сіи губерніи могли быть образцомъ для всей Россіи.

Вначалѣ жители не могли быть довольны новымъ правительствомъ, и, правду сказать, графъ принялся круто, въ томъ краѣ, гдѣ была совершенная анархія: паны поступали съ своими крестьянами по произволу, даже и въ жизни ихъ были властны; который изъ нихъ былъ богаче, тотъ утѣснялъ бѣдныхъ, какъ хотѣлъ; и такъ могло ли имъ быть пріятно, когда на всякомъ шагу останавливали ихъ въ буйныхъ дерзостяхъ? Дѣланіе же дорогъ произвело общій ропотъ. За то дороги были не только отъ столицъ, но и ко всѣмъ смежнымъ губерніямъ и уѣздамъ таковы, какимъ во всей имперіи не было подобныхъ; широкія, прямыя дороги ведены были чрезъ лѣса, горы и буераки, по обѣимъ

---

[26]) Іосифъ II, императоръ германскій, сынъ императора Франциска І-го и Маріи Терезіи, род. 2 (13) марта 1741 г., царствовалъ съ 7 (18) августа 1765 г., умеръ 9 (20) февраля 1790 г. *М. Л.*

сторонамъ вырыты были канавы и обсажены въ два ряда березками, горы были скопаны, гати были сдѣланы по непроходимымъ зыбямъ и болотамъ; мосты прочные, переправы черезъ рѣки безопасныя; на почтовыхъ станціяхъ выстроены были домики и снабжены простыми, но достаточными мебелями, такъ что каждый проѣзжающій находилъ не только спокойный ночлегъ, но и все нужное. Графъ склонилъ помѣщиковъ тѣхъ селеній, гдѣ станціи были учреждены, взять въ свое смотрѣніе не только сіи домики, но и почтовыхъ лошадей и почтальйоновъ, одѣтыхъ пристойно по образцу, какъ въ Пруссіи[27]); казна по сходнымъ цѣнамъ платила за то содержателямъ, такъ что они имѣли небольшой доходъ.

Въ городахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, присутственныя мѣста выстроены были каменныя въ два этажа, съ приличнымъ расположеніемъ и архитектурою; дома для государева намѣстника съ большою залою, въ коей былъ поставленъ тронъ[28]) и все дворянство вмѣщалось для выборовъ; дома для губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, а въ уѣздахъ для городничихъ. Въ послѣдствіи, когда все сіе учредилось, сей государственный человѣкъ всѣми былъ обожаемъ.

---

[27]) Гр. З. Г. Чернышевъ долго находился въ Пруссіи во время семилѣтней войны. Здѣсь читатели припомнятъ правителя канцеляріи гр. Чернышева во время его намѣстничества въ Бѣлоруссіи,— С. И. Гамалѣю, и секретаря его Ѳ. П. Ключарева, см. Лонгинова: Новиковъ и Московскіе Мартинисты, М. 1867, стр. 163 и далѣе.—Подобныя же дороги устроены были впослѣдствіи и во многихъ другихъ краяхъ Россіи; деревья по бокамъ служатъ спасеніемъ во время зимнихъ мятелей, но по недостатку стоковъ воды, Пушкинъ называлъ эти дороги ящиками для грязи. *П. Б.*

[28]) Подобные троны были и не въ одномъ Бѣлорусскомъ намѣстничествѣ. На нихъ въ торжественныхъ случаяхъ садились намѣстники, что̀ подало поводъ Державину къ стихамъ: «На пышныхъ карточныхъ престолахъ, сидятъ мишурные цари». (Ода на счастіе). *П. Б.*

Какъ императрица назначила для своего пребыванія въ Могилевѣ семь дней, то чтобы со стороны увеселеній было чѣмъ занять ее и дворъ, графъ выписалъ изъ Петербурга придворную италіянскую оперу, а для концертовъ придворную музыку и лучшихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ по тогдашнему времени славилась извѣстная пѣвица Бонафика; для праздниковъ же построилъ на свое иждивеніе театръ и пространную залу, по плану и содѣйствію славнаго архитектора Бригонція.

Собранъ былъ корпусъ войскъ изъ лучшихъ полковъ: перваго кирасирскаго, двухъ гусарскихъ, одного драгунскаго, пяти пѣхотныхъ, пятидесяти орудій полевой артиллеріи и двухъ полковъ Донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-поручика Степана Матвеевича Ржевскаго [29]), извѣстнаго по тактическимъ познаніямъ и нѣкоторымъ военнымъ сочиненіямъ, которыхъ, однакожъ, въ печать не выдалъ; имъ приготовлены были для императора маневры.

За мѣсяцъ до прибытія государыни, съѣхались иностранные министры, часть двора, множество иностранцевъ, а особливо знатныхъ и богатыхъ польскихъ вельможныхъ пановъ; тогда Могилевъ уподоблялся болѣе многолюдному, столичному, нежели губернскому городу. Безпрестанные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно, было ли и послѣ; графъ Сапѣга [30]) проигралъ тогда все свое знатное имѣніе [31]).

---

[29]) Степанъ Матвеевичъ Ржевскій, генералъ-поручикъ, род. 17 декабря 1732 г., ум. 1782 г. *М. Л.*

[30]) Полагаемъ, что здѣсь говорится о сынѣ графа Петра Ивановича Сапѣги, бывшемъ женихомъ княжны Менщиковой, до назначенія ея невѣстой императора Петра II. Графъ Петръ Ивановичъ Сапѣга женился потомъ на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скавронской, родной племянницѣ Екатерины I, и былъ камергеромъ Русскаго двора. *М. Л.*

[31]) Случилось въ то время странное видѣніе бывшему тогда губер-

Наконецъ государыня, чрезъ Псковскую и Полоцкую губерніи, прибыла къ границѣ Могилевской, гдѣ отецъ мой встрѣтилъ ее, а губернаторъ посланъ былъ встрѣчать императора Іосифа II, подъ именемъ графа Фалкенштейна ѣхавшаго со стороны Галиціи. Императрица пожаловала отцу моему поцѣловать ручку и сказала: «Еслибы я сама не видѣла таковаго устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила, а дорóги ваши какъ сады.» Передъ въѣздомъ въ Могилевъ императрица ночевала въ Шкловѣ, гдѣ была уго-

---

натору Петру Богдановичу Пассеку. Онъ былъ страстный игрокъ. Въ одну ночь, проигравъ тысячъ съ десять, сидѣлъ около трехъ часовъ у карточнаго стола и вздремнулъ, какъ вдругъ, очнувшись, сказалъ: Attendez; приснился мнѣ сѣдой старикъ съ бородою, который говоритъ: «Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку 3000, она тебѣ выиграетъ соника, загни пароли, она опять тебѣ выиграетъ соника, загни сетелева, и еще она выиграетъ соника.» Ба, да вотъ и тройка лежитъ на полу; идетъ 3000». И точно она сряду выиграла три раза. Но сіе видѣніе тѣмъ не кончилось. Пассекъ былъ лѣнивый человѣкъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ требовалъ дѣятельности, а потому Пассекъ безпрестанно получалъ отъ него выговоры и взысканія. Въ одинъ день получаетъ онъ изъ Полоцка отъ графа строгій выговоръ; на тотъ разъ былъ у него мой отецъ и многіе другіе его пріятели изъ тамошнихъ чиновниковъ. «Нѣтъ, братцы, говоритъ онъ, я рѣшился идти въ отставку, долго ли терпѣть такія неудовольствія. Да и старикъ мой, который заставилъ меня выиграть 21.000, сегодня приснился мнѣ и сказалъ: «Полно, Пассекъ, грустить, поди въ отставку, тебя отставятъ, но не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ пожалуютъ тебя сенаторомъ, а ровно чрезъ годъ отъ сего дня главнокомандующій въ Москвѣ, князь В. М. Долгорукій умретъ, на его мѣстѣ будетъ графъ Захаръ Григорьевичъ, тебя же пожалуютъ на мѣсто послѣдняго.» Отецъ мой записалъ сей день, и онъ точь-въ-точь въ годъ сбылся. Нужно замѣтить, что князь Долгорукій лѣтами былъ гораздо моложе графа Чернышева и былъ здоровъ. *Л. Э.*

(Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій, генералъ-аншефъ и съ 1780 по 1782 годъ главнокомандующій въ Москвѣ. Родился 1 іюля 1722 г., умеръ 30 января 1782 года). *М. Л.*

щаема бывшимъ ея фаворитомъ Зоричемъ, а на обратномъ пути обѣщала пробыть въ Шкловѣ однѣ сутки.

Встрѣча въ Могилевѣ была самая великолѣпная [32]); въ трехъ верстахъ, построены были тріумфальныя ворота прекраснѣйшей архитектуры, между ними и городомъ поставлены были войска, а по другой сторонѣ народъ и мѣщанство съ ихъ цеховыми значками. У самыхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ государыню намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ съ чиновниками губерніи, и дворянствомъ съ ихъ предводителями, верхами; у городскихъ воротъ—прибывшій наканунѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій [33]), свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ и всѣ бывшіе тутъ генералы; передъ каретою императрицы ѣхалъ эскадронъ кирасиръ. Въ сопровожденіи всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, императрица прибыла прямо къ собору, гдѣ встрѣчена была съ крестомъ и св. водою преосвященнымъ Георгіемъ, архіепископомъ могилевскимъ [34]); приложась къ образамъ и отслуживъ благодарный молебенъ, она отправилась въ домъ намѣстника, гдѣ имѣла свое пребываніе. Тамъ встрѣчена была римско-католическимъ архіепископомъ Сестренцеви-

---

[32]) Въѣздъ Екатерины въ Могилевъ происходилъ 24 мая 1780 г., она осталась тамъ до 30 мая. *М. Л.*

[33]) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій, фельдмаршалъ, родился 1725 г., ум. 8 декабря 1796 г. Онъ былъ сынъ любимца и деньщика Петра I, Александра Ивановича, отъ брака его съ графинею Марьею Андреевною Матвеевою, внукою знаменитаго боярина Матвеева, на смерть которой (4 мая 1788 г.) Державинъ написалъ одну изъ превосходнѣйшихъ своихъ одъ. *М. Л.*

[34]) Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій, родился въ Нѣжинѣ 20 ноября 1717 г., умеръ въ Могилевѣ 13 февраля 1795 г. Сочиненія его изданы въ двухъ частяхъ (Спб. 1835 г.), и разборъ ихъ написанъ Пушкинымъ (*Соч. Пушкина.* Изд. Анненкова Т. V. стр. 554). *М. Л.*

чемъ [35]) съ духовенствомъ, и супругою намѣстника, статсъ-дамою, графинею Анною Родіоновною Чернышевою, съ дамами [36]).

На другой день императрица осматривала присутственныя мѣста, и послѣ представлялись ей чиновники губерніи и дворянство. Въ тотъ же день къ обѣду прибылъ и императоръ, въ сопровожденіи своего генералъ-адъютанта и фаворита Когцейна [37]). Вечеромъ представлялись всѣ дамы, послѣ чего при дворѣ былъ балъ.

Не знаю, справедливо ли, но распространился слухъ, что императрица позвала къ себѣ фельдмаршала, графа Петра Александровича, и говорила ему о планѣ союза съ Австріею. Надобно знать, что съ самаго вступленія на престолъ императрицы дворы Россійскій и Прусскій связаны были тѣснымъ союзомъ; фельдмаршалъ страстный былъ приверженъ къ Пруссіи; въ Семилѣтнюю войну онъ уже извѣстенъ былъ взятіемъ Кольберга [38]), а потомъ былъ съ вспомогательнымъ корпусомъ, въ концѣ царствованія Петра III, при королѣ Прусскомъ Фридрихѣ II, противъ Австрійцевъ; при восшествіи же на престолъ Екатерины II, оставался зрителемъ побѣдъ Фридриха Великаго. Съ того времени фельдмаршалъ былъ обвороженъ его воинскимъ и

[35]) Сестренцевичъ-Богушъ былъ потомъ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи. *М. Л.*

[36]) Графиня Анна Родіоновна Чернышева, урожденная Ведель, род. 1744 г., ум. 9 іюня 1830 г. Сестра ея Марія Родіоновна была замужемъ за графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ (см. выше стр. 5). Обѣ сестры остались сиротами послѣ отца своего, заслуженнаго генерала, и взяты были во фрейлины императрицей Елисаветой. *М. Л.*

[37]) Оный Когцейнъ, на третій день пріѣзда въ Могилевъ, ночью хотѣвъ утолить жажду, схватилъ графинъ воды, который лопнулъ; мелкіе части стекла врѣзались въ руку его, отъ чего сдѣлался антоновъ огонь, и на другой день онъ умеръ. Погребли его уже по отъѣздѣ двора съ подобающею по чину его военною почестію.

[38]) Кольбергъ былъ занятъ Русскими 5 декабря 1761 г. *М. Л.*

государственнымъ геніемъ; въ послѣдствіи два раза былъ въ Пруссіи съ наслѣдникомъ, для женитьбы его, сперва на прежней великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, урожденной принцессѣ дармштадтской [39]), а потомъ на нынѣшней императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, принцессѣ виртембергской, да и сама императрица Екатерина Алексѣевна была принцесса цербстская, родственница короля Прусскаго Фридриха II. Король чрезвычайно уважалъ фельдмаршала, и онъ со всѣми славными прусскими генералами былъ въ короткомъ знакомствѣ, восхищался прусскою арміею, конечно тогда лучшею въ свѣтѣ, и съ тѣхъ самыхъ поръ постоянно твердо оба двора хранили союзъ; новый же союзъ съ Австріею, по природѣ враждебною Пруссіи, предложенъ былъ княземъ Потемкинымъ, личнымъ непріятелемъ, по нѣкоторымъ причинамъ, съ фельдмаршаломъ [40]). Натурально, что онъ опровергалъ этотъ союзъ, но государыня утверждала, «что союзъ сей касательно турецкой войны выгоденъ, и князь Потемкинъ то совѣтуетъ». Фельдмаршалъ сказалъ: «Государыня, вамъ не нужно ни отъ кого принимать совѣты: свой умъ царь въ головѣ.» Императрица отвѣчала: «Правда, но есть и другая русская пословица, не менѣе справедливая: одинъ умъ хорошо, а два лучше.» Несмотря на представленіе фельдмаршала, союзъ съ Австріею былъ заключенъ лично между двумя монархами [41]).

---

[39]) Великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга цесаревича Павла Петровича, род. 14 іюня 1755 г., вышла замужъ 29 сентября 1773, ум. 16 апрѣля 1776 г. Она была родная тетка императрицы Елисаветы Алексѣевны. *М. Л.*

[40]) Графъ Румянцевъ не мало способствовалъ возвышенію Потемкина въ первую турецкую войну, но потомъ испыталъ отъ него непріятности. *М. Л.*

[41]) Императоръ, узнавъ, что фельдмаршалъ не былъ къ нему въ добромъ расположеніи, разговаривая съ нимъ однажды, сказалъ: «Надобно удивляться блистательнымъ вашимъ успѣхамъ въ турецкой

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, по утрамъ производились маневры въ присутствіи императора, а по вечерамъ продолжались праздники. На четвертый день пребыванія двора, бывши во дворцѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ говорилъ князю Потемкину, чрезъ котораго текли всѣ милости и съ которымъ онъ былъ тогда въ пріятномъ обхожденіи, что очень бы ему желалось, если бы государыня наградила достойнаго пастыря преосвященнаго Георгія панагіею; князь съ удовольствіемъ взялся доложить объ этомъ императрицѣ и тогда же пошелъ въ кабинетъ ея величества, откуда вышелъ чрезъ короткое время и отдавая графу панагію, сказалъ: «Извольте отвести сами желаемое вами награжденіе архіепископу.» Графъ тѣмъ обидѣлся и сказалъ: «У васъ есть на то адъютанты, а я уже старъ для разсылокъ». Явно, что князь хотѣлъ тѣмъ услужить графу, но видя его гордый отвѣтъ, приказалъ при немъ своему адъютанту отвезти панагію къ архіерею, а самъ пошелъ къ государынѣ и пожаловался за сдѣланную ему при всѣхъ грубость. Императрица разгнѣвалась и съ тѣхъ поръ уже обращалась съ графомъ холодно. Щедрыя награжденія орденами, чинами и подарками, какія были приготовлены чиновникамъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, остались безъ дѣйствія. Свѣтлѣйшій князь въ тотъ же день отправился. Кажется, что графъ напрасно погорячился и тѣмъ самымъ лишилъ себя и подчиненныхъ своихъ многихъ ожидаемыхъ милостей.

войнѣ, что вы всегда продовольствовали армію въ такъ худо населенной землѣ, какъ Молдавія и Валахія; но что вы били Турокъ, то это сволочь (c'est de la canaille).» Графъ такъ былъ не доволенъ таковымъ комплиментомъ, что, въ послѣдующей турецкой войнѣ, никакой диверсіи не дѣлалъ въ пользу Австрійцевъ, и когда получалъ извѣстія, что Австрійцы были разбиты, то съ удовольствіемъ говаривалъ: «C'est de la canaille qui bat les troupes belles et regulières de Sa Majesté l'Empereur Romain!»

Въ пятый день заложена была церковь во имя св. Іосифа, для зданія которой императрица и императоръ назначили значительныя суммы; при этомъ императрица, послѣ колѣнопреклоненной молитвы, вмѣсто того, чтобы позволить себя приподнять графу, обернулась къ губернатору Пассеку и, подавъ ему руку, сказала: «Петръ Богдановичъ, пособите мнѣ встать.» Послѣ того ея величество уже не была, какъ до сего, ни на какомъ угощеніи.

Въ седьмой день по утру императрица отправилась съ императоромъ Іосифомъ въ Шкловъ. Зоричъ къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей [42]). Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ, съ чрезвычайными декораціями, которыхъ было до семидесяти; сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванжура, отставной ротмистръ австрійской службы; императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-майоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино [43]); павильйонъ изъ 50,000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого.

[42]) Шкловскій купецъ, Еврей Нотка, былъ посланъ отъ Зорича въ Дрезденъ для покупки того фарфора. За провозъ онаго чрезъ Пруссію у въѣзда въ границы сего королевства взята съ него пошлина, а потомъ также и при выѣздѣ. Нотка письменно жаловался королю, что несправедливо съ него взята вдвойнѣ пошлина за провозимый имъ товаръ, при въѣздѣ и при выѣздѣ изъ его королевства. Король далъ отвѣтъ на его жалобу въ такихъ выраженіяхъ: «Господинъ шкловскій купецъ Нотка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; также справедливо и то, что при выѣздѣ взята таковая же; ибо еслибы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моей берлинской фабрикѣ.»

[43]) Петръ Ивановичъ Мелиссино, генералъ отъ артиллеріи, родился

На другой день императрица отправилась въ С.-Петербургъ, чрезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ чрезъ Москву.

По отбытіи императрицы былъ обѣдъ у архіерея Георгія, гдѣ графъ Захаръ Григорьевичъ изъявилъ свое огорченіе. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, и нѣсколько бывъ нетрезвъ, онъ сказалъ: «Ну, друзья мои, я виноватъ, что никто изъ васъ не награжденъ; признаюсь, не кстати разгорячился; ну вотъ по крайней мѣрѣ жалованье государыни женѣ моей раздѣлю съ вами». За тѣмъ онъ порвалъ ожерелье жемчужное у сидѣвшей возлѣ его графини, которое разсыпалось и которое послѣ подобрали.

Чрезъ нѣсколько дней Могилевъ изъ многолюднаго города сдѣлался пустой и принялъ свой видъ. Въ исходѣ сего года Пассекъ вышелъ въ отставку, а отецъ мой на его мѣсто пожалованъ губернаторомъ.

1781. Въ 1781 году наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ съ великою книгинею проѣзжалъ чрезъ Могилевъ въ чужіе краи [44]). Отецъ мой провожалъ его чрезъ всю губернію. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ въ Чечерскѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ ему, угостилъ великаго князя великолѣпно. Былъ благородный театръ, была дана опера: *Новое Семейство* [45]), для сего случая сочиненная бывшимъ тогда полковникомъ С. К. Вязмитиновымъ,

---

17 6 г., ум. 26 декабря 1797 года. Старшій братъ его Иванъ Ивановичъ (род. 1718 г., ум. 23 марта 1795 г.) былъ съ 1771 года до смерти своей кураторомъ Московскаго университета. Отецъ ихъ былъ лекарь, пріѣхавшій въ Россію при Петрѣ Великомъ. *М. Л.*

[44]) Путешествіе великаго князя съ супругой за границу продолжалось 14 мѣсяцевъ. Они выѣхали изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 г. и посѣтили Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Швейцарію, Парижъ, Голландію. *М. Л.*

[45]) Опера эта напечатана тогда же (М. въ Универ. тип. 1781 г.). Сюжетъ ея взятъ изъ Русской простонародной жизни. *М. Л.*

а музыка оной—графскимъ адъютантомъ г. Фрейлихомъ; потомъ французская комедія *Anglomanie*; спектакль кончился прологомъ, игранным дѣтьми и сочиненнымъ графскимъ секретаремъ Ѳедоромъ Петровичемъ Ключаревымъ[46]). Я и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра, актеры представлены были ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу? Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ,—великій князь сказалъ: «Пожалуста не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобъ онъ развратился». Послѣ ужина сожженъ фейерверкъ. На другой день ихъ высочества отправились въ Гомель, мѣстечко, принадлежавшее фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, гдѣ были имъ угощаемы, и продолжали далѣе путь свой.

Въ семъ году графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пожалованъ былъ главнокомандующимъ въ Москву, а Петръ Богдановичъ Пассекъ на мѣсто его въ Могилевъ[47]).

1782. Въ 1782 году свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, проѣзжая чрезъ Могилевъ, обѣщалъ отцу моему взять меня къ себѣ въ адъютанты, и въ семъ году пріобрѣлъ онъ полуостровъ Крымъ, который названъ Таврическою губерніею[48]). Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералъ-губернаторомъ, какъ въ оной губерніи, такъ въ Новороссійской и Херсонской.

---

[46]) Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ былъ послѣдователь мистической школы Новикова. Онъ былъ въ послѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ. Изъ сочиненій его напечатана отдѣльно трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Владиміръ Великій* (М. въ Унив. тип. 1779 г.). При графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ служилъ также въ Бѣлоруссіи, а потомъ въ Москвѣ, извѣстный мистикъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, и покровительствомъ графа пользовались служившіе въ Москвѣ послѣдователи Новикова, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ. *М. Л.*

[47]) Тутъ есть небольшая неточность; это происходило въ февралѣ 1782 года. *М. Л.*

Вотъ происшествіе, случившееся во время проѣзда его свѣтлости. Со времени случая Зорича они между собою были непріятели; хотя князь и не имѣлъ къ Зоричу ненависти, но тотъ всегда думалъ, что онъ къ нему не благоволитъ; чтобы доказать противное, свѣтлѣйшій князь остается въ Шкловѣ на цѣлый день. Одинъ Еврей просилъ позволенія переговорить съ княземъ наединѣ; князь, не ожидая ничего важнаго, не хотѣлъ было его къ себѣ допустить, но какъ тотъ Еврей безотвязно просилъ о томъ, то князь и велѣлъ ввести его къ себѣ въ особливую комнату. Еврей показываетъ сторублевую ассигнацію: «Видите ли, ваша свѣтлость, что она фальшивая?» Князь долго разсматривалъ и не находилъ ничего: такъ она хорошо была поддѣлана, подпись сенаторовъ и разными чернилами, казалось, не могла быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. «Ну что же тутъ, покажи», сказалъ князь. Тогда Жидъ показываетъ, что вмѣсто ассигнація напечатано ассигиація.[49])—«Гдѣ ты ее взялъ?»—
—Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ чрезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ.—«Кто же ихъ дѣлаетъ или выпускаетъ?» спросилъ князь.—«Камердинеръ графа Зановича и карлы Зоричевы.» Князь далъ Еврею тысячу рублей и приказалъ, чтобъ онъ промѣнялъ ихъ на фальшивыя ассигнаціи и привезъ бы ему на другой день въ мѣстечко его

---

[48]) Крымъ присоединенъ къ Россіи 8 апрѣля 1783. Авторъ записокъ нѣсколько ошибается въ этомъ мѣстѣ, относя это событіе къ 1782 г., ибо писалъ на память, которая впрочемъ рѣдко ему измѣняла. *М. Л.*

[49]) Этимъ происшествіемъ доказалась легкость въ поддѣлкѣ ассигнацій, что́ и было одною изъ причинъ, по которой императрица перемѣнила ихъ. Впослѣдствіи уже не сенаторы подписывали новыя, а чиновники Государственнаго Банка; прежнія были только во 100, въ 50 и въ 25 рублей; къ нимъ прибавлены новыя въ 10 рублей (красныя) и въ 5 рублей (синія). Въ концѣ царствованія Александра I-го такъ умножилось фальшивыхъ ассигнацій, что ихъ снова перемѣнили и сдѣлали другой формы.

Дубровну, недавно имъ купленное, отъ Шклова по Смоленской дорогѣ верстахъ въ семидесяти.

Отпустивъ Еврея, князь притворился нездоровымъ и въ тотъ же день, до выздоровленія, возвратился въ Дубровну

Къ перемѣнѣ ассигнацій императрицею былъ еще поводомъ двадцатилѣтній Банкъ съ 20-ю милліонами для дворянства и съ 13-ю милліонами для купечества, подъ залогъ имѣній устроенный; ревизская душа принималась во сто рублей, плата процентовъ со ста по пяти, да въ уплату по три,—въ двадцать лѣтъ долгъ долженъ былъ заплатиться. Поэтому, кто только успѣлъ, то и воспользовался этимъ. Люди благоразумные, сдѣлавъ заемъ, употребили суммы для заплаты долговъ частнымъ людямъ или для нѣкоторыхъ оборотовъ; но бо̀льшая часть употребила для прихотей и роскоши, которая съ тѣхъ поръ много увеличилась и для нравственности была гибельна; отъ нея дворянство вошло въ долги и видимо стало бѣднѣть. Эти 33 милліона, вошедъ въ оборотъ, потеряли свой кредитъ. Прежнія ассигнаціи ходили не только безъ лажа, но, чтобъ имѣть 25-ти рублевую ассигнацію, платили 26 рублей серебромъ, новыя же ассигнаціи въ началѣ теряли десять процентовъ; потомъ по времени, и по мѣрѣ выпуска изъ Банка великаго числа бумажныхъ денегъ, кредитъ онымъ такъ упалъ, что съ 1804 года уже серебренный рубль ходилъ въ 4 рубля.

Съ другой стороны сказанный заемъ принесъ пользу: купцы употребили оный на заведеніе и перестройку въ городахъ фабрикъ, домовъ и каменныхъ лавокъ, отъ чего города улучшились строеніями.

Впослѣдствіи Банкъ сей обращенъ въ осьмилѣтній, и ревизская душа принималасъ уже въ 150 рублей. Когда учредилось Банковое положеніе на 24 года, то въ Великороссійскихъ губерніяхъ душа принималась въ 200 р., а въ прочихъ въ 150 р.; плата же производилась такъ: по 6 со ста процентовъ и по 2 со ста въ уплату капитала.

Послѣ нашествія непріятеля дворянство великими пожертвованіями вошло въ неоплатные долги; заложивъ почти всѣ свои имѣнія, не въ состояніи было уплачивать въ Банкъ положеннаго; имѣнія потеряли свою цѣну, и кредитъ упалъ. Для облегченія въ 1830-мъ году Государь приказалъ уменьшить одинъ процентъ, но продолжить вмѣсто 24 лѣтъ на 26, если же кто пожелаетъ продолжить на 36 лѣтъ, то проценты платитъ по четыре.

и послалъ за отцомъ моимъ, чтобъ онъ туда къ нему пріѣхалъ; на другой день, какъ скоро батюшка мой къ нему явился, князь, полученный уже тогда пукъ ассигнацій показавъ ему, сказалъ: «Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь? Какъ скоро я проѣду Могилевъ, то ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю Малѣеву произвести слѣдствіе, не щадя ни самаго Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи; я для того не хочу, чтобы ты самъ слѣдовалъ, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой родственникъ.»

Теперь я дѣлаю отступленіе и скажу о жизни Зорича и о Шкловѣ. Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы: Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій сбродъ и побродяги. Всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній, лучшее дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая [50]), генералъ-по-

---

[50]) Княгиня Катерина Александровна Долгорукая (ум. 1811 г.) жена извѣстнаго князя Юрія Владиміровича (род. 1740, ум. 1830 г.). Она была дочь фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (род. 1694 г., ум. 1767 г.). *М. Л.*

ручица графиня Мелина[51]) и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій[52]) съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими, польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки; иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей, и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но таковаго рода жизнь ввела его въ неоплатные долги.

Въ числѣ живущихъ у него былъ турецкій князь Изанъ-Бей, второй сынъ сестры царствовавшаго султана; когда Зоричъ былъ въ плѣну, онъ съ нимъ былъ знакомъ и пользовался его благодѣяніями. Сей князь былъ воспитанъ тайно подъ чужимъ именемъ, ибо по турецкимъ законамъ, сестра султана одного только можетъ имѣть въ живыхъ сына, а послѣдующихъ должна при рожденіи задушать. По материнской природной нѣжности мать сберегла его; когда же начали догадываться, что онъ близкій человѣкъ султану, тогда мать его отправила въ чужіе краи, и онъ, бывъ во Франціи, данныя ему деньги всѣ прожилъ, а болѣе ему не присылали. Вспомнивъ свое знакомство съ Зоричемъ, пріѣхалъ въ Шкловъ просить взаимной помощи, въ чемъ ему и не было отказано. Онъ былъ прекрасивый и любезный человѣкъ, говорилъ хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; въ послѣдствіи старшій братъ его умеръ, и султанъ, узнавъ о немъ, позволилъ ему воз-

---

[51]) Супруга графа Бориса Петровича Мелина, генералъ-поручика (род. 1740, ум. 1793); она была рожденная Грабовская. *М. Л.*

[52]) Князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій былъ при Павлѣ I гофмаршаломъ. *М. Л.*

вратиться въ Константинополь. Многіе Русскіе потомъ его тамъ видѣли и сказывали, что данъ ему чинъ подавать султану умываться. Я для того сказалъ о немъ, что можно ли было подозрѣвать кого-либо, съ какимъ намѣреніемъ кто тамъ жилъ? Тѣмъ болѣе Зановичи могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они пріѣхали какъ путешественники, познакомившись въ Парижѣ съ Неранчичемъ[53]), роднымъ братомъ Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ, пріѣхали же имѣя паспорты, жили роскошно и вели большую банковую игру.

По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами, Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму; для сего просиживали они съ нимъ, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ іосредство учитель, бывшій въ корпусѣ, Салморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что̀ и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. То же послужило къ таковому невыгодному для него мнѣнію, что два карла мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось отъ того, что они держали карты, а на большихъ играхъ, особливо когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшой изъ нихъ

---

[53]) Неранчичъ былъ братъ Зорича по своей матери. Фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ отъ $^{18}/_{29}$ сентября 1778 г., писанномъ изъ Ахена къ графу П. Н. Панину, говоритъ о пребываніи его въ Парижѣ, называя его полковникъ Н—ъ, при чемъ Фонъ-Визинъ удостовѣряетъ, будто бы Даламберъ, Мармонтель и другіе писатели низко льстили невѣжественному Неранчичу, надѣясь получить черезъ него подарки отъ Русскаго двора. *М. Л.*

былъ іезуитомъ; по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить на счетъ ближнихъ разными оборотами. Оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогащены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простячковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены, а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранчичемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ основаніе.

Когда уговорили Зорича[54]) на ихъ предложеніе, то старшій остался въ Шкловѣ, а меньшой уѣхалъ за границу, подъ видомъ тамъ продать свое имѣніе и пріѣхать съ деньгами для заплаты долговъ Зорича; но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже пріѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привезти инструменты. Онъ былъ за границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возвращеніи проживалъ съ полгода въ Шкловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя. Съ отъѣздомъ его свѣтлости въ Дубровну, меньшой Зановичъ съ Салмораномъ отправились въ Москву.

Отецъ мой послалъ одного курьера обогнать его и извѣстить главнокомандующаго въ Москвѣ, а другаго вслѣдъ для надзиранія за Зановичемъ.

---

[54]) Зановичи были въ связяхъ съ знаменитымъ искателемъ приключеній Казановой (род. около 1725 г., ум. 1803 г.), который говоритъ о нихъ въ своихъ запискахъ. Трудолюбивый нѣмецъ Бартольдъ издалъ два тома розысканій о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ Казановы (*Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Jacob Casanowa's Memoiren*. Berlin 1846.) Бартольдъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о Зановичахъ. Стефанъ и Предиславъ Зановичи были родомъ Далматы; эти искатели приключеній начали подвиги свои въ Венеціи, а оттуда отправились путешествовать по Европѣ. Стефанъ, посѣтивши многія

Предсѣдатель Малѣевъ, получивъ наставленія, съ земскою полиціею и губернскими драгунами, отправился въ Шкловъ, ночью засталъ старшаго графа Зановича въ по-

---

столицы, вошелъ въ сношенія съ разными знаменитостями и находился между прочимъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ. Въ апрѣлѣ 1776 г. явился онъ въ Потсдамѣ и успѣлъ втереться въ общество принца прусскаго и его супруги. Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго господаря, увѣрялъ, что у него 300,000 червонцевъ годоваго дохода, и что онъ располагаетъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но вскорѣ изъ газетъ узнали его прежнія нечистыя продѣлки, и въ январѣ 1778 года его выслали изъ Берлина. 28 января 1778, Фридрихъ II писалъ къ одному изъ своихъ генераловъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ, а потому его нужно задержать въ Бреславлѣ, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, куда имѣлъ рекомендательныя письма отъ кавалера Кавалли, венеціянскаго посланника въ Неаполѣ. Онъ такъ умѣлъ воспользоваться этими письмами, что успѣлъ занять у голландскихъ банкировъ 300,000 гульденовъ, которые скоро исчезли. Голландское правительство хотѣло взыскать эту сумму съ Кавалли, который отказался платить, говоря, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Тогда штаты обратились къ венеціянскому правительству за уплатой, но и оно отъ нея отказалось. По этому случаю дѣло чуть не дошло до войны между Голландіею и Венеціей, но императоръ Іосифъ II предложилъ свое посредство, помирилъ противниковъ, и Голландія отступила отъ своего требованія въ 1779 году. Предиславъ Зановичъ за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи (*Die geschichtl. Persönl. in J. Casan. Memoir.* II Band, S. 324—327). Бартольдъ имѣлъ ошибочныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Зановичей: онъ говоритъ, что Стефанъ умеръ въ амстердамской долговой тюрьмѣ. Записки Л. Н. Энгельгардта открываютъ истину. Вѣроятно, Стефанъ успѣлъ убѣжать въ Парижъ, гдѣ нашелъ своего брата; тамъ познакомились они съ Неранчичемъ и отправились въ Шкловъ къ Зоричу. М. Л.

Свѣдѣнія о Зановичахъ, послужившія къ составленію этого примѣчанія, были доставлены Сергѣемъ Александровичемъ Соболевскимъ.

Н. П.

стели, отправилъ его за карауломъ въ Могилевъ, прямо въ губернское правленіе; квартиру его окружили карауломъ; также взяты Зоричевы карлы, а съ самого Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не сдѣлаетъ отвѣта на запросные пункты. На квартирѣ Зановича, по осмотрѣ, ничего подозрительнаго не оказалось; найдено тысячи двѣ рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколько вещей изъ дорогихъ каменьевъ. Камердинеръ его оказался дѣвкою, его любовницею, италіянкою, но она ничего не знала, ибо она только ночевала на квартирѣ, а въ прочее все время была въ домѣ у Зорича. Князь Изанъ-Бей былъ великій непріятель сихъ побродягъ, безпрестанно съ ними ссорился и неоднократно уговаривалъ Зорича, чтобы ихъ прогналъ.

Въ допросѣ губернскаго правленія Зановичъ показалъ, что братъ его поѣхалъ чрезъ Москву въ С.-Петербургъ явить правительству вымѣненныя ассигнаціи за границею отъ Жидовъ за дешевую цѣну; но послѣ нашли въ его квартирѣ подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій, по открытіи чего онъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургъ; Зорича же совершенно оправилъ въ незнаніи фальшивыхъ ассигнацій.

Меньшой Зановичъ схваченъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Стакнувшись съ братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по признаніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ Шведовъ, въ 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторыя услуги, за что по освобожденіи порта высланы за границу.

Въ Шкловѣ было множество бродягъ, такъ что ежели случалась нужда отыскивать какого-нибудь сорванца, то

государыня приказывала посмотрѣть, нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и иногда точно его тамъ находили. Между прочими, во время французской революціи, въ 1792 году, графъ де-Монтегю, бывшій капитанъ корабля во французскомъ флотѣ королевской службы, подъ видомъ эмигранта, императрицею принятъ былъ въ черноморскій флотъ; онъ, проѣзжая Шкловъ, притворился больнымъ и оставался тамъ не малое время. Почтмейстеру казался онъ подозрителенъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ туда пріѣхать, какъ черезъ Ригу адресованы были на его имя иностранныя газеты. Одинъ разъ почтмейстеръ рѣшился распечатать и, осматривая съ прилежаніемъ, замѣтилъ, что на одномъ листкѣ между строкъ шероховато, а когда поднесъ къ огню, оказалось написанное и открылось, что Монтегю былъ якобинецъ, и ему было поручено сжечь нашъ черноморскій флотъ. Сего Монтегю отправили за карауломъ въ С.-Петербургъ; въ послѣдствіи на эшафотѣ изломали надъ нимъ шпагу, и сосланъ онъ былъ въ Сибирь въ работу.

Въ іюлѣ 1783 г., мать моя по болѣзни отправилась въ Нарву (и меня съ собою взяла) пользоваться тамъ отъ главнаго доктора г. Сандерса; гдѣ пробывъ до сентября и не получа облегченія въ своей болѣзни, отправилась въ С.-Петербургъ. По прибытіи туда, явился я на службу въ Преображенскій полкъ; майоромъ тогда былъ генералъ-майоръ Николай Алексѣевичъ Татищевъ, пріятель моего отца. Отыскалъ, что я написанъ въ спискѣ служащихъ, и уже состою въ третьей сотнѣ и числюсь въ 1-й мушкатерской ротѣ.

III. Вступленіе мое въ службу до открывшейся турецкой войны въ 1788 году.

Служба моя въ гвардіи ничтожна и кратковременна; нѣкоторое время я былъ при ротѣ и раза два дежурилъ, по-

томъ записанъ былъ въ уборные: такъ назывались сержанты, избираемые по высокому росту. Одѣты они были въ обыкновенные тогдашніе мундиры; шишаки въ родѣ римскихъ съ богатою серебряною арматурою и панашемъ изъ страусовыхъ перьевъ украшали ихъ головы; сума для патроновъ тожь съ серебряною арматурою. Сіи уборные сержанты стояли по два на часахъ передъ кавалергардскою залой, куда только впускались до капитана; но въ дворянскомъ мундирѣ всякій имѣлъ право туда входить. Я хаживалъ, бывъ сержантомъ гвардіи, какъ и прочіе мои товарищи, не въ службѣ, въ дворянскомъ мундирѣ, который во всякомъ чинѣ дворянинъ имѣлъ право носить. За сею залою была тронная, у дверей которой стояли по два кавалергарда; не всѣ генералъ-поручики и тайные совѣтники имѣли туда входъ, но тѣ только, которые имѣли на то позволеніе. Кавалергарды были не то, что теперь; ихъ было всего шестьдесятъ человѣкъ; выбирались по желанію каждаго, высокаго росту, изъ дворянъ; они всѣ считались поручиками въ арміи; капралы были штабъ-офицеры, вахтмейстеръ—полковникъ, корнетъ—генералъ-майоръ, поручикъ былъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, ротмейстеръ—сама императрица. Должность ихъ была стоять подвое на часахъ у тронной, а когда императрица хаживала пѣшкомъ въ Александро-Невскій монастырь, 30 августа, въ день сего святаго, то они всѣ ходили по сторонамъ ея [55]); мундиръ ихъ парадный былъ синій бархатный, обложенъ въ видѣ латъ кованымъ серебромъ и шишакъ тожь изъ серебра и очень тяжелый.

По пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя изъ Херсонской губерніи, опредѣленъ я былъ къ нему съ четырьмя другими сержантами на ординарцы; симъ заключилась служба моя въ

([55]) Въ послѣдній разъ сія процессія была въ 1782 году, а послѣ того уже она отмѣнена.

гвардіи. 1783 года въ декабрѣ его свѣтлость взялъ меня къ себѣ въ адъютанты; онъ тогда еще былъ генералъ-аншефомъ и вице-президентомъ военной коллегіи [56]); по чину имѣлъ одного генералъ-адъютанта премієръ-майорскаго чина, двухъ флигель-адъютантовъ капитанскаго чина, да такое же число адъютантовъ по званію шефа екатеринославской конницы. Адъютанты его, какъ онъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи, имѣли право носить всѣ армейскіе мундиры, кромѣ артиллерійскаго, и вообще у всего генералитета адъютанты носили мундиры тѣхъ войскъ, какія у нихъ были въ командѣ; общій знакъ адъютантовъ былъ аксельбантъ на правомъ плечѣ.

Князь жилъ во дворцѣ; хотя особливый былъ корпусъ, но на аркахъ была сдѣлана галлерея для проходу во дворецъ черезъ церковь, мимо самыхъ покоевъ императрицы.

Лишь только я вступилъ въ свое лестное, по тогдашнему времени, званіе, какъ по разнымъ причинамъ государыня оказала къ князю немилость, и уже онъ сбирался путешествовать въ чужіе краи, и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ; почему, какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей, никто у него не бывалъ; а сему слѣдуя, и другіе всякаго званія люди его оставили: близь его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Княгиня Дашкова, бывшая въ милости и довѣренности у императрицы, довела до свѣдѣнія ея, черезъ сына своего, бывшаго при князѣ дежур-

---

([56]) Князь Потемкинъ за присоединеніе Крыма въ 1783 году пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и назначенъ президентомъ военной коллегіи 2 февраля 1784 г. Въ то же время назначенъ онъ шефомъ кавалергардовъ и генералъ-губернаторомъ Екатеринославскимъ и Таврическимъ. *М. Л.*

нымъ полковникомъ, о разныхъ неустройствахъ въ войскѣ: что слабымъ его управленіемъ вкралась чума въ Херсонскую губернію, что выписанные имъ Италіянцы и другіе иностранцы, для населенія тамъ пустопорожнихъ земель, за неприуготовленіемъ имъ жилищъ и всего нужнаго, почти всѣ померли, что раздача земель была безъ всякаго порядка, и окружающіе его дѣлали много злоупотребленій и тому подобное; къ княгинѣ Дашковой присоединился фаворитъ А. Д. Ланской.

Императрица не совсѣмъ повѣрила доносу на свѣтлѣйшаго князя, и черезъ особыхъ вѣрныхъ ей людей тайно узнала, что непріятели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя, какъ человѣка, способствовавшаго къ управленію государствомъ; лишила милости княгиню Дашкову, отставила ее отъ званія директора Академіи [57]), а на мѣсто ея пожаловала г. Домашнева [58]); князю возвратила довѣренность.

Свѣтлѣйшій князь, въ одинъ день проснувшись, на столѣ близь кровати видитъ пакетъ, положенный его камердинеромъ, изъ Грековъ, Захаромъ Константиновымъ, и который присланъ былъ отъ императрицы, съ тѣмъ чтобы для сего князя не будить. Онъ, проснувшись и прочитавъ оный, закричалъ: «Попова!» (такъ звали правителя его канцеляріи). [59]) Я, бывши тогда дежурнымъ, позвалъ его;

[57]) Тутъ авторъ также ошибается: княгиня Екатерина Романовна Дашкова (род. 17 марта 1744, ум. 4 янв. 1810) нѣсколько разъ подвергалась неудовольствію императрицы, но не въ это время. Она оставила дворъ въ 1794 году, сохранивъ всѣ свои должности, отъ которыхъ отставлена только въ ноябрѣ 1796 года императоромъ Павломъ I. *М. Л.*

[58]) Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, камергеръ, ум. 1796 г. Онъ былъ директоромъ Академіи наукъ съ 1775 по 1782 годъ, слѣдовательно прежде, а не послѣ княгини Дашковой, которая на его мѣсто и была назначена. *М. Л.*

[59]) Василій Степановичъ Поповъ род. 1745 г. Служилъ въ Москвѣ

князь подалъ ему бумагу и сказалъ: «Читай». То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегіи, то-есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывшій подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: «Идите поздравлять князя фельдмаршаломъ». Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость. Онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ (такъ онъ хаживалъ къ ней по утрамъ). Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты его были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе передъ нимъ пресмыкались; двое, однакожь, во время его невзгодья показали къ нему приверженность, а именно камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ и Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ.

Штатъ по чину его увеличился двумя генеральсъ-адъютантами въ чинѣ подполковниковъ, и еще двумя флигель-адъютантами въ прежнихъ чинахъ. Остался прежній его генеральсъ-адъютантъ Рибопьеръ [60]), а другаго взялъ меньшаго сына фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго [61]), по Екатеринославской конницѣ изъ его флигель-адъютантовъ въ генеральсъ-адъютанты Мамонова [62]), который въ послѣдствіи былъ фаворитомъ.

при главнокомандующемъ князѣ В. М. Долгоруковѣ-Крымскомъ (1780—1782), а потомъ перешелъ къ Потемкину. Умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта въ ноябрѣ 1822 года. *М. Л.*

[60]) Иванъ Александровичъ Рибопьеръ, отецъ оберъ-камергера графа Александра Ивановича, умершаго въ 1865 году. *М. Л.*

[61]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, фельдмаршалъ, род. 18 марта 1728 г., ум. 9 января 1803. Сынъ его, о которомъ здѣсь говорится, назывался графомъ Львомъ Кирилловичемъ. *М. Л.*

[62]) Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-

Теперь почитаю приличнымъ сказать вкратцѣ о происхожденіи и исторіи моего генерала [63]), игравшаго роль, какую никто никогда въ Россіи не представлялъ и такъ не былъ силенъ.

Родъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина былъ польскій. Съ завоеваніемъ Смоленска предки его остались въ Россіи; были дворяне, но ни одного не было, который бы занималъ высокія государственныя должности. Петръ Великій употреблялъ одного Потемкина для посольства въ Англію [64]), но по возвращеніи ничѣмъ его не почтилъ. Отецъ знаменитаго сего человѣка, оконча службу въ гарнизонѣ капитаномъ, жилъ въ помѣстьѣ своемъ, не далеко отъ Смоленска. Князь Григорій Александровичъ родился въ 1736 году [65]), въ деревнѣ Чижевѣ, которая досталась по праву наслѣдства отъ сестры его, бывшей за Василіемъ

адъютантъ и генералъ-лейтенантъ, родился 19 сентября 1758, ум. 29 сентября 1803. Вліяніе его при дворѣ началось въ 1786 году; въ іюнѣ 1789 онъ женился на фрейлинѣ, княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой (род. 1762 г. ум. 1801 г.) и удалившись отъ двора, поселился въ Москвѣ. *М. Л.*

[63]) См. выше, примѣч. 4-е.

[64]) Петръ Ивановичъ Потемкинъ, окольничій, былъ два раза посыланъ за границу: въ 1667 году въ Испанію и Францію для объявленія Андрусовскаго перемирія Россіи и Польши; въ 1680 году во Францію, Испанію и Англію для объявленія о смерти царя Алексѣя Михайловича и постановленія торговаго договора съ Франціей. Онъ умеръ около 1690 года. *М. Л.*

[65]) Извѣстный знатокъ нашей старины П. Ѳ. Карабановъ, бывшій въ родствѣ съ Потемкинымъ, нашелъ, что время его рожденія не 1736 годъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а 1739 годъ. Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, говоря ниже о смерти Потемкина въ 1791 году, также говоритъ, что князю былъ тогда 52 годъ; слѣдовательно сходится съ Карабановымъ. Надобно думать, что авторъ былъ введенъ въ заблужденіе, наводя справки по ошибочнымъ указаніямъ. Теперь нельзя сомнѣваться, что Потемкинъ родился въ 1739 году, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ. *М. Л.*

Андреевичемъ Энгельгардтомъ, племяннику его Василію Васильевичу Энгельгардту [66]); другая сестра его была за Самойловымъ [67]), а третія за Высоцкимъ. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался при своихъ родителяхъ. За недостаткомъ учебныхъ заведеній отецъ записалъ его въ Смоленскую семинарію, но замѣтя въ немъ пылкой умъ, отправилъ въ гимназію Московскаго университета. Въ характерѣ Потемкина оказывалось въ то время много странности. «Хочу непремѣнно быть архіереемъ или министромъ» часто твердилъ онъ своимъ товарищамъ. Поэзія, философія, богословіе и языки латинскій и греческій были его любимыми предметами; онъ чрезвычайно любилъ состязаться, и сіе пристрастіе осталось у него навсегда; во время своей силы онъ держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и всякаго званія ученыхъ людей. Любимое его было упражненіе: когда всѣ разъѣзжались, призывать ихъ къ себѣ и стравливать ихъ, такъ сказать, а между тѣмъ самъ изощрялъ себя въ познаніяхъ.

Родители его почли, что военная служба будетъ ему выгоднѣе; по ходатайству нѣкоторыхъ господъ, записали его въ конную гвардію унтеръ-офицеромъ и отправили на службу; по дошедшей до него очереди сдѣланъ онъ вахмистромъ. Въ семъ чинѣ былъ онъ, когда въ 1762 году произошелъ переворотъ, рѣшившій судьбу императора Петра III-го и возведшій на престолъ Екатерину II-ю. Образъ его жизни доставилъ ему знакомство съ важнѣйшими осо-

---

[66]) Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, любимецъ Потемкина; о немъ часто будетъ говорено въ этихъ Запискахъ, авторъ которыхъ былъ ему дальнимъ родственникомъ. Сестры В. В. Энгельгардта были: графиня Скавронская и Браницкая, княгиня Голицына, графиня Литта и г-жа Шепелева. *М. Л.*

[67]) Отецъ графа Александра Николаевича Самойлова, бывшаго генералъ-прокуроромъ и умершаго въ 1812 году. *М. Л.*

бами [68]), участвовавшими въ сей государственной перемѣнѣ. Во весь день 28 іюня, находился онъ вблизи государыни; былъ въ ея свитѣ, когда она поѣхала въ Петергофъ.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, пожаловала Потемкина офицеромъ гвардіи и потомъ камеръ-юнкеромъ; онъ посланъ былъ въ Стокгольмъ курьеромъ къ находившемуся тамъ россійскому посланнику, графу Остерману [69]) съ извѣстіемъ о ея воцареніи.

Возвратившись изъ Швеціи, онъ умѣлъ войдти въ тѣснѣйшую связь съ особами, всегда окружавшими императрицу, и сдѣлался болѣе извѣстнымъ Екатеринѣ, принятъ бывъ въ ея общество, состоявшее изъ небольшаго числа извѣстныхъ людей. Потемкинъ былъ прекрасный мущина; имѣлъ привлекательную наружность, пріятную и острую физіономію, былъ пылокъ и въ обществѣ любезенъ [70]).

Потемкинъ встрѣтилъ при дворѣ нѣкоторыя непріятности; въ 1769 г. война съ Турціею подала ему случай удалиться на нѣсколько времени изъ столицы; пожалованный камергеромъ, отправился онъ въ армію волонтеромъ гдѣ участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ продолженіи сей войны. Фельдмаршалъ Румянцовъ о славныхъ побѣдахъ послалъ его съ донесеніемъ къ государынѣ. Государыня пожаловала его генералъ-поручикомъ и генералъ-

---

[68]) Потемкинъ былъ тогда въ близкихъ связяхъ съ Орловыми. *М. Л.*

[69]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, въ послѣдствіи канцлеръ, сынъ знаменитаго дипломата и любимца Петра I. Онъ род. 1723 г. умеръ 18 апрѣля 1811 г. *М. Л.*

[70]) Потемкину нужны были деньги; по преданію ихъ давалъ молодой князь Кантемиръ, владѣлецъ той Черной Грязи (нынѣ подмосковнаго Царицына) гдѣ, по свидѣтельству Записокъ Державина, Екатерина II-я жила съ Потемкинымъ въ уединеніи, лѣтомъ 1775 года. *П. Б.*

адъютантомъ [71]), и онъ снова принятъ былъ въ число приближенныхъ къ императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени сдѣлался пасмурнымъ, задумчивымъ, наконецъ оставилъ совсѣмъ дворъ; переѣхалъ въ монастырь Александра Невскаго, объявилъ, что желаетъ тамъ постричься, отростилъ бороду и носилъ монашеское платье [72]). Великая монархиня, видя въ немъ отмѣнное дарованіе государственнаго человѣка [73]), вызвала его изъ сего уединенія, пожаловала генералъ-аншефомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка, осыпала всѣми щедротами и почестями, а при заключеніи мира съ Турками почтила графскимъ достоинствомъ, какъ непосредственно способствовавшаго своими совѣтами. Въ 1776 году римскій императоръ Іосифъ II прислалъ ему дипломъ на императорско-княжеское достоинство съ титломъ свѣтлѣйшаго; имѣлъ всѣ россійскіе ордена, кромѣ Св. Георгія (который получилъ послѣ), ордена всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Золотаго Руна, Св. Духа и Подвязки. Въ послѣдствіи и въ свое время сказана будетъ окончательная его исторія.

Принцъ де-Линь [74]) такъ его портретъ изобразилъ: «Показывая видъ лѣнивца, трудится безпрестанно; не имѣ-

---

[71]) Потемкинъ получилъ чинъ генералъ-майора за взятіе 2 іюля 1769 года укрѣпленій подъ Хотиномъ. *М. Л.*

[72]) Полагаютъ, что люди ему преданные внушили императрицѣ, что онъ по любви къ ней возненавидѣлъ свѣтъ. Самолюбію ея было лестно, и прекрасный, великаго ума человѣкъ сдѣлался ея фаворитомъ.

[73]) Потемкину особенно покровительствовала, при началѣ его придворнаго поприща, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, сестра фельдмаршала Румянцова, пользовавшаяся неограниченнымъ довѣріемъ императрицы. Честолюбіе Потемкина вскорѣ получило почти полное удовлетвореніе, но онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть Георгіевскую ленту, которую получилъ только за штурмъ Очакова, 6 декабря 1788 года. *М. Л.*

[74]) Принцъ де-Линь, фельдмаршалъ, род. 18 (29) мая 1735 года, ум. 1 декабря 1814 года. Онъ долгое время былъ австрійскимъ по-

етъ стола, кромѣ своихъ колѣней; другаго гребня, кромѣ своихъ ногтей; всегда лежитъ, но не предается сну ни днемъ, ни ночью; безпокоится прежде наступленія опасности и веселится, когда она настала; унываетъ въ удовольствіяхъ; несчастенъ отъ того, что счастливъ; нетерпѣливо желаетъ и скоро всѣмъ наскучиваетъ; философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ и вмѣстѣ избалованный девятилѣтній ребенокъ; любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою привѣтствуетъ женщинъ; принимаетъ безчисленныя награжденія и тотчасъ ихъ раздаетъ; лучше любитъ давать, чѣмъ платить долги; чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣетъ денегъ; говоритъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями; по очереди имѣетъ видъ восточнаго сатрапа или любезнаго придворнаго вѣка Лудовика XIV и вмѣстѣ показываетъ изнѣженнаго сибарита. Какая же его магія? Геній, потомъ геній, и еще геній; природный умъ, превосходная память, возвышенность души, коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи наградъ, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, чего онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивіада.»

По моей молодости и неопытности почти вовсе не доходило до моего свѣдѣнія ничего касательно дворскихъ интригъ, но скажу: какимъ образомъ дворъ по наружности всѣмъ былъ извѣстенъ. Въ каждое воскресеніе и большой праздникъ былъ выходъ ея величества въ придворную цер-

---

сломъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ войнѣ съ Турками. Умъ его прославился повсюду, а императрица оказывала ему постоянно знаки уваженія и дружбы. Записки его получили давно общую извѣстность. *М. Л.*

ковь; всѣ, какъ должностные, такъ и праздные, собирались въ тѣ дни во дворецъ; тѣ, которые имѣли входъ въ тронную залу, ожидали ея величества тамъ; имѣющіе входъ въ кавалергардскую залу, въ сей залѣ—и тутъ болѣе всѣхъ толпились; а прочіе собирались въ залѣ, гдѣ стояли на часахъ уборные гвардіи сержанты. Военные должны были быть въ мундирахъ и шарфахъ, статскіе во французскихъ кафтанахъ или губернскихъ мундирахъ и башмакахъ; всѣ должны были быть причесаны съ буклями и съ пудрою; оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы, заранѣе до выхода императрицы, ходили по кавалергардской залѣ и, ежели усматривали кого неприлично одѣтымъ, то просили таковаго вѣжливо выйдти. За нѣсколько времени наслѣдникъ великій князь съ великою княгинею, изъ своей половины, проходили во внутреннія комнаты государыни, которая въ половинѣ одиннадцатаго часа выходила въ тронную, гдѣ чужестранные министры, знатные чиновники и придворные ея ожидали. Тамъ представлялись пріѣзжіе, или по инымъ какимъ причинамъ имѣющіе входъ за кавалергардовъ; тамъ она удостоивала со многими разговаривать. Въ одиннадцать часовъ отворялись двери; первый выходилъ оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, за нимъ пажи, камеръ-пажи, камеръ-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два въ рядъ; предъ самою императрицею свѣтлѣйшій князь. Государыня всегда имѣла милый, привлекательный и веселый, небесный взглядъ. Ежели были пріѣзжіе или отъѣзжающіе, или благодарить за какую милость, но не имѣющіе входа въ тронную, то представляемы были тутъ оберъ-камергеромъ, и государыня жаловала цѣловать имъ ручку. За императрицею шелъ великій князь, рядомъ съ великою княгинею; за ними статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины, по двѣ въ рядъ. Тѣмъ же порядкомъ государыня возвращалась во внутреннія комнаты. Императрица кушала въ часъ. Ежели кто хотѣлъ быть представленъ великому князю и великой княгинѣ, то пред-

ставлялся на ихъ половинѣ въ день, когда ихъ высочества сами назначатъ.

Каждое воскресенье былъ при дворѣ балъ или куртагъ. На балъ императрица выходила въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ церковь; передъ залою представлялись дамы и цѣловали ея ручку. Балъ всегда открывалъ великій князь съ великою княгинею минуэтомъ; послѣ ихъ танцовали придворные и гвардіи офицеры; изъ армейскихъ ниже полковниковъ не имѣли позволенія; танцы продолжались: минуэты, польскіе и контрдансы. Дамы должны были быть въ русскихъ платьяхъ, то-есть особливаго покроя парадныхъ платьяхъ, а для уменьшенія роскоши былъ родъ женскихъ мундировъ по цвѣтамъ, назначеннымъ для губерній. Кавалеры всѣ должны быть въ башмакахъ. Все дворянство имѣло право быть на оныхъ балахъ, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи,—только въ дворянскихъ мундирахъ.

Императрица игрывала въ карты съ чужестранными министрами или кому прикажетъ, для чего карты подавали тѣмъ по назначенію камеръ-пажи; великій князь тоже игралъ за особливымъ столикомъ. Часа черезъ два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тѣмъ же порядкомъ отходила во внутреннія комнаты. Послѣ нея спѣшили всѣ разъѣзжаться.

Въ новый годъ и еще до великаго поста бывало нѣсколько придворныхъ маскарадовъ. Всякій имѣлъ право получить билетъ для входа въ придворной конторѣ. Купечество имѣло свою залу, но обѣ залы имѣли между собою сообщеніе, и не запрещалось переходить изъ одной въ другую. По желанію могли быть въ маскахъ, но всѣ должны были быть въ маскарадныхъ платьяхъ: доминахъ, венеціянахъ, капуцинахъ и проч. Императрица сама выходила маскированная, одна, безъ свиты. Въ буфетахъ было всякаго рода прохладительное питье и чай; ужинъ былъ только по приглашенію оберъ-гофмаршала, человѣкъ на сорокъ въ кавалерской

залѣ. Гвардіи офицеръ наряжался для принятія билетовъ; ежели кто пріѣзжалъ въ маскѣ, долженъ былъ предъ офицеромъ маску снимать. Кто первый пріѣзжалъ и кто послѣдній уѣзжалъ, подавали государынѣ записку: она была любопытна знать весельчаковъ. Какъ балы, такъ и маскарады начинались въ шесть часовъ, а маскарадъ оканчивался за полночь.

Одинъ разъ въ недѣлю было собраніе въ эрмитажѣ, гдѣ иногда бывалъ и спектакль; туда приглашаемы были люди только извѣстные; всякая церемонія была изгнана; императрица, забывъ, такъ сказать, свое величество, обходилась со всѣми просто. Были сдѣланы правила противъ этикета; кто забывалъ ихъ, то долженъ былъ въ наказаніе прочесть нѣсколько стиховъ изъ *Телемахиды*, поэмы стариннаго сочиненія Тредьяковскаго.

У великаго князя по понедѣльникамъ были балы, а по субботамъ на Каменномъ островѣ, по особому его приглашенію, лично каждаго, чрезъ придворнаго его половины лакея; а сверхъ того наряжались по два гвардіи офицера отъ каждаго полка.

Въ Европѣ славилась тогда пѣвица г-жа Тоди [75]) и пѣвецъ Маркези [76]); никогда они вмѣстѣ не съѣзжались, но императрица убѣдила ихъ обоихъ прибыть въ Петербургъ. Г. Сарти [77]), извѣстный сочинитель музыки, сочинилъ оперу: *Армида* и *Рено*; всѣ аріи согласовались съ желаніемъ сихъ двухъ именитыхъ артистовъ. Во время представленія, одинъ надъ другимъ стараясь одержать поверхность, пѣніемъ своимъ они удивляли и восхищали знатоковъ и любителей музыки.

---

[75]) Пѣвица Тоди ненавидѣла знаменитаго Сарти и успѣла повредить ему на нѣкоторое время при дворѣ. *М. Л.*

[76]) Луиджи Маркези, одинъ изъ славнѣйшихъ пѣвцовъ-кастратовъ, родомъ миланецъ, род. 1755 г., ум. 3 (15) декабря 1829 г. *М. Л.*

[77]) Іосифъ Сарти, род. 1730, ум. 1802. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1785 г. Лучшею его оперой считается *Армида*. *М. Л.*

Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимаемаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій [78]), отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разсказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ, а какъ оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ день у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сіятельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжалъ сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ, кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.

По воскресеніямъ у вице-канцлера графа Остермана [79]) бывали балы. Вообще много было открытыхъ домовъ, гдѣ весело провожали время, а особливо у оберъ-гофъ-шталмейстера Льва Александровича Нарышкина [80]).

Публичныя увсселенія были: два театра, на которыхъ играли русскіе актеры трагедіи, комедіи и оперы; въ трагедіи отличался своимъ неподражаемымъ талантомъ г. Дмитревскій [81]). Французская была прекрасная труппа для

[78]) Который никогда и ротой не командовалъ.

[79]) Объ Остерманѣ см. примѣч. 69.

[80]) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., ум. 9 ноября 1799 г. Онъ былъ извѣстенъ роскошною жизнію, остротой ума и неистощимою веселостію. *М. Л.*

[81]) Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (Нарыковъ), род. 23 февраля 1736, ум. 27 октября 1821 г. *М. Л.*

трагедіи и комедіи, италіянская опера-буфа, которую императрица [82]) изъ всѣхъ театральныхъ позорищъ болѣе всего жаловала. Въ балетѣ тогда отличался Розетти, какъ прыгунъ, а Пикъ для характеристическихъ танцевъ. Въ большомъ каменномъ театрѣ каждый четвергъ г. Морсаньи давалъ маскарады; платили за входъ по одному рублю и посѣщали оные какъ всѣ знатные обоего пола, такъ и вся публика, маскированные и безъ масокъ. Императрица не однократно инкогнито бывала замаскировавшись съ фаворитомъ своимъ Ланскимъ, въ сопровожденіи статсъ-дамы графини Браницкой [83]) и камеръ-фрейлины Протасовой [84]).

Былъ музыкальный клубъ, гдѣ каждую недѣлю по понедѣльникамъ были концерты и многія другія вольныя для увеселенія заведенія. Игры азартныя хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы. Словомъ, всѣ, жившіе въ Петербургѣ, жили вольно и пріятно, безъ всякаго принужденія; однакожь благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія.

---

[82]) Увѣдомилась она, что графъ Безбородко далъ 40,000 актрисѣ Давіи, и какъ сіе знала вся публика, что государственный тотъ человѣкъ употребилъ таковую знатную сумму, повелѣла актрису Давію выслать въ 24 часа за границу, а потомъ и всю оную труппу выслать.

[83]) Графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, род. 1754, ум. 15 августа 1838 г. Она была за мужемъ за коронныкъ великимъ гетманомъ польскимъ, графомъ Ксаверіемъ Петровичемъ, бывшимъ потомъ русскимъ генераломъ. Князь Потемкинъ любилъ ее, болѣе всѣхъ своихъ племянницъ. *М. Л.*

[84]) Анна Степановна Протасова, родственница Орловыхъ, камеръ-фрейлина, получила графское достоинство въ 1801 году сентября 17, ум. 12 апрѣля 1826. Она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Екатерины II. *М. Л.*

Образъ жизни моего генерала былъ единообразенъ; всякое утро домъ его наполнялся вельможами, особливо военными, но его рѣдкіе кто видали. Онъ всегда былъ въ своей спальнѣ и въ шлафоркѣ; кромѣ самознатныхъ людей и короткихъ его знакомыхъ никто не входилъ туда безъ доклада. Въ часъ онъ обѣдалъ; его собственный столъ былъ на осьмнадцать приборовъ, да для штата его, въ другой залѣ, на двадцать четыре прибора. Какъ столъ, такъ и все прочее было на счетъ двора, равно и услуга. Любилъ играть въ коммерческія игры, а иногда и въ банкъ. Любилъ лакомиться самыми грубыми вещами, для чего старались ему доставлять по его вкусу, не только изъ Петербурга какъ-то: хорошіе соленые огурцы, капусту и тому подобное, но изъ губерній; съ нарочными курьерами доставляли: изъ Урала икру, изъ Астрахани рыбу, изъ Нижняго-Новгорода подновскіе огурцы, изъ Калуги—калужское тѣсто. Иногда князь выѣзжалъ на вечера и балы, а особливо ко Льву Александровичу Нарышкину; обѣдать иногда ѣзжалъ къ Матвею Ѳедоровичу Кашталинскому [85]), у котораго почитался самый лакомый столъ, и собирались знатнѣйшіе карточные игроки. На балы великаго князя и на Каменный Островъ ни одного раза не миновалъ. Любилъ смотрѣть на искусныхъ игроковъ въ билліардъ, почему всѣхъ лучшихъ искусниковъ отыскивали и къ нему привозили; тоже любилъ смотрѣть игру шахматъ, для чего изъ Тулы выписали одного купца, и онъ возилъ его съ собою даже и въ армію. Многіе, чтобы быть извѣстными его свѣтлости, старались имѣть къ нему входъ и его забавлять.

---

[85]) Матвей Ѳедоровичъ Кашталинскій былъ долгое время оберъ-церемонійместеромъ при Екатеринѣ II. По свидѣтельству С. Н. Глинки, Кашталинскій былъ милостивцемъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ Смольянъ; можетъ быть, онъ нѣкогда покровительствовалъ и Потемкину. *П. Б.*

1784. Въ началѣ 1784 года свѣтлѣйшій князь преобразилъ армію въ новую одежду. Передъ симъ гренадеры имѣли старинныя гренадерскія шапки; мушкатеры, кавалерія и артиллерія носили шляпы; вся армія причесана была съ буклями, длинными косами и пудрою, что особливо было тягостно для нижнихъ чиновъ; зимою одѣты были въ длинные мундиры, а лѣтомъ въ красные камзолы съ рукавами. По введенной же свѣтлѣйшимъ княземъ реформѣ у всей арміи волосы были обстрижены въ кружокъ, какъ можно ниже; вмѣсто шляпъ и гренадерскихъ шапокъ, даны легкія каски съ плюмажемъ изъ шерсти; у гренадеровъ и кирасиръ плюмажи бѣлые, спереди латунь съ вензеловымъ именемъ императрицы; у прочихъ войскъ плюмажи желтые съ простою полосою латуни. Вмѣсто долгополыхъ мундировъ сдѣланы были куртки; вмѣсто короткихъ штановъ чикчиры сверхъ сапогъ, внизу обшитые черною кожею и застегивавшіеся шестью мѣдными пуговицами; на лѣто всѣ нижніе чины имѣли кители изъ фламскаго полотна съ широкими шароварами. Слободскіе гусарскіе полки уничтожены, а вмѣсто оныхъ сформировано десять легко-конныхъ полковъ, по шести эскадроновъ каждый. Гвардія сохранила прежніе свои мундиры и прическу. Генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры остались также въ прежнемъ видѣ. Когда его свѣтлость представилъ на утвержденіе императрицѣ докладъ, то надписалъ: «Солдатскій нарядъ долженъ быть таковъ: что всталъ, то готовъ».

Въ исходѣ зимы князь отправился въ свои губерніи, какъ для осмотра оныхъ, такъ и для того, чтобъ увидѣть преобразованіе арміи въ новой одеждѣ. Еще болѣе ему нужно было быть тамъ, чтобы выманить хана Шагинъ-Гирея [86])

---

[86]) Шагинъ-Гирей, ханъ крымскій, былъ покорнымъ орудіемъ Русской политики въ Крыму, гдѣ Россія поддерживала его права съ 1775

изъ горъ, гдѣ онъ съ приверженными себѣ Крымскими Татарами укрывался, увидя, что былъ обманутъ обѣщаніями, данными ему за добровольное его подчиненіе Россійской державѣ, не исполненными въ послѣдствіи. Безъ того спокойствіе въ Крыму было непрочно. Но князь не хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ. Внезапная смерть фаворита А. Д. Ланскаго, коего государыня жаловала болѣе прочихъ, заставила его безъ `медленія отправиться въ Петербургъ. Начальство надъ войсками поручилъ онъ генералъ - поручику Игельстрому [87]), равно поручилъ ему и уговорить хана, а потомъ отправить его въ Воронежъ. Игельстромъ, въ отсутствіе князя, приступилъ къ исполненію сего такимъ образомъ.

До его командованія войска очень дурно обходились съ Крымцами, и несмотря на ихъ жалобы, никогда не давали имъ должнаго удовлетворенія; тожь неоднократно и просьбы хана, въ заступленіи обидъ и притѣсненій его бывшихъ подданныхъ, оставались безъ вниманія. Игельстромъ сталъ строго наказывать по просьбамъ Татаръ, праваго и неправаго; сталъ имъ всячески поблажать. Ханъ вошелъ съ нимъ въ переписку, благодаря, что онъ его бывшихъ подданныхъ покровительствуетъ и защищаетъ отъ страшныхъ угнетеній. Наконецъ они сдѣлались по письмамъ друзьями, и ханъ такъ расположенъ былъ къ нему, что просилъ его къ себѣ пріѣхать въ горы. Черезъ нѣсколько времени Игельстромъ получилъ курьера съ малозначущими бумагами. Онъ сдѣлался задумчивъ, пасмуренъ; запершись въ своемъ кабинетѣ, что-то писалъ. Изъ сего заключали,

---

года, когда правившій тамъ братъ его Сагибъ-Гирей, покровительствуемый Турціей, былъ вынужденъ бѣжать изъ Крыма въ Константинополь, и сильная партія избрала въ ханы Девлетъ-Гирея. *М. Л.*

[87]) Графъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, генералъ отъ инфантеріи, умеръ въ 1817 году; нравъ Игельстрома изображенъ въ Запискахъ *Д. Б. Мертваго. П. Б.*

что вѣрно получилъ онъ какую-либо непріятность, и не приказано ли уже ему сдать войска старшему по себѣ, а самому отъѣхать для командованія въ другомъ мѣстѣ? Какъ онъ былъ ненавидимъ, то вскорѣ молва эта разнеслась и дошла до хана.

Ханъ какъ скоро то услышалъ, то съ большимъ соболѣзнованіемъ спрашивалъ его письмомъ: справедлива ли эта молва? Игельстромъ отвѣчалъ, что ему велѣно ѣхать командовать Кавказскимъ корпусомъ, и онъ болѣе всего сожалѣетъ, что отъѣзжаетъ, съ нимъ не видавшись. Ханъ пишетъ, что онъ въ отчаяніи, видя Крымцевъ своихъ лишенныхъ таковаго покровителя, и предлагаетъ ему, что объѣздъ на Кавказъ очень далекъ, а ежели онъ поѣдетъ чрезъ его станъ, въ горахъ находящійся, то ему несравненно будетъ ближе и покойнѣе; что это есть средство лично запечатлѣть его съ нимъ дружбу. То было только и нужно Игельстрому. Онъ отвѣчалъ хану, что очень благодаренъ за таковое его приглашеніе, и что какъ скоро онъ сдастъ команду, то, извѣстя его заранѣе, воспользуется симъ случаемъ имѣть давно-желанное съ нимъ свиданіе.

Игельстромъ нарядилъ одинъ батальонъ съ четырьми пушками, выбралъ къ тому способнаго штабъ-офицера, далъ ему маршрутъ какъ бы для безопаснаго его проѣзда и особливое наставленіе, чтобъ онъ, показывая, будто сбился съ дороги, въ назначенное (до пріѣзда Игельстрома) число, очутился близь ханскаго стана и бросился бы къ хану просить его защиты въ ошибкѣ, имъ сдѣланной (ибо-де Игельстромъ безъ того сдѣлаетъ его несчастнымъ); а потомъ выпросилъ бы позволеніе для чести поставить въ караулъ роту близь ханской ставки: инако-де Игельстромъ его не проститъ.

Игельстромъ, учредивъ сіе, съ большимъ конвоемъ кавалеріи, подъ видомъ провода, съ нѣкоторыми генералами и множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, отправился въ

станъ хана. По прибытіи же туда, какъ скоро увидѣлъ того штабъ-офицера, то и напустился на него, хотѣлъ разжаловать его въ солдаты; ханъ насилу могъ испросить ему прощеніе. Послѣ сей комедіи вошли они къ хану въ палатку. Тутъ Игельстромъ сбросилъ съ себя личину, сталъ уговаривать хана отдаться и предать себя справедливой монаршей милости. Хотя тогда ханъ и увидѣлъ себя обманутымъ, но уже нечего было дѣлать; окруженъ будучи батальономъ съ пушками и болѣе нежели тысячью человѣкъ россійской конницы, онъ долженъ былъ согласиться. Въ тотъ же день хана вывезли, и вскорѣ былъ онъ отправленъ на житье въ Воронежъ.

1785. Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя; потерею любимца своего она огорчалась: на нѣкоторое время при дворѣ остановлены были всѣ увеселенія. Въ придворной церкви у обѣдни, сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну. Частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ они были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и неполучившіе тщательнаго воспитанія. Наконецъ выборъ палъ на гвардіи офицера Александра Петровича Ермолова[88]). Касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, особливо въ сравненіи съ прежними фаворитами, а еще болѣе съ послѣднимъ Ланскимъ; тотъ былъ большаго роста, станъ имѣлъ прекрасный, мужественный, черты лица правильныя, цвѣтъ лица показывалъ здороваго и крѣпкаго сложенія человѣка, а Ермоловъ былъ женоподобенъ, умомъ же не превосходилъ послѣдняго, котораго считали не слишкомъ дальновиднымъ.

---

[88]) Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-поручикъ, род. 1754 г., ум. 1836 г. Вліяніе его при дворѣ начинаетъ быть замѣтно съ начала 1785 года. Въ іюнѣ 1786 года онъ удалился отъ двора и долго путешествовалъ по Европѣ. *М. Л.*

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ князю и увѣдомился, что Мамоновъ пожалованъ былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, а на мѣсто его взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ, въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему знакомиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войдти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: «Какъ прикажете о себѣ доложить?» Я былъ столько простъ, что не догадался, къ чему готовится мой товарищъ и сказалъ: «Что это за странность, что безъ доклада войдти не можно?» Однакожъ далъ время о себѣ доложить. Ермоловъ принялъ меня очень вѣжливо, но свысока; я простодушно рекомендовалъ себя въ его знакомство. Онъ былъ знакомъ съ моею матерью въ Москвѣ и считалъ за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и обѣщалъ при случаѣ оказывать мнѣ свои услуги.

Свѣтлѣйшій князь приготовилъ большой праздникъ въ Аничковскомъ своемъ домѣ или, лучше сказать, павильонѣ. Въ день сего великолѣпнаго маскарада, приказано было всему его свѣтлости штату быть въ мундирахъ легкой конницы и въ шарфахъ. Собравшись еще до пріѣзда князя, увидѣлъ я Ермолова въ драгунскомъ мундирѣ и въ башмакахъ; по добродушію своему, подошедъ къ нему, сказалъ: «Александръ Петровичъ, развѣ вы не знаете, что велѣно всѣмъ намъ быть въ мундирахъ легкой конницы, въ сапогахъ и въ шарфахъ?»—«Я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, но думаю, что его свѣтлость на мнѣ не взыщетъ.»—«Остерегитесь, лучше поѣзжайте домой и переодѣньтесь.»—«Не безпокойтесь, сказалъ онъ, однакожъ не менѣе я вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе.» Вскорѣ его свѣтлость пріѣхалъ, и представьте себѣ мое удивленіе, когда онъ взялъ Ермолова подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по залѣ, чего онъ и самыхъ знатныхъ бояръ не удостоивалъ.

Когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями, и сѣла играть въ карты, а Ермолова поставили отъ нея шагахъ въ четырехъ впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни. Тогда только я догадался, къ чему сего адъютанта готовили.

Маскарадъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ было въ богатыхъ костюмахъ и доминахъ. Большая длинная овальная галлерея къ одной сторонѣ огорожена была занавѣсомъ, а въ другомъ концѣ сдѣланъ былъ оркестръ пирамидою, убранный съ великимъ вкусомъ; болѣе было ста музыкантовъ съ инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкою, управляемою майоромъ Росетти, всегда находившимся при князѣ; на самомъ верху пирамиды былъ поставленъ въ богатой одеждѣ литаврщикъ Арапъ. Вся галлерея освѣщена была висящими гирляндами вдоль и поперекъ, на которыхъ поставлены были свѣчи.

Двѣ пары танцовали кадриль: князь Дашковъ [89]) съ княжною Барятинскою, въ первый разъ показавшеюся въ публикѣ и удивившею всѣхъ своею красотою, а особливо ловкостью и гибкостью своего стана (которая послѣ была замужемъ за княземъ В. В. Долгоруковымъ) [90]). Она одѣта была просто въ бѣломъ платьѣ, а кавалеръ ея сверхъ мундира въ бѣломъ домино. Вторая пара была графиня Матюшкина (которая послѣ была замужемъ за графомъ Віельгорскимъ) [91]), кавалеръ ея былъ графъ Г. И. Черны-

---

[89]) Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ—сынъ знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, рожденной Воронцовой. Онъ род. 1761 года, умеръ 1807 г. *М. Л.*

[90]) Княгиня Екатерина Өедоровна Долгорукова, статсъ-дама, супруга князя Василія Васильевича (сына Долгорукова Крымскаго) Она родилась 29 октября 1769 г., умерла 30 октября 1849 г. *М. Л.*

[91]) Графиня Софья Дмитріевна Віельгорская, ум. 1796 г. Она была мать извѣстнаго композитора графа Михаила Юрьевича, недавно умершаго оберъ-шенкомъ высочайшаго двора. *М. Л.*

шевъ [92]), Обѣ пары танцовали такъ, что я въ жизни моей лучшихъ танцовщиковъ не видалъ.

Когда настало время ужина, хозяинъ доложилъ о томъ императрицѣ; лишь только она подошла къ занавѣсѣ, какъ она была поднята, и явился столъ богато-убранный, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ. Императрица кушала за особымъ круглымъ столомъ съ великими князьями, статсъ-дамами, камеръ-фрейлинами, чужестранными министрами и нѣкоторыми самыхъ первыхъ степеней кавалерами; вокругъ сего былъ поставленъ въ полциркуля другой большой столъ, такъ что сидящіе за онымъ обращены были къ ней лицомъ; въ то же время, въ одно мгновеніе, внесено было до сорока малыхъ столовъ, каждый о двѣнадцати кувертахъ, убранныхъ и освѣщенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ императрицѣ встать изъ-за стола, всѣ они были вынесены и въ одинъ мигъ исчезли, равно и завѣса опустилась. По нѣкоторомъ времени, императрица съ великими князьями изволила отбыть. Маскарадъ продолжался до трехъ часовъ.

На другой день новый фаворитъ занялъ во дворцѣ обыкновенныя комнаты, гдѣ они пребывали; пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ ея величества [93]) и станиславскимъ

---

[92]) Изъ всѣхъ четырехъ графовъ Чернышевыхъ, Петра, Григорія, Захара и Ивана Григорьевичей, только у послѣдняго былъ одинъ сынъ, графъ Григорій Ивановичъ, о которомъ здѣсь говорится. Онъ умеръ въ 1830 году въ званіи оберъ-шенка; фамилія и титулъ его были переданы мужу его дочери, Ивану Гавриловичу Кругликову, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Чернышевскимъ майоратомъ, учрежденнымъ въ 1774 году графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. *М. Л.*

[93]) Флигель-адъютанты ея величества были полковники, но они сохраняли свое званіе, даже бывъ въ генералъ-майорскомъ чинѣ. У нихъ былъ особливый мундиръ съ шитьемъ и аксельбантомъ, съ вензеловымъ именемъ императрицы; впрочемъ они могли носить мундиры всей арміи. Чтобы быть флигель-адъютантомъ, надобно было имѣть великій фаверъ; право ихъ было по желанію оставлять свои полки

кавалеромъ, чрезъ нѣсколько дней генералъ-майоромъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла. Таковъ былъ ходъ всѣхъ фаворитовъ.

Въ исходѣ сего года мать моя скончалась, а сестра моя Александра Николаевна выпущена была изъ Смольнаго монастыря; мнѣ поручено было ее принять и привезть къ отцу моему въ Могилевъ, для чего князь отпустилъ меня безсрочно въ отпускъ. Послѣ уже я по должности въ Петербургѣ не бывалъ; ибо въ 1785 году пожалованъ я былъ секундъ-майоромъ къ иррегулярнымъ войскамъ [94]).

или бригады, во всякое время, даже и въ военное, объявя только начальнику, командующему тою частію войскъ, въ которой состоятъ подъ командою, что ѣдутъ къ своей должности ко двору. По службѣ это было большое злоупотребленіе: при малѣйшемъ неудовольствіи всегда сіи флигель-адъютанты пользовались сею несправедливою привилегіею.

[94]) Въ теченіи сего времени случилось слѣдующее происшествіе: фрейлина Эльмтъ, г-жа Дивова, братъ ея, флигель-адъютантъ князя Потемкина, графъ Бутурлинъ и нѣкоторые другіе сдѣлали на многихъ знатныхъ людей сатиру въ рисункахъ, съ острыми язвительными и оскорбительными надписями для многихъ лицъ, въ которой не пощажена и сама императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а въ удовлетвореніе болѣе потерпѣвшихъ безславія оный сожженъ былъ на эшафотѣ палачомъ. Но по нѣкоторомъ времени парикмахеръ, убирая фрейлину Эльмтъ и имѣя надобность въ бумагахъ на папильйоты, взглянулъ въ уголъ и видя разорванные лоскутки бумаги, хотѣлъ оные употребить, но взявши ихъ увидѣлъ рисунки лицъ, подобралъ всѣ и представилъ оберъ-гофмаршалу, который узналъ ту сатиру, надписанную рукою фрейлины Эльмтъ, донесъ императрицѣ, почему и открылись всѣ авторы. Фрейлину Эльмтъ, какъ говорили, оберъ-гофмейстерина высѣкла розгами, и отправлена она была къ ея отцу въ Лифляндію. Дивова съ мужемъ удалена изъ столицы; графъ Бутурлинъ отставленъ съ запрещеніемъ въѣзжать въ мѣстопребываніе государыни. Всѣхъ острѣе изображенъ былъ Безбородко, недавно пожалованный графомъ: онъ держалъ книгу съ надписью: Le comte nouveau relié en veau. Еслибы подобныя сему были всѣ насмѣшки и не касались обруганныхъ въ нравственности лицъ, то конечно поступлено бы было болѣе нежели снисходительно. *Л. Э.*

1786. Въ іюнѣ 1786 года Ермоловъ вышелъ изъ фавёра; дано ему было въ Могилевской губерніи шесть тысячъ душъ. А на мѣсто его поступилъ Александръ Матвеевичъ Мамоновъ, бывшій мой товарищъ.

Въ 1786 году С. К. Вязмитиновъ [95]), бывшій тогда бригадиромъ въ Вологодскомъ пѣхотномъ полку и квартировавшій въ Могилевѣ, женился на моей сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ; зять мой представилъ мнѣ, какое несчастіе быть майоромъ и не знать службы, что, когда я буду опредѣленъ въ полкъ, то начальниками не буду уваженъ, а еще того хуже, подчиненными презираемъ, почему предложилъ мнѣ учиться у него въ полку службѣ, на что̀ я съ большимъ удовольствіемъ согласился. Въ мирное время полки входили въ лагерь 15 мая, а въ квартиры выходили 15 августа. Я перешелъ жить въ лагерь и въ первой ротѣ считался за прапорщика сверхъ комплекта; несъ всю службу простаго офицера, ходилъ въ караулы, дежурилъ, и капитанъ Дрейеръ, командовавшій первою ротою, въ угодность зятя моего, поступалъ со мною такъ строго въ ученіи, что я вскорѣ узналъ фронтовую службу; подъ исходъ лагеря, я при полку исправлялъ майорскую должность и

(Фрейлина Эльмтъ—дочь графа Ивана Карповича Эльмтъ, умершаго въ 1802 году. Она оставила послѣ себя Записки.—Елисавета Петровна Дивова, жена тайнаго совѣтника Андріяна Ивановича.—Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, сенаторъ, род. 1763, ум. 19 ноября 1829 года. Онъ собралъ знаменитую библіотеку, сгорѣвшую въ московскомъ пожарѣ 1812 года.—Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, род. 8 марта 1747 года, умеръ 6 апрѣля 1796. Онъ былъ пожалованъ графомъ Римской имперіи въ 1784 году. *М. Л.*).

[95]) Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ былъ при Александрѣ I с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1818 году получилъ графское достоинство. Умеръ 15 октября 1819 года. Девизъ его герба былъ: *путемъ правды и усердія. М. Л.* О супругѣ его см. въ Запискахъ Д. Б. Мертваго.

могъ уже безъ стыда быть опредѣленъ въ полкъ и съ честію удержать свое званіе.

Въ 1786 году отобраны были отъ малороссійскихъ монастырей деревни; изъ оныхъ набраны были рекруты и сформированы десять гренадерскихъ полковъ четырехъ-батальонныхъ. Сибирскій гренадерскій порученъ былъ зятю моему, и я въ оный былъ опредѣленъ. Въ Бѣлоруссіи полки были подъ начальствомъ князя В. В. Долгорукаго [96]), котораго команда была очень для молодыхъ людей пріятна, ибо вмѣсто строгихъ смотровъ, онъ желалъ только въ лагерѣ праздниковъ, забавляя тѣмъ свою жену, на которой тогда только-что женился. Всегда заранѣе извѣщалъ, когда который полкъ будетъ смотрѣть, и для того полковники приготовляли праздники, иллюминаціи и фейерверки: одинъ другаго хотѣли перещеголять. Но болѣе всѣхъ въ томъ успѣлъ Кинбурнскаго драгунскаго полка полковникъ Юшковъ: онъ построилъ галлерею, въ которой было около четырехъ тысячъ восковыхъ шкаликовъ. Каковъ же полкъ былъ въ ученіи, умолчу, ибо, употребя лагерное время на устроеніе такой галлереи, мало оставалось на ученіе.

1787. Въ 1787 году императрица предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенныя свои области, въ которыхъ начальствовалъ князь Г. А. Потемкинъ. Государыня отправилась изъ Петербурга въ 1 день января. Свиту ея величества составляли: часть ея двора, ея канцелярія, дипломатическій корпусъ и много ученыхъ по разнымъ частямъ. Ѣхали съ нею въ каретѣ: камеръ-фрейлина Протасова, Мамоновъ, австрійскій посланникъ графъ Кобенцель [97]), Л. А. Нарыш-

---

[96]) Князь Василій Васильевичъ Долгорукой род. 1752 года, умеръ 1812, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ сынъ князя Долгорукова Крымскаго. О женѣ его смотри прим. 90. *М. Л.*

[97]) Графъ Лудвигъ Кобенцель род. $^{21}/_{10}$ ноября 1753, ум. $^{22}/_{10}$ февраля 1809. Онъ былъ посломъ въ Россіи съ 1779 по 1797 годъ. *М. Л.*

кинъ, оберъ-камергеръ Шуваловъ [98]); въ послѣдующей за нею каретѣ были: англійскій министръ Фицъ-Гербертъ, французскій графъ Сегюръ [99]), генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ [100]) и графъ И. Г. Чернышевъ. Потомъ чрезъ день мѣнялись въ карету императрицы: Фицъ-Гербертъ и графъ Сегюръ съ Нарышкинымъ и Шуваловымъ.

Путешествіе ея было чрезъ губерніи Новгородскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую до Кіева. Генералъ-губернаторы, губернаторы съ предводителями и почетными дворянами на границѣ каждой губерніи встрѣчали и провожали до слѣдующей. Въ Мстиславѣ могилевскій преосвященный Георгій привѣтствовалъ ее рѣчью, по превосходству которой здѣсь поставляю ее въ подлинникѣ [101]).

---

[98]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, род. 1727 г., ум. 1797 г. *М. Л.*

[99]) Графъ Лудвигъ Филиппъ Сегюръ, извѣстный писатель, род. 11 декабря (30 ноября) 1753 г., ум. $^{27}/_{15}$ августа 1830 г. *М. Л.*

[100]) Графъ Θедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генералъ-поручикъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 года. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1783 году, прослуживши до того въ Пруссіи и Саксоніи. Онъ извѣстенъ особенно отличнымъ управленіемъ съ 1786 года сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса. *М. Л.*

[101]) Пресвѣтлѣйшая императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается или солнце обращается вокругъ земли. Наше солнце вкругъ насъ ходитъ и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.

Исходиши, милосердная монархиня, яко женихъ отъ чертога своего, радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое: да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея, хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во время Соломона: однако солнечному цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, амо же теченіе твое.

Тецы убо, о солнце наше! спѣшно тецы исполинскими стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ; къ западу только жизни твоея не

Я былъ наряженъ отвести роту въ Кричевъ для караула ея величества; какъ скоро государыня изволила прибыть [102]), я явился къ генералъ-адъютанту, генералъ-поручику графу Ангальту. Нельзя умолчать о семъ оригиналѣ. Думая, по моему прозванію, что я нѣмецъ, сталъ онъ-было говорить со мною по-нѣмецки, но узнавъ, что я не говорю, то спросилъ по-французски, гдѣ караульная, и приказалъ, чтобы я его въ оную проводилъ. Пришедъ туда, началъ онъ съ каждымъ гренадеромъ здороваться; самымъ смѣшнымъ нѣмецкимъ выговоромъ затвердилъ онъ наизусть нѣсколько вопросовъ по порядку, какъ-то: «Здорово, мои други, какъ вы называетесь? кой городъ? женаты ли вы? имѣете ли дѣти? много ли сыновей? много ли дочерей?» и несмотря на отвѣтъ, что холостъ, все продолжалъ отъ начала до конца свои разспросы; потомъ бралъ каждаго руку; одинъ гренадеръ, думая, что хочетъ пробовать его силу, такъ ему сжалъ его руку, что бѣдный графъ почти со слезами съ трудомъ отнялъ у него.

Ввечеру приказалъ мнѣ спросить отца моего: есть ли тутъ пожарныя трубы и прочія пожарныя орудія? Я, по приказанію его, спросилъ батюшку, на что́ онъ мнѣ отвѣчалъ: «Доложи графу, что это партикулярное мѣстечко, и никакой полиціи нѣтъ; но я приказалъ капитану-исправнику изготовить нѣсколько бочекъ съ водою, собрать народъ и поставить близь кухни». Что́ я его сіятельству и донесъ.—«Ведите меня туда». Я, зная гдѣ кухня, повелъ его въ сопровожденіи караульнаго капитана Роштейна. Какъ у кухни всего того не было, то я побѣжалъ отыскивать;

спѣши. Въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наши простирая къ небу, возопіемъ: стой солнце, и не движись, дондеже вся великимъ твоимъ намѣреніямъ противныя торжественно побѣдиши.

[102]) Кричевъ принадлежалъ князю Потемкину. Государыня прибыла туда 19 января.

лишь только я несколько шаговъ отойду, онъ тотчасъ посылалъ за мною Роштейна; лишь только я къ нему появлялся, онъ спрашивалъ: «Où sont les pompes? [103])»—«Тотчасъ, ваше сіятельство». Наконецъ, по многомъ тщетномъ бѣганіи, принужденъ былъ сказать, что ничего не нашелъ. Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ добрый окрикъ, для чего я въ точности не исполнилъ его приказаніе, и взялъ меня за руку. «Пойдемъ, сказалъ онъ,—я васъ поведу къ императрицѣ и покажу ей, какихъ она исправныхъ имѣетъ въ своей арміи штабъ-офицеровъ». Я насилу могъ его упросить, чтобъ онъ меня простилъ. Тутъ новая бѣда: онъ потребовалъ мою записную книжку, и своею рукою хотѣлъ вписать мою неисправность для урока; но какъ у меня на тотъ разъ книжки не случилось, то снова обременилъ меня выговорами; наконецъ, приказалъ мнѣ, чтобъ я не прежде легъ спать, пока не приведу все въ порядокъ.

Однакожь я въ томъ не почитаю себя виновнымъ; мнѣ приказано было спросить, гдѣ пожарные инструменты, чтó я и исполнилъ. Увидя, что бывшій прусской службы графъ шутокъ не любилъ, отыскалъ я собранныхъ исправникомъ людей и множество бочекъ съ водою; все то было готово, только не въ назначенномъ мѣстѣ. Часа за три до свѣта, его сіятельство просилъ меня къ себѣ, и я съ большимъ торжествомъ повелъ его и показалъ мою исправность.

Послѣ чего онъ былъ ко мнѣ милостивъ и, по моей просьбѣ, выпросилъ у оберъ-камергера И. И. Шувалова, чтобы меня съ караульными офицерами представилъ государынѣ прежде другихъ, дабы офицеры успѣли выйдти къ ружью, когда императрица отправится: ибо многіе, квартировавшіе въ Могилевской губерніи военные чиновники прибыли въ Кричевъ представиться ея величеству. Между прочими былъ тутъ Рижскаго карабинернаго полка бригадиръ Хомутовъ

---

[103]) Т. е. гдѣ бочки?

съ его полка штабъ-офицерами. Оберъ-камергеръ поставилъ меня съ моими офицерами у самыхъ дверей, въ которыя государынѣ надобно было выйдти, такъ чтобъ я первый могъ быть ей представленъ. Но бригадиръ Хомутовъ, какъ скоро двери отворились, выступилъ передо мною; государыня, по названіи его оберъ-камергеромъ, подала ему ручку, и отворотясь отъ него, довольно громко спросила: «Не тотъ ли это Хомутовъ, который, бывши еще унтеръ-офицеромъ конной гвардіи, провозилъ потаенно товары мимо таможни?» Дѣйствительно онъ былъ самый. Тѣмъ моя суетность была вознаграждена, что онъ перебилъ меня быть первымъ представленнымъ.

Вотъ гдѣ мое самолюбіе претерпѣло униженіе: въ день пріѣзда государыни увидѣлъ меня камердинеръ ея, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, который былъ уже въ полковничьемъ чинѣ; а когда я былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, тогда онъ былъ камердинеромъ при немъ. Онъ спросилъ меня, былъ ли я у Мамонова, бывшаго моего товарища? Но какъ я сказалъ, что не былъ, то совѣтовалъ мнѣ къ нему явиться. Я послѣдовалъ его доброжелательству; ежели пользы никакой не получу, то по крайней мѣрѣ при многолюдствѣ покажу, что я знакомъ фавориту. Я выступилъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ впередъ и поклонился ему; но вмѣсто того, чтобъ обратить на меня благосклонное вниманіе, онъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ и отвратился. Это было низкое мщеніе за мою съ нимъ бывшую ссору; но признаться, очень мнѣ было больно предо всѣми быть такъ унижену [104]).

Императрица продолжала путь до Кіева, гдѣ пребывала до вскрытія отъ льда Днѣпра. Когда наступила весна и свободное по Днѣпру открылось плаваніе, ея величество

---

[104]) Къ сожалѣнію авторъ ничего не сообщаетъ въ своихъ запискахъ о причинахъ и обстоятельствахъ ссоры своей съ Мамоновымъ. *М. Л.*

отправилась водою, на построенной для сего флотиліи, до Днѣпровскихъ пороговъ, со всѣмъ дворомъ и министрами. Путемъ симъ управлялъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ. Король польскій Станиславъ Августъ [105]) имѣлъ съ императрицею, доставившей ему корону, свиданіе въ мѣстечкѣ Каневѣ, въ польскомъ владѣніи, гдѣ готовилъ большой праздникъ. Императрица не разсудила съѣзжать на берегъ съ своей яхты, но дворъ ея былъ великолѣпно угощаемъ.

У порога Кайдаки императоръ Іосифъ II встрѣтилъ императрицу и, вмѣстѣ съ нею, сухимъ путемъ отправился на полуостровъ Крымъ. Въ Севастополѣ былъ построенъ великолѣпный дворецъ, изъ оконъ котораго была видна вся гавань; по прибытіи ея, сожженъ былъ огромный фейерверкъ, и весь большой флотъ былъ иллюминованъ. Императрица наименовала свѣтлѣйшаго князя *Таврическимъ*.

На возвратномъ пути, въ Полтавѣ собранъ былъ корпусъ войскъ, гдѣ производились маневры, тѣ самые, которыми вѣчно достойный памяти потомства императоръ Петръ Великій побѣдилъ Карла XII и возвелъ Россію на ту степень величія, на каковой она нынѣ. Іосифъ II получилъ извѣстіе о возмущеніи Нидерландцевъ, почему и отправился восвояси, а императрица продолжала путь свой чрезъ Москву [106]).

---

[105]) Станиславъ Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г., избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764, отрекся отъ престола въ Гроднѣ, въ ноябрѣ 1795 года, умеръ въ Петербургѣ 31 января 1798. При императрицѣ Елисаветѣ онъ былъ въ Россіи въ 1750 годахъ сперва кавалеромъ англійскаго посольства, а потомъ посланникомъ польскимъ и съ тѣхъ поръ пользовался особымъ благоволеніемъ Екатерины, которой обязанъ былъ потомъ престоломъ. *М. Л.*

[106]) Государыня не очень жаловала Москву, называя ее къ себѣ недоброжелательною, потому что всѣ вельможи и знатное дворянство, получа по службѣ какое неудовольствіе и взявъ отставку, основывали

Важнѣйшая польза отъ путешествія Екатерины II въ южныя области Россіи состояла въ заключенномъ съ императоромъ Іосифомъ II наступательномъ союзѣ противъ Турокъ, послѣдствіе котораго прославило Россійское оружіе, изнурило Австрію и пагубно было для Турецкой имперіи.

IV. Турецкая война.

Булгакову [107]), нашему министру при Оттоманской Портѣ, приказано было подать ноту, въ которой между прочимъ требовано: чтобы Турція позволила имѣть консула въ Варнѣ; чтобы признала Ираклія русскимъ вассаломъ; чтобъ обуздала Татаръ закубанскихъ, безпокоившихъ набѣгами гра-

---

жительство свое въ древней столицѣ, и случалось между ними пересуживать дворъ, политическія происшествія, негодовать на фаворитовъ и вольно говорить о самой императрицѣ. Какъ Москва старинный городъ, то улицы ея не прямы, строеніе старое, не по новому вкусу архитектуры; близь огромнаго дома бывали хижины. Государыня спросила, на другой день своего прибытія, англійскаго министра Фицъ-Герберта съ насмѣшливымъ видомъ: — Comment avez vous trouvé ma bonne ville de Moscou? — Votre Majesté, отвѣчалъ тотъ, il n'y a pas une seule ville au monde, qui puisse être comparée à Moscou en beauté. — C'est une ironie? — Non, V. M., c'est la pure vérité, il n'y a nulle part ce que j'ai vu a Moscou: j'ai vu des palais, qui n'ecrasent pas des chaumières auprès d'eux. Т. е. «Какъ Вамъ кажется мой добрый городъ Москва?» — «Нѣтъ въ мірѣ города, Ваше Величество, который былъ бы прекраснѣе Москвы.» — «Вы шутите?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, сущая правда; я нигдѣ не видалъ того что̀ въ Москвѣ: дворцы въ ней не давятъ собою близь находящихся хижинъ».

Принцъ де-Линь спросилъ императрицу: «Отчего, В. В., въ проѣздъ мы видѣли, что нѣкоторыми губернаторами вы были довольны, а потому изъявляли имъ ваше благоволеніе, а нѣкоторыми были недовольны, и вы имъ ничего оскорбительнаго не сказали?» — «Потому что, отвѣчала императрица, *я хвалю вслухъ, а браню наединѣ*».

[107]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 7 іюля 1809. Онъ извѣстенъ какъ дипломатъ и писатель. *М. Л.*

ницы Россійской имперіи, чтобъ объяснила о военныхъ своихъ приготовленіяхъ, и чтобъ отвѣтъ на все это данъ былъ безъ замедленія [108]).

Диванъ вмѣсто отвѣта объявилъ войну Россіи, 5 августа, и заключилъ нашего посланника Булгакова въ Семибашенный замокъ. По полученіи сего извѣстія, императрица вы-

[108]) Вскорѣ, по прибытіи двора въ Петербургъ, по случаю войны было сдѣлано распоряженіе всему генералитету, кому въ которой арміи быть и какими частями командовать. Сей списокъ, сочиненный свѣтлѣйшимъ княземъ, императрица утвердила. А. В. Суворовъ не былъ внесенъ въ него, ибо свѣтлѣйшій князь, по странностямъ его, почиталъ его человѣкомъ ничтожнымъ, а по чину его должно было дать ему преимущество передъ многими, по службѣ считавшимися ниже. Суворовъ, узнавъ о томъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, прямо явился къ императрицѣ, и съ плачевнымъ видомъ сказалъ: «Государыня, я прописной».—Какъ это? спросила императрица. «Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генералами и ни одного капральства не дали мнѣ въ команду». Императрица оскорбилась на князя Потемкина и тотчасъ послала за нимъ. Посланный разсказалъ князю, по какому случаю за нимъ былъ посланъ, почему, бывъ предваренъ, онъ съ готовымъ отвѣтомъ пошелъ. Какъ скоро онъ вошелъ, государыня недовольнымъ голосомъ сказала: «Какъ, князь, вы извѣстнаго, отличнаго, заслуженнаго генерала въ поднесенномъ вами мнѣ спискѣ пропустили?»—Отъ того-то, отвѣчалъ князь, что вашему величеству онъ такъ извѣстенъ, я и не вписалъ его съ прочими, чтобы вы сами изволили назначить, гдѣ и какъ вамъ будетъ угодно.—Въ сіе же время и М. Ѳ. Каменскій пріѣхалъ. Государыня черезъ нѣсколько дней по его прибытіи послала ему 5,000 рублей золотомъ; онъ счелъ то за маловажный подарокъ, и въ Лѣтнемъ Саду каждодневно дѣлалъ завтракъ, ловя встрѣчнаго и поперечнаго, пока не истратилъ всѣ жалованныя деньги и уѣхалъ. А Суворовъ поступилъ иначе: когда камеръ-лакей привезъ ему такой же подарокъ, онъ вынулъ одинъ имперіялъ и отдавъ его камеръ-лакею, сказалъ: «Доложи государынѣ, что Суворовъ по ея милости очень богатъ, и на что мнѣ такая груда золота, а осмѣлился одинъ имперіялъ вынуть, чтобы дать тебѣ». Послѣ того поѣхалъ изъ Петербурга. Императрица вслѣдъ за нимъ послала ему 30,000 р.; эту сумму онъ принялъ безотговорочно.

дала манифестъ о войнѣ противъ Турокъ. Равно, какъ скоро дошло извѣстіе до императора Іосифа, такъ и онъ объявилъ войну Оттоманской Портѣ.

Составлены были двѣ арміи: Украинская, подъ командою фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, которая должна была вступить въ Польшу и приблизиться къ Днѣстру; правый флангъ оной арміи составлялъ корпусъ подъ командою генералъ-аншефа, графа Ивана Петровича Салтыкова [109]), центръ арміи составлялъ корпусъ генералъ-аншефа Эльмта, лѣвый флангъ составлялъ корпусъ генералъ аншефа Михаила Ѳедотовича Каменскаго [110]). Вторая армія Екатеринославская, состояла подъ командою фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, которому назначено было съ наступающею кампаніею атаковать Очаковъ. Генералъ-аншефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ тогда командовалъ въ Кинбурнѣ.

Зять мой С. К. Вязмитиновъ пожалованъ былъ генералъ-майоромъ, приказано ему было принять Бѣлорусскій егерскій корпусъ, изъ четырехъ батальоновъ состоящій, на мѣсто заболѣвшаго шефа того корпуса генералъ-майора Фаминцына; Сибирскій полкъ велѣно было принять полковнику князю П. М. Дашкову, который предъ симъ командовалъ Днѣпровскимъ мушкатерскимъ полкомъ; но большею частію люди сего полка посажены были на флотилію для путешествія императрицы къ Херсону, и тамъ размѣщены по другимъ полкамъ. Князь Дашковъ принялъ полкъ на походѣ въ Кіевѣ, откуда полкъ пошелъ въ Польшу, въ корпусъ графа Салтыкова, котораго квартира была въ мѣстечкѣ Яновѣ.

---

[109]) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Москвѣ, род. 1730, ум. 14 ноября 1805 г. *М. Л.*

[110]) Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій, фельдмаршалъ, род. 1738, убитъ въ своей деревнѣ 12 августа 1809 года. *М. Л.*

Когда полкъ получилъ повелѣніе идти въ походъ, почтенный мой отецъ, благословя меня, сказалъ: «Увѣренъ, что ты не обезчестишь родъ нашъ своимъ недостойнымъ поступкомъ, и лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ, а притомъ приказываю тебѣ: ни на что не напрашиваться, а чего требовать будетъ долгъ службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро». Тутъ мы оба прослезились; поцѣловавъ его руку, съ восхищеніемъ сѣлъ я на коня и съ полкомъ выступилъ, дѣлая планы отличиться геройски и строилъ воздушные замки.

1-го октября Турки атаковали Кинбурнъ. Суворовъ не приказалъ противиться высадкѣ, далъ имъ время сдѣлать нѣсколько ложементовъ, и какъ уже увидѣлъ ихъ приблизившихся шаговъ на двѣсти, для штурма крѣпости, тогда напалъ онъ на нихъ съ своими войсками. Турки безпрестанно съ флота получали новыя подкрѣпленія, положеніе нашихъ войскъ было весьма опасно; сраженіе сдѣлалось общее, и такъ обѣ стороны перемѣшались, что артиллерія принуждена была остановить свое дѣйствіе; храбрость нашихъ поколебалась; уже было начали отступать; наконецъ пришло къ Русскимъ подкрѣпленіе около трехъ сотъ человѣкъ, и сіе малое число рѣшило сраженіе. Турки прогнаны, въ 10 часовъ ночи побѣда была одержана. Большая часть Турокъ убита, а еще болѣе потонуло; малое только число спаслось на суда.

Еще въ сумерки Суворовъ былъ раненъ въ лѣвое плечо; онъ потерялъ много крови, и не было лекаря перевязать рану. Козачій старшина Кутейниковъ привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и, снявъ свой платокъ съ шеи, перевязалъ имъ рану. Суворовъ сѣлъ на коня и опять возвратился командовать. Тогда же генералъ-майоръ Рекъ былъ раненъ; наша потеря была очень значительна.

Эта первая побѣда въ сію войну тѣмъ была важнѣе, что оною уничтожены намѣренія Турокъ — взять Кинбурнъ, привесть себя въ состояніе напасть выгодно на Херсонъ и

Крымъ и истребить нашу флотилію. За сію побѣду Суворовъ награжденъ былъ андреевскимъ орденомъ.

Свѣтлѣйшій князь, опасаясь вторичнаго нападенія на несобравшуюся еще его армію, просилъ императрицу, чтобы на случай могъ онъ употребить одинъ корпусъ Украинской арміи. Государыня приказала фельдмаршалу графу Румянцову, чтобы, по способности одинъ корпусъ его арміи состоялъ подъ ордеромъ свѣтлѣйшаго князя до открытія кампаніи, почему фельдмаршалъ и приказалъ генералу Каменскому явиться къ князю.

Каменскій поѣхалъ въ Елисаветградъ, гдѣ тогда была главная квартира его свѣтлости; но какъ онъ предвидѣлъ, что больше будетъ выгодъ въ арміи свѣтлѣйшаго князя, чѣмъ подъ командою устарѣлаго фельдмаршала, то и просилъ князя, чтобъ онъ его корпусъ взялъ совсѣмъ въ свою армію, сказавъ: «ибо съ тѣхъ поръ, какъ я состою подъ ордеромъ вашей свѣтлости, корпусъ мой претерпѣваетъ во всемъ недостатки, какъ-то: въ свое время не получаю ни аммуниціи, ни жалованья, ни провіянта». Князь отвѣчалъ: «очень хорошо; отправьтесь въ свой корпусъ (который расположенъ былъ въ Уманѣ), гдѣ узнаете о вашемъ желаніи». Какъ скоро Каменскій отправился, князь вслѣдъ за нимъ отправилъ курьера, требуя отъ него изъясненія письменнаго о томъ, чтò онъ докладывалъ ему о претерпѣваніи нуждъ его корпуса. Каменскій, нехотя, долженъ былъ сіе исполнить, хотя съ нѣкоторыми увертками. Князь, получа отъ него требуемое, отправилъ къ фельдмаршалу рапортъ Каменскаго, въ предосторожность отъ сего коварнаго человѣка. Князь не любилъ подлыхъ людей, и съ тѣхъ поръ онъ никогда его не употреблялъ, да и графъ Петръ Александровичъ поступалъ съ нимъ не лучше. Вотъ чтò выигралъ Каменскій своею интригою [111]).

---

[111]) Еще былъ случай, въ которомъ князь Г. А. Потемкинъ показалъ,

До открытія кампаніи, войска въ занимаемыхъ квартирахъ были покойны; тутъ я увидѣлъ разницу между бывшимъ и новымъ моими начальниками. Зять мой велъ служ-

---

что не любилъ льстецовъ и подлецовъ. Извѣстный по сочиненіямъ своимъ, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ былъ облагодѣтельствованъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ; но, увидя свои пользы быть въ милости у свѣтлѣйшаго, не взирая на давнюю его большую непріязнь съ Шуваловымъ, перекинулся къ князю, и въ удовольствіе его много остраго и смѣшнаго говаривалъ насчетъ бывшаго своего благодѣтеля. Въ одно время, князь былъ въ досадѣ и сказалъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ: «какъ мнѣ надоѣли эти подлые люди».—«Да на что же вы ихъ къ себѣ пускаете, отвѣчалъ Фонъ-Визинъ, велите имъ отказывать».—«Правда, сказалъ князь, завтра же я это сдѣлаю».—На другой день Фонъ-Визинъ пріѣзжаетъ къ князю; швейцаръ ему докладываетъ, что князь не приказалъ его принимать. «Ты вѣрно ошибся, сказалъ Фонъ-Визинъ, ты меня принялъ за другаго».—«Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я васъ знаю и, именно, его свѣтлость приказалъ одного васъ только не пускать, по вашему же вчера совѣту». *Л. Э.*

Примѣч. Н. В. Путяты. Князь Вяземскій, въ сочиненіи своемъ «Фонъ-Визинъ», упоминаетъ объ этомъ случаѣ, какъ о преданіи, сохраненномъ злорѣчивою молвою, съ тою только разницею, что у него говорится о передразниваніи не Шувалова, а графа Н. И. Панина, который былъ, какъ извѣстно, начальникомъ и благодѣтелемъ Фонъ-Визина. Князь Вяземскій старается оправдать Фонъ-Визина и, вотъ его слова: «Сношенія Фонъ-Визина съ графомъ Петромъ Ивановичемъ продолжались и послѣ смерти графа Никиты Ивановича Панина. Въ семъ обстоятельствѣ заключается, по нашему мнѣнію, оправданіе Фонъ-Визина въ нареканіи, которымъ тяготится память его. Объяснимся..... Разсказываютъ, что Фонъ-Визинъ, искавъ милости въ князѣ Потемкинѣ, былъ готовъ предать ему любовь и благодарность свою къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, котораго кн. Потемкинъ не любилъ; что, забавляя вельможу, передразнивалъ онъ передъ нимъ своего начальника и покровителя; но что Потемкинъ, по своенравію и непостоянству прихотей своихъ, скоро наскучилъ искательствами новаго поклонника и выжидалъ только случая проводить его отъ себя съ оскорбленіемъ. Случай сей скоро подоспѣлъ: однажды жаловался онъ предъ Фонъ-Визинымъ на толпу докучниковъ и льстецовъ, которые безъ

бу, какъ должно бы наблюдать каждому; вопервыхъ, военная дисциплина строго хранилась, чинъ чина почиталъ, но благородная связь была между корпусомъ офицеровъ; порядокъ канцеляріи въ отчетахъ суммъ, жалованья, аммуниціи, провіянта и фуража приведенъ былъ въ точность, обозъ былъ исправный; полковыя лошади были добрыя, полкъ учился превосходно, въ эволюціяхъ офицеры были наметаны, солдаты безъ изнуренія выправлены, одѣты безъ излишней вытяжки, хорошо. Во время похода въ Россіи и

отбою осаждаютъ его. Фонъ-Визинъ совѣтовалъ ему въ семъ случаѣ слѣдовать примѣру государственныхъ людей въ другихъ земляхъ, которые въ кабинетахъ своихъ недоступны для праздношатающихся искателей. Потемкинъ обѣщалъ воспользоваться совѣтомъ его, и тутъ же далъ приказаніе впредь не впускать къ себѣ Фонъ-Визина. Сіе оскорбленіе не могло-бы не сдѣлаться гласнымъ и двуличность Фонъ-Визина обнаружилась бы скоро. Положимъ, что начальникъ его и не провѣдалъ бы о томъ, потому что отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ часто походятъ на отношенія мужей къ женамъ: тѣ и другіе узнаютъ изъ послѣднихъ въ городѣ, что они обмануты; но какъ могъ бы братъ министра не узнать стороною о случившемся? а узнавъ, какъ могъ человѣкъ, подобный графу Петру Ивановичу Панину, оставаться въ пріязни съ предателемъ лукавымъ и неблагодарнымъ? Изъ всего этого разсказа можно допустить только два обстоятельства. Немудрено, что Фонъ-Визинъ, который имѣлъ даръ передразниванія, представилъ въ лицахъ и начальника своего—шутка невинная! Еще сбыточно и то, что князь Потемкинъ, извѣстный неровностію нрава своего, то обходительный, то неприступный, то ласковый до обольщенія, то высокомѣрный до обиды, сперва приласкалъ Фонъ-Визина, уважая умъ его, а послѣ охладѣлъ къ нему и даже радъ былъ оскорбить въ немъ человѣка, преданнаго сановнику, коему онъ не доброжелательствовалъ. Сіи предположенія, покрайней мѣрѣ, основаны на вѣроятности; но все прочее, предосудительное для чести Фонъ-Визина, оспоривается приведенными здѣсь свидѣтельствами и должно быть приписано къ выдумкамъ клеветы».—*См. Фонъ-Визинъ, сочиненіе князя Петра Вяземскаго. Спб. 1848 г., стр. 111, 112 и 113.*

(Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ род. 3 апрѣля 1745 г., ум. 1 декабря 1792 г. *М. Л.*).

Польшѣ ни одной подводы ни подъ какимъ видомъ никто не смѣлъ взять, солдаты несли на себѣ всѣ тягости и даже шанцевый инструментъ [112]). Словомъ, полкъ могъ быть во всѣхъ частяхъ образцовымъ въ арміи. При командованіи же полкомъ княземъ Дашковымъ, солдаты во многомъ претерпѣвали нужды, для продовольствія провіянта и фуража онъ принималъ деньгами и задерживалъ ихъ; то же случалось и съ жалованьемъ; хотя чрезъ нѣкоторое время оно и отдавалось, но не въ свое время; лошади были худо накормлены, отчего въ переходахъ въ Польшѣ бралось множество подводъ, почему безпрестанно на полкъ были жалобы, а во время кампаніи къ полковому обозу наряжались солдаты, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ пособлять взвозить на горы. Чтобы нижніе чины не роптали, князь далъ поползновеніе къ воровству, чѣмъ по времени Сибирскій полкъ получилъ дурную молву; полковникъ имѣлъ пристрастіе къ нѣкоторымъ офицерамъ, за то другіе были въ загонѣ и претерпѣвали разныя несправедливости.

1788. Въ 1788 году, въ апрѣлѣ, зять мой Вязмитиновъ съ 4 батальонами, 4 эскадронами и двумя стами козаковъ посыланъ былъ въ соединеніе съ Австрійцами для закрытія Буковины, угрожаемой Турками; но вскорѣ возвратился, не имѣвъ никакого дѣла.

Украинская армія образовалась такимъ образомъ: корпусъ состоящій изъ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ, 30 орудій полевой артиллеріи и одного козачьяго Донскаго полка, подъ

---

[112]) Многіе полки, проходя по Россіи и Польшѣ, брали подводы для облегченія солдатъ, такъ что кромѣ ружья они ничего не носили. Мы всѣ роптали, для чего бы казалось и намъ изнурять своихъ; но пользу уже я увидѣлъ во время кампаніи, когда должно было носить на себѣ всѣ тягости; не привыкшіе къ тому уставали до того, что, пришедъ въ лагерь, въ другихъ полкахъ сотнями отставали, а въ Сибирскомъ полку по навыку къ трудамъ ни одного отсталаго не случалось.

командою генерала графа Салтыкова, въ соединеніи съ австрійскимъ корпусомъ, подъ командою принца Кобургскаго, долженъ былъ осадить Хотинъ.

Главному корпусу назначено было рандеву Подольской губерніи при мѣстечкѣ Мурахвѣ (въ сей корпусъ Сибирскій полкъ былъ назначенъ). Оный корпусъ состоялъ изъ 17 батальоновъ, 10 эскадроновъ кирасиръ, 18 карабинеръ, одного Донскаго казачьяго полка и 30 орудій полевой артиллеріи.

Корпусъ генерала Эльмта, состоявшій изъ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ, двухъ Донскихъ казачьихъ полковъ и 30 орудій полевой артиллеріи, долженъ былъ перейдти черезъ Днѣстръ и дѣлать поиски надъ непріятелемъ.

Резервный корпусъ, подъ командою генерала Каменскаго, состоялъ изъ 12 батальоновъ, 12 эскадроновъ, одного полка Донскихъ казаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Вся армія, ежели была бы въ комплектѣ, состояла бы изъ 50,000; но на лицо, конечно, не превосходила 30.000 человѣкъ.

Какъ въ Украинской арміи не было регулярныхъ легкихъ войскъ, то фельдмаршалъ испросилъ позволеніе у императрицы преобразовать четыре полка карабинеръ и назвалъ ихъ легкоѣздными. У фельдмаршала съ княземъ Потемкинымъ былъ споръ въ наименованіи войскъ: сперва именовали ихъ легкою кавалеріею, а свѣтлѣйшій князь назвалъ легкою конницею; графъ назвалъ своихъ легкоѣздными. Когда свѣтлѣйшій князь въ послѣдствіи принялъ въ командованіе обѣ арміи, назвалъ ихъ конными егерями, хотя лошади и вооруженіе оставались тѣ же самыя.

Екатеринославская армія числомъ гораздо была превосходнѣе и двинулась къ Очакову. Притомъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлѣйшаго князя состоялъ Черноморскій флотъ и гребная флотилія. Всѣми морскими

силами управлялъ вице-адмиралъ Н. С. Мордвиновъ [113]), флотомъ начальствовалъ контръ-адмиралъ Ушаковъ [114]), имѣя подъ собою извѣстнаго Поль-Джонса [115]), прославившагося въ американской войнѣ. Флотиліею командовалъ принцъ Нассау [116]).

Собравшейся Украинской арміи главный корпусъ получилъ повелѣніе идти къ Могилеву, чтó на Днѣстрѣ. По прибытіи туда, на другой день и фельдмаршалъ прибылъ съ главною квартирою. Генералъ-поручикъ кн. Г. С. Волконскій [117]) вступилъ въ командованіе корпусомъ. Всею артиллеріею арміи командовалъ артиллеріи генералъ-майоръ И. М. Толстой [118]); инженерами бригадиръ Б. Ѳ. Кнорингъ [119]). Генералъ-квартермистромъ былъ Н. М. Бердяевъ, при немъ генералъ-квартемистры-лейтенанты: бригадиръ Медеръ и

---

[113]) Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, адмиралъ, род. 17 апрѣля 1754 г., ум. 30 марта 1845 года. Онъ прославился умомъ и непоколебимою твердостію характера. *М. Л.*

[114]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ, адмиралъ, родился 1743 г., умеръ 1817. Онъ особенно прославился взятіемъ Корфу въ 1799 г. *М. Л.*

[115]) Поль-Джонсъ, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи 6 іюля 1747 г., ум. въ Парижѣ 18 іюля 1792. Онъ былъ въ русской службѣ только одинъ годъ, прославившись до того въ войнѣ за американскую независимость. *М. Л.*

[116]) Принцъ-Нассау-Зигенъ, адмиралъ, родился 1745, ум. 10 апрѣля 1808 г. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1788 году, служивши прежде Франціи. *М. Л.*

[117]) Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, генералъ отъ кавалеріи, род. 30 января 1742 года, умеръ 17 іюля 1824 г. Онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго князя Репнина (извѣстнаго фельдмаршала Николая Васильевича), почему сынъ ихъ кн. Николай Григорьевичъ Волконскій названъ въ 1801 году княземъ Репнинымъ-Волконскимъ. *М. Л.*

[118]) Иванъ Матвеевичъ Толстой, генералъ-поручикъ, род. 1746 г., умеръ 15 іюля 1808 г. Сынъ его былъ знаменитый генералъ, графъ Остерманъ-Толстой, недавно умершій. *М. Л.*

[119]) Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1741 умеръ 1836 года. *М. Л.*

полковникъ Филиппи. Дежурнымъ генераломъ фельдмаршалъ избралъ генералъ-майора А. Я. Леонидова. Въ корпусѣ командовали: кавалеріею генералъ-майоръ В. В. Энгельгардтъ; пѣхотою генералъ-майоры гр. Мелинъ и Мельгуновъ; авангардомъ генералъ-майоръ Ласси [120]).

На другой день по прибытіи, фельдамаршалъ приказалъ войскамъ быть во фрунтѣ безъ ружья, и самъ со всѣми генералами прибылъ къ корпусу; всѣ были при появленіи его въ восхищеніи; ни одного не оставилъ онъ штабъ-офицера, которому бы не сказалъ что-нибудь пріятное. Какъ скоро сказалъ солдатамъ: «Здравствуйте ребята!» всѣ почти въ голосъ закричали: «Здравствуй нашъ батюшка, графъ Петръ Александровичъ!» Старые солдаты говорили: «Насилу мы тебя, нашего отца, увидѣли». Посѣдѣлый унтеръ-офицеръ, обвѣшанный медалями, сказалъ фельдмаршалу: «Вотъ уже, батюшка, въ третью войну иду съ тобою».—«Ну, другъ мой, отвѣчалъ графъ, въ четвертый разъ мы вмѣстѣ съ тобой уже воевать не будемъ».—Объѣхавъ всѣ полки, исполненные радостію его присутствіемъ, отъѣхалъ онъ въ главную свою квартиру, въ Могилевъ.

Авангардъ [121]), состоящій изъ пяти батальоновъ, шести эскадроновъ и Донскаго полка Грекова, переправился чрезъ Днѣстръ, а въ то время наводили понтонный мостъ.

Какъ скоро мостъ былъ готовъ, весь корпусъ переправился и занялъ высоты: пѣхота въ двѣ линіи, кавалерія въ третьей, а главная квартира за оною. Гренадерскіе полки, какъ-то: Сибирскій на правомъ флангѣ, 1-й и 2-й батальоны въ первой линіи, а 3 и 4-й во второй; на лѣ-

---

[120]) Морицъ Петровичъ Ласси, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1820 года. *М. Л.*

[121]) Не пишу чиселъ, когда что̀ происходило, потому что не помню.

вомъ флангѣ былъ Малороссійскій гренадерскій, въ которомъ фельдмаршалъ былъ шефомъ. Первыми двумя батальонами въ лагерѣ начальствовалъ самъ полковникъ, а какъ подполковникъ откомандированъ былъ для командованія сводным гренадерскимъ батальономъ въ авангардъ, то, какъ старшій по немъ въ лагерѣ, 3-мъ и 4-мъ батальонами полка командовалъ я; какъ же скоро корпусъ двигался, то полкъ соединялся вмѣстѣ.

На другой день выступилъ корпусъ въ походъ. Предъ выступленіемъ, когда лагерь былъ снятъ, полки выстроились, знамена были развернуты. Фельдмаршалъ проѣзжалъ мимо фланга командуемыхъ мною батальоновъ; я сдѣлалъ ему на караулъ и поскакалъ къ нему на встрѣчу. Но представьте мой ужасъ! Фельдмаршалъ на меня кричалъ самымъ страшнымъ голосомъ; видъ его представлялъ, чего вообразить невозможно: ноздри раздувались, глаза яростно сверкали. Какъ скоро я услышалъ этотъ голосъ и увидѣлъ страшный его видъ, то такъ оробѣлъ, что не слыхалъ ни одного его слова. Дежурный генералъ, подскакавъ ко мнѣ, приказалъ командовать: на плечо! Я едва могъ выговорить. Послѣ чего опять подъѣхалъ онъ ко мнѣ и спрашивалъ отъ имени фельдмаршала: «Какъ я осмѣлился отдать ему честь!» Я отвѣчалъ, что считалъ то долгомъ. Но онъ мнѣ сказалъ: «Вчера былъ отданъ приказъ, что когда фельдмаршалъ будетъ проѣзжать мимо полковъ или карауловъ, никогда бы не отдавали ему чести».—Я отвѣчалъ, что приказа сего не слыхалъ. Когда дежурный генералъ донесъ о сказанномъ мною, фельдмаршалъ поѣхалъ къ 1-й линіи, гдѣ мой полковникъ тоже сдѣлалъ ему на караулъ. Фельдмаршалъ дѣлалъ таковое же взысканіе; но какъ полковникъ отвѣчалъ, что приказа того не слыхалъ, то фельдмаршалъ, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ: «Князь Григорій Семеновичъ, я вамъ приказалъ?» На что тотъ отвѣчалъ, что и онъ приказалъ. Но полков-

никъ утвердительно донесъ графу, что въ Сибирскомъ полку сей приказъ не объявленъ. Фельдмаршалъ приказалъ дежурному генералу объѣхать всѣ полки и спросить, въ которыхъ полкахъ объявлено сіе приказаніе? Между тѣмъ весь корпусъ стоялъ въ ружьѣ. Дежурный генералъ, справясь, донесъ, что ни въ одномъ полку не было того объявлено. Тогда фельдмаршалъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ Волконскому: «Господинъ генералъ! ежели вы впередъ забудете исполнить мое приказаніе, я васъ поставлю передъ взводъ гренадеръ съ заряженными ружьями, а теперь поѣзжайте къ господину майору Энгельгардту и скажите ему, что онъ исполнилъ свою должность, что я его благодарю, и что выговоръ, сдѣланный ему, къ вамъ относится». Хотя его сіятельство и подъѣзжалъ ко мнѣ, но приказанное фельдмаршаломъ мнѣ сказать не объявилъ; однакожь мое удовлетвореніе всѣмъ стало извѣстно, ибо главнокомандующій былъ окруженъ всѣми генералами и всѣмъ штабомъ, къ главной квартирѣ принадлежащимъ.

Порядокъ марша каждаго перехода былъ таковъ: за авангардомъ шли всегда наряженные на завтрашній день въ караулъ, т. е. всѣ пѣхотные пикеты съ шанцовымъ инструментомъ; всѣ отъѣзжіе пикеты кавалерійскіе съ дежурными штабъ-офицерами, съ генералъ-квартермистромъ и квартермистрами отправлялись занимать лагерь, и когда корпусъ вступалъ въ оный, то всѣ уже караулы были на своихъ мѣстахъ, и цѣпь разставлена. Во время нохода артиллерія составляла среднюю колонну, по сторонамъ ея двѣ пѣхотныя колонны; передъ каждой командировано было по одному эскадрону кавалеріи для утоптанія травы; по сторонамъ пѣхотныхъ колоннъ были двѣ кавалерійскія, съ фланговъ которыхъ шла кавалерійская цѣпь. Обозъ тянулся въ двѣ веревки, а иногда и въ четыре, ежели позволяло мѣсто; за онымъ вагенбургъ.

Бывшіе того дня полевые пѣхотные пикеты съ отъѣз-

жими караулами оставались на своихъ мѣстахъ по выступленіи корпуса; дежурные штабъ-офицеры формировали оные въ батальоны и эскадроны, и составляли аріергардъ.

Когда вступали въ лагерь, то каждый батальонъ подходилъ къ лѣвому флангу своего лагеря, а кавалерійскіе полки къ лѣвому флангу своихъ полковъ: тогда вдругъ дѣланъ былъ отбой, и пѣхота церемоніальнымъ маршемъ повзводно, а кавалерія поэскадронно, входили въ линію.

Въ походѣ наряжалось два эскадрона въ конвой къ фельдмаршалу, и онъ, несмотря ни на какую погоду, верхомъ, въ одномъ мундирѣ, до половины марша ѣхалъ при корпусѣ. На половинѣ приказывалъ дѣлать отбой на часъ времени, а самъ съ главнымъ штабомъ уѣзжалъ впередъ осмотрѣть занятіе лагеря; иногда приказывалъ, по положенію мѣста, перемѣнить лагерь, потомъ ѣздилъ въ авангардъ, осматривалъ отъѣзжіе пикеты и приказывалъ, куда посылать партіи. Случалось, что мы, пришедъ въ лагерь, уже отдохнули, а онъ только что пріѣзжалъ.

Во время марша, фельдмаршалъ подъѣзжалъ къ полкамъ и не дозволялъ, чтобъ офицеры сходили съ лошадей; ибо по тогдашнему обряду службы, когда выходили войска въ походъ, то, кромѣ дежурныхъ при полку одного капитана и при каждомъ батальонѣ по одному офицеру, всѣ прочіе офицеры могли ѣхать верхомъ подлѣ своего взвода. Солдаты, по желанію, пѣли пѣсни, и когда графъ подъѣзжалъ, обыкновенно старались пѣть какую-нибудь военную въ честь ему, какъ то: «Ахъ ты нашъ батюшка, графъ Румянцовъ генералъ» и проч. Иногда давалъ онъ симъ пѣсельникамъ червонца по два, говорилъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, тоже удостоивалъ разговаривать съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицерами; словомъ, привѣтливостію своею привлекалъ къ себѣ всѣхъ души и сердца.

Лагерь всегда былъ въ двѣ линіи: на флангахъ кавалерія, артиллерія батареями между полками, а главная квар-

тира между двухъ линій. Караулъ фельдмаршала состоялъ изъ 24 человѣкъ при одномъ офицерѣ, съ хоромъ музыки и конвойной команды съ литаврами, съ двумя трубачами; для сигналовъ была вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли къ вечерней зорѣ.

Пароль и приказъ отдавалъ дежурный генералъ, для принятія котораго должны были быть: дежурный по корпусу полковникъ, подполковникъ и секундъ-майоръ, отъ каждаго полка штабъ-офицеръ и генеральскіе адъютанты.

Къ разводу фельдмаршалъ никогда не выходилъ.

Когда корпусъ не былъ въ походѣ, обыкновенно графъ выходилъ изъ своей ставки или домика, въ большой еринной наметъ, гдѣ уже столъ былъ накрытъ, и гдѣ генералы и штабъ-офицеры и нѣкоторые изъ оберъ-офицеровъ были. Всегда выходилъ онъ въ мундирѣ, съ тростью и шляпою въ рукѣ. Обходилъ всѣхъ тутъ бывшихъ, и ежели съ кѣмъ не говорилъ, то по крайней мѣрѣ дѣлалъ ему пріятную мину. Наконецъ пилъ водку и закусывалъ, и всѣ кто тутъ были—тоже. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ; столъ накрываемъ былъ на 40 кувертовъ; другой столъ въ особливомъ наметѣ для штата его и ординарцовъ, отъ каждаго полка наряжаемыхъ по одному офицеру.

Послѣ стола фельдмаршалъ тотчасъ откланивался; по вечерамъ собирались къ нему генералы и полковники, иногда играли въ коммерческія игры.

Второй лагерь былъ при деревнѣ Плопахъ, въ 30 верстахъ отъ Днѣстра; тутъ пробыли болѣе мѣсяца, въ ожиданіи дѣйствія осады Очакова и Хотина. Корпусъ генерала Эльмта дошелъ до Яссъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Фельдмаршалъ былъ не доволенъ медленнымъ и тактическимъ нѣмецкимъ движеніемъ сего корпуса, почему сей генералъ, когда главный корпусъ подошелъ къ Цыцорѣ (на Прутѣ, въ 20 верстахъ отъ Яссъ), отправился въ отпускъ и болѣе уже въ армію не пріѣзжалъ.

По долгомъ пребываніи въ лагерѣ при Плопахъ, отпросился я къ Хотину на короткое время, посмотрѣть осаду и видѣться съ моимъ зятемъ С. К. Вязмитиновымъ, тогда бывшимъ въ томъ корпусѣ. Онъ съ позволенія графа Салтыкова далъ мнѣ своего адъютанта, чтобъ осмотрѣлъ я всѣ батареи и траншеи, которыя только вели Цесарцы, а наши, пользуясь рвами около Хотина, закрывались оными отъ канонады.

Тогда я увидѣлъ, какъ недостаточно знать одну только фрунтовую службу; чтобы значить болѣе, надобно знать фортификацію и артиллерію: и тогда же принялъ намѣреніе въ зимовыя квартиры заняться сими науками, необходимыми для генерала, а какъ я держался правила, что худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ, то и думалъ, что необходимо нужно имѣть познанія, сопряженныя съ симъ званіемъ. Былъ я въ лагерѣ у Австрійцевъ, составлявшихъ лѣвый флангъ.

Ни у Австрійцевъ, ни у Русскихъ осадной артиллеріи не было; батареи были въ такомъ отдаленіи, что едва двѣнадцати-фунтовыя ядра доносило до бруствера, а гранаты изъ полумортирныхъ единогоровъ никакого дѣйствія не производили; ночью подвигали батареи безъ всякаго закрытія, а безъ цѣли выстрѣлы не дѣлали ни малѣйшаго вреда.

Я чуть было не попался въ плѣнъ и особливымъ чуднымъ образомъ избавился. У Днѣстра былъ во рву егерскій постъ, не допускавшій Турокъ пользоваться хорошею ключевою водою. Осмотрѣвъ оный, адъютантъ Сергѣя Кузмича узналъ, что ночью, перейдя ровъ, заложена была батарея, которая и была намъ видна, но не зналъ, что проѣздъ къ оной по сю сторону рва шелъ очень близко непріятельскаго ретраншамента, а ровъ былъ такъ крутъ, что едва съ трудомъ можно сойдти пѣшкомъ. Лишь только мы нѣсколько проѣхали, какъ егеря стали намъ кричать: «Остерегитесь, Турки васъ видятъ и намѣреваются выйдти изъ ретранша-

мента, чтобы васъ схватить,»—а мы уже такъ заѣхали, что возвратиться къ егерскому посту значило быть еще ближе къ ретраншаменту, а до батареи еще было далеко; отдаться въ плѣнъ охоты не было, а равно даромъ и убиту быть; потому я рѣшился, не смотря на крутизну рва, спуститься и рвомъ добраться до егерскаго поста, что́, благодареніе Богу, удалось. Можно сказать, у страха глаза велики: въ обыкновенное время конечно никто не осмѣлится спуститься на лошади въ сей буеракъ. Долженъ я еще признаться въ моей храбрости: съ польской стороны, по правой сторонѣ Днѣстра, заложена была сею же ночью батарея, которую я желалъ видѣть; Турки, для воспрепятствованія работы, стрѣляли ядрами; первое, которое я услышалъ, заставило меня съ такою торопливостію нагнуться, что обѣ шлифныя пряжки у меня лопнули.

Пробывъ при Хотинѣ дня два, возвратился я въ главный корпусъ.

Во время пребыванія моего при главномъ корпусѣ, получено извѣстіе, что шведскій король Густавъ III [122]) внезапно объявилъ войну и вступилъ въ россійскую Финляндію, а флотъ его, подъ командою герцога Зюдерманландскаго [123]), атаковалъ Балтійскій Портъ и требовалъ отъ коменданта сдачи; комендантъ былъ майоръ Кузминъ, старый инвалидъ, у котораго въ прежнюю войну была оторвана рука; онъ отвѣчалъ: «Я радъ бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и та занята шпагою». По нѣсколько-дневной храброй оборонѣ, герцогъ принужденъ былъ отойдти насупротивъ русскаго флота, вышедшаго изъ Кронштата подъ

---

[122]) Густавъ III король шведскій, род. $^{13}/_{24}$ января 1746, царствовалъ съ 1771, убитъ Анкерштремомъ $^{5}/_{16}$ марта 1792 г. *М. Л.*

[123]) Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Густава III, бывшій въ послѣдствіи королемъ шведскимъ (1809—1818) подъ именемъ Карла XIII; род. 1748, ум. 1818 г. *М. Л.*

командою вице-адмирала Грейга [124]). Произошла у Красной Горки морская баталія; всѣ выстрѣлы въ Петербургѣ были слышны; дворъ готовился выѣзжать [125]). Но Грейгъ одержалъ славную побѣду и взялъ вице-адмиральскій корабль съ начальникомъ онаго гр. Вахмейстеромъ [126]). Вѣтеръ способствовалъ шведскому флоту укрыться въ своихъ гаваняхъ, но Грейгъ былъ опасно раненъ и вскорѣ отъ раны умеръ [127]).

Въ Финляндіи собрана наскоро армія, которая поручена была въ команду генералъ-аншефу графу Валентину Платоновичу Пушкину [128]).

---

[124]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, адмиралъ, род. 1736, перешелъ изъ англійской службы въ русскую въ 1764 году, умеръ 15 октября 1788 г. *М. Л.*

[125]) Грейгъ сражался съ Шведскимъ флотомъ въ 1788 г. не у Красной Горки, а близь острова Хохланда. Въ 1790 г. адмиралъ Крузъ отразилъ флотъ герцога Зюдерманландскаго у острова Сескара и въ этомъ дѣлѣ сражающіеся могли подходить къ Красной Горкѣ. Бой продолжался отъ зари до поздней ночи и канонада была слышна въ Петербургѣ. Авторъ, кажется, смѣшиваетъ въ отношеніи мѣстностей и времени эти два сраженія. Впрочемъ онъ упоминаетъ и о второмъ ниже. *Н. П.*

[126]) Плѣнный Вахтмейстеръ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ присутствіе его возбуждало самое нескромное любопытство на гуляньяхъ и проч.; за ними бѣгали толпами, особенно женщины, на чтó и была написана сатирическая пѣсня. *М. Л.*

[127]) Тутъ авторъ ошибается: Грейгъ умеръ не отъ ранъ, а отъ кратковременной, но тяжкой болѣзни, которой, какъ говорятъ, не мало способствовала горесть, причиненная ему еще въ іюлѣ, послѣ сраженія при Готландѣ, взятіемъ въ плѣнъ нашего корабля Шведами. Горесть эту не могли утѣшить ни дальнѣйшіе успѣхи, ни благоволеніе императрицы, пожаловавшей Грейгу андреевскую ленту. *М. Л.*

[128]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735, ум. 8 іюля 1804 г. Отецъ его, графъ Платонъ Ивановичъ, сосланъ по дѣлу Волынскаго, а сынъ, графъ Василій Валентиновичъ, оберъ-шенкъ (род. 1775, ум. 5 апрѣля 1836) женился на дочери послѣдняго графа Брюса (Якова Александровича) и

Тамъ же получено извѣстіе отъ свѣтлѣйшаго князя, что посланъ былъ флота капитанъ Сакенъ на дубль-шлюбкѣ, для развѣдыванія о непріятельскомъ флотѣ и содержанія брандвахты близь Кинбурнской косы. Онъ, усмотрѣвъ передовыя суда капитанъ-паши, идущія на всѣхъ парусахъ, почелъ за благоразуміе идти на Глубокую Пристань, для извѣщенія принца Нассау-Зигена о появленіи непріятеля, или присоединиться къ русской эскадрѣ, стоявшей выше устья рѣки Буга предъ Станиславовою косою. Турки устремились за дубль-шлюбкою. Сакенъ, чувствуя несоразмѣрность силъ, поспѣшалъ удалиться, но четыре турецкія галеры, очень легкія на ходу, настигали его и кричали, чтобъ онъ сдался. Сакенъ, войдя въ устье Буга, высадилъ всѣхъ бывшихъ людей и чтобы не дать завладѣть судномъ Туркамъ, самъ съ зажженнымъ фителемъ спустился въ крюйтъ-камеру. Вскорѣ дубль-шлюбка была окружена преслѣдовавшими ее галерами; экипажъ ихъ, видя русское судно оставленное, смѣло присталъ къ борту и толпы взошли на палубу, какъ вдругъ съ трескомъ дубль-шлюбка поднялась на воздухъ и вмѣстѣ съ нею турецкія галеры со всѣми на нихъ бывшими людьми. Такимъ геройскимъ подвигомъ капитанъ Сакенъ кончилъ жизнь свою, увѣковѣчивъ ее вѣчною славою.

Очаковская осада продолжалась медленно, которую называлъ фельдмаршалъ осадою Трои; однакожъ были успѣхи па водахъ, какъ то: наша флотилія одержала побѣду надъ

въ 1796 году къ фамиліи его присоединена фамилія Брюса, съ нимъ угасшая. Въ царствованіе Александра I, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ былъ великимъ мастеромъ великой масонской ложи *Астрея*, существовавшей въ Петербургѣ и бывшей центральною для 18 соединенныхъ ложъ, изъ которыхъ семь было въ Петербургѣ, двѣ въ Ревелѣ, а остальныя: въ Кронштадтѣ, въ Ѳеодосіи, въ Житомирѣ, Москвѣ, Митавѣ, Симбирскѣ, Полтавѣ, Кіевѣ и Мобёжѣ (во Франціи) при главной квартирѣ нашихъ войскъ, остававшихся во Франціи до 1818 года. *М. Л.*

флотиліею турецкою, равно и большой нашъ флотъ заставилъ турецкій оставить Очаковъ.

Въ теченіи очаковской осады, Александръ Васильевичъ Суворовъ въ одинъ день при вылазкѣ завязалъ большое дѣло, посылая безпрестанно по нѣскольку батальоновъ занять сады, прилежавшіе къ крѣпости, такъ что весь лѣвый флангъ вступилъ въ сраженіе, и наши войска много претерпѣвали отъ усилившихся подкрѣпленій Турокъ въ выгодной для нихъ позиціи. Кажется, намѣреніе его было, видя медленную осаду, заставить свѣтлѣйшаго князя симъ средствомъ рѣшиться на штурмъ или самому съ своимъ корпусомъ на плечахъ Турокъ ворваться въ крѣпость; и ежели бы князь Репнинъ [129]) не выручилъ съ своимъ корпусомъ, то наши бы войска претерпѣли значительный уронъ. Александръ Васильевичъ раненъ былъ въ руку легко. Свѣтлѣйшій князь послалъ его спросить дежурнаго генерала: «Какъ онъ осмѣлился безъ повелѣнія завязать столь важное дѣло?» Суворовъ отвѣчалъ: «На камушкѣ сижу и на Очаковъ гляжу».

Фельдмаршалъ получилъ донесеніе отъ графа Салтыкова, что Хотинъ Турки сдаютъ на капитуляцію, но требовали сроку на три дня; фельдмаршалъ къ тому времени приказалъ, чтобы на батареяхъ были пушки заряжены стрѣлять викторію о сдачѣ Хотина, когда курьеръ пріѣдетъ; но онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, что отсрочено еще Туркамъ на три дня, и потомъ еще на три дня [130]); фельдмаршалъ былъ очень

---

[129]) Князь Николай Васильевичъ (послѣдній князь Репнинъ), фельдмаршалъ, род. 11 марта 1734 г., умеръ 12 мая 1801 г. Онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ мартинистовъ. Новиковъ, Лопухинъ и другіе были его искренними друзьями. *М. Л.*

[130]) Сказывали, что медленной осадѣ Хотина и еще болѣе девятидневной отсрочкѣ была причиною жена Каменецъ-подольскаго польскаго коменданта Витта (которая послѣ была за графомъ Потоцкимъ), въ которую графъ Салтыковъ былъ влюбленъ, и которая часто пріѣзжала

недоволенъ и, не ожидая уже взятія Хотина, выступилъ съ главнымъ корпусомъ впередъ. Всѣ мы, молодые служивые, обрадовались, что наконецъ увидимъ непріятеля, и ревностно хотѣли съ нимъ сразиться; но дошедъ въ нѣсколько маршей, остановились до окончанія кампаніи при урочищѣ Цицорахъ, на лѣвой сторонѣ Прута, въ 20 верстахъ отъ Яссъ.

Корпусъ генерала Эльмта занялъ Яссы и поступилъ, по отпускѣ его, въ командованіе генералъ-поручика князя Бориса Григорьевича Шаховскаго[131]); черезъ день резервный корпусъ генерала Каменскаго присоединился къ главному. На маршѣ получено донесеніе графа Салтыкова о занятіи Хотина и сдачѣ онаго Цесарцамъ. Графу Салтыкову поручено занять Кишеневъ и наблюдать Бендеры.

Непріятельскій лагерь открытъ былъ, въ сорока верстахъ на лѣвой сторонѣ Прута, противъ Рябой Могилы, въ большихъ силахъ.

За малоимѣніемъ легкихъ войскъ, фельдмаршалъ приказалъ отставному полковнику Сиверсу, бывшему волонтеромъ, набрать три тысячи Арнаутовъ[132]); ему поручены отъ трехъ корпусовъ Донскаго войска казачьи полки и повелѣно быть въ десяти верстахъ отъ арміи, имѣть свой станъ, охранять оную и посылать партіи для развѣдыванія. Рѣдко очень

въ лагерь; она была Гречанка, сестра ея была замужемъ за Хотинскимъ пашею, почему графъ, по просьбѣ ея, посылывалъ парламентера съ письмами отъ г-жи Виттъ къ сестрѣ, а отъ той получала она на оныя отвѣты.

[131]) Князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской, генералъ-лейтенантъ, умеръ 1813 года. *М. Л.*

[132]) Арнаутами звались тутъ Молдаване или Волохи, добровольно вступавшіе въ службу на своемъ конѣ и вооруженіи, за что получали по червонцу въ мѣсяцъ жалованья, провьянтъ и фуражъ; они худо служили, однакожъ нѣкоторые были изрядные наѣздники, а особливо славился ихъ начальникъ майоръ Іордаки.

казаки встрѣчались съ Турками, а еще менѣе было небольшихъ схватокъ; Турки такъ боялись Русскихъ, а еще болѣе имени Румянцова, что какъ скоро завидятъ казака, то бывало и бѣгутъ; однакожь во все то время нахватали человѣкъ до пятидесяти плѣнныхъ.

Армія имѣла всегда съ собою провіянтъ, люди на себѣ въ ранцахъ на четыре дня, въ фурахъ полковыхъ на шесть, да въ каждый полкъ даны были возы на волахъ, и на оныхъ было провіянта на 22 дня. Транспорты съ провіянтомъ еженедѣльно приходили изъ Польши; заготовленіе онаго поручено было генералъ-майору Шамшеву и генералъ провіянтмейстеру, бригадиру Новицкому. Для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ, подъ командою сказаннаго Шамшева, оставался Днѣпровскій мушкетерскій полкъ, отъ нѣкоторыхъ мушкетерскихъ полковъ двухротныя команды; въ мѣстечкѣ Сорокѣ, Молдавскаго княжества, построенъ былъ ретраншаментъ, въ который свозили покупаемый въ Польшѣ провіянтъ и фуражъ.

Въ Польшѣ сдѣлалась революція, и 3 мая сеймъ утвердилъ новую конституцію; Поляки оказывали непріязненное къ намъ расположеніе; посолъ нашъ гр. Штакельбергъ [133]) лишился прежняго своего вліянія, а довѣренность Поляковъ получилъ прусскій министръ Луккезини [134]).

Цесарскія войска непрестанно, хотя и не было генеральной баталіи, но во многихъ сраженіяхъ Турками были поражаемы. Императоръ неоднократно просилъ фельдмаршала сдѣлать движеніе для диверсіи въ пользу Австрійцевъ, но графъ и съ мѣста не тронулся, подъ видомъ, чтобы при

---

[133]) Графъ Отто Магнусъ Стакельбергъ, род. 7 февраля 1736 года, умеръ 1799. *М. Л.*

[134]) Авторъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ по ошибкѣ о произшествіяхъ позднѣйшихъ; эти событія относятся къ 1791 году, въ которомъ состоялась конституція 3 мая. Съ слѣдующей за тѣмъ фразы начинается опять связный разсказъ. *М. Л.*

его движеніи не открыть мѣста, чрезъ которое Турки могли подать секурсъ Очакову [135]). Неоднократно для сего пріѣзжали въ лагерь австрійскіе генералы: Іордышъ, Сплени и Карачай; а сверхъ того, для наблюденія нашихъ дѣйствій, при нашей арміи былъ полковникъ Гербертъ; подъ исходъ уже кампаніи, изъ-подъ Очакова пріѣзжалъ въ Яссы принцъ де-Линь, откуда часто пріѣзживалъ для сего же въ лагерь. Несмотря однакожъ на его краснорѣчивыя убѣжденія, фельдмаршалъ и шагу не дѣлалъ.

Главнокомандующій былъ очень недоволенъ генералъ-квартермистромъ Бердяевымъ, который дѣйствительно не имѣлъ особливыхъ дарованій, ни природныхъ, ни пріобрѣтенныхъ свѣдѣніями. Къ генералъ-квартермистру лейтенанту Медеру онъ по особливымъ причинамъ не благоволилъ и хотѣлъ испытать товарища его полковника Филиппи: способенъ ли онъ, еслибы нужда потребовалась, на какое важное предпріятіе. Фельдмаршалъ далъ ему повелѣніе съ сотнею казаковъ ѣхать по правую сторону Прута и рекогносцировать: можно ли, поставя батарею на Рябой Могилѣ, анфилировать непріятельскій лагерь? Прутъ въ то время былъ такъ мелокъ, что было только лошади по колѣно; фельдмаршалъ, давъ ему приказъ, не объявилъ, что полковнику Сиверсу дано уже повелѣніе,—что Филиппи поѣдетъ рекогносцировать; а потому чтобы Сиверсъ заранѣе со всѣми своими легкими войсками отправился впередъ и его бы прикрывалъ, и ежели не только опасно будетъ Филиппи, но даже можно опасаться потери одного человѣка его команды, то чтобы самъ воз-

---

[135]) О причинахъ этого бездѣйствія Румянцова, въ отношеніи Австрійцевъ, авторъ уже говорилъ въ I главѣ своихъ *Записокъ*. Квартермистръ Бердяевъ, о коемъ говорится ниже, былъ екатеринославскимъ военнымъ губернаторомъ при императорѣ Павлѣ I, который имѣлъ къ нему большое довѣріе. (См. письма е. в. къ Бердяеву, въ *Чтеніяхъ Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* 1858 г., кн. I. отд. 5, стр. 105). *М. Л.*

вратился и далъ бы Филиппи запечатанное повелѣніе, въ которомъ ему приказано было возвратиться безъ исполненія порученнаго. Филиппи, получивъ приказаніе отъ фельдмаршала, думалъ, что посылается на неизбѣжную смерть. Отъѣхавъ верстъ десять, спросилъ онъ Молдаванъ: есть ли Турки на той сторонѣ? И какъ они ему сказали, что много, то онъ и отправился назадъ. Вошедъ къ фельдмаршалу въ ставку, когда уже было большое собраніе, и какъ на тотъ разъ хотинскій гарнизонъ не въ дальнемъ разстояніи отъ лагеря проходилъ подъ прикрытіемъ австрійскихъ войскъ, то командующій онымъ конвоемъ генералъ и многіе австрійскіе штабъ-офицеры тутъ были. Фельдмаршалъ, какъ скоро увидѣлъ вошедшаго Филиппи, подошелъ къ нему и спросилъ на ухо: Sind Sie da gewesen? Были ли вы тамъ?—Nein, Ihre Erlaucht. Нѣтъ, ваше сіятельство.—Warum? Для чего?—Ich fürchtete. Я побоялся.—Тогда вдругъ вскричалъ фельдмаршалъ громко: «Счастливъ ты, что сказалъ не по-русски, а ихъ языкомъ (показавъ на Австрійцевъ), а то бы тотчасъ велѣлъ тебя разстрѣлять.»—И послѣ сего не только никогда его не употреблялъ, но даже съ нимъ никогда уже не говорилъ.

Тогда фельдмаршалъ вздумалъ испытать дивизіоннаго квартермистра Лена. Когда хотинскій гарнизонъ вышелъ въ турецкій лагерь, то сераскиръ присылалъ парламентера благодарить за исполненіе въ точности капитуляціи. Фельдмаршалъ воспользовался симъ, послалъ Лена съ пустымъ комплиментомъ, но, отправляя его, сказалъ ему: «Непременно привези ты мнѣ планъ позиціи непріятельскаго лагеря». Ленъ вотъ какъ исполнилъ сіе порученіе: какъ скоро пріѣхалъ къ аванпостамъ съ трубачемъ, то далъ себѣ по обыкновенію завязать глаза, но когда онъ почувствовалъ, что уже въ непріятельскомъ лагерѣ, по шуму его окружавшихъ, тогда вдругъ сдернулъ повязку; нѣкоторые Турки было бросились на него, но онъ, выхвативъ пистолетъ, угрожалъ выстрѣ-

ломъ. Онъ приведенъ былъ въ палатку, обгороженную тростникомъ, но уже успѣлъ увидѣть все положеніе турецкаго лагеря. При возвращеніи своемъ, начертилъ планъ и представилъ его фельдмаршалу, который спросилъ: «Какъ, батюшка, вы это сдѣлали?» И когда онъ ему отвѣчалъ, то графъ его обнялъ и сказалъ: *будемъ друзьями, господинъ Ленъ*.

Скажу вамъ, что впалъ было я въ гнусный порокъ, но, благодареніе Богу, добрый мой пріятель отъ того меня избавилъ. Полковникъ мой, слѣдуя англійскому обыкновенію [136]), подпивалъ; послѣ обѣда ставили чашу пунша. Пріятели его, а мои товарищи стали на мой счетъ подшучивать, что похожъ ли я на гренадерскаго офицера: водки и пунша не пью и трубки не курю. Желая быть въ числѣ короткихъ пріятелей своего полковника и быть настоящимъ гренадерскимъ офицеромъ, сперва пилъ я въ угожденіе, потомъ это вошло въ привычку и наконецъ не только у полковника, но уже я искалъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы подпить; словомъ сказать, ни одного дня не проходило, чтобъ я не былъ пьянъ. Роштейнъ произведенъ былъ недавно секундъ-майоромъ, онъ не успѣлъ еще завестись своею палаткой и жилъ у меня. Въ одинъ день послѣ обѣда, соснувъ, я одѣлся и хотѣлъ идти, какъ онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «Послушай, Л. Н., за благосклонность твоего ко мнѣ зятя, бывшаго нашего командира, и по дружбѣ моей къ тебѣ, я долженъ сказать, что уже наконецъ я выхожу изъ терпѣнія, и мнѣ стыдно жить въ одной палаткѣ съ пьяницею; представь, что вотъ уже около мѣсяца, какъ ты всякій день пьянъ и теперь, я вижу, спѣшишь искать пуншъ; ежели не исправишься, я тотчасъ съ тобой разстанусь». Чувствительна мнѣ была такая укоризна; сначала я было на него разсердился, но какъ скоро одумался, то дѣйствительно увидѣлъ, что страсть сія во мнѣ сильно укоренилась. Я

---

[136]) Князь Дашковъ былъ воспитанъ въ Англіи. *М. Л.*

далъ себѣ слово болѣе не пить, и могу сказать, что съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь былъ трезвой и воздержной жизни; счастливая минута, въ которую другъ мой своимъ словомъ излѣчилъ меня!

Въ началѣ ноября сдѣлались большіе морозы, выпалъ снѣгъ, и стала зима, какой въ Молдавіи никто не помнилъ; рѣки замерзли и даже Лиманъ подъ Очаковымъ.

15-го числа полковникъ Сиверсъ донесъ, что Турки лагерь свой оставили; генералъ Каменскій получилъ повелѣніе преслѣдовать непріятеля, а по другой сторонѣ Прута генералъ-поручику князю Шаховскому приказано идти впередъ до Васлуи и начальствовать передовымъ корпусомъ.

Войска 22 числа вошли въ зимовыя квартиры; въ Цыцорахъ сдѣлано было нѣсколько редутовъ, и оставлено три батальона для прикрытія Яссъ и сбереженія замерзшихъ понтонныхъ мостовъ. Корпусъ кишеневскій порученъ былъ генералу Каменскому, на мѣсто графа Салтыкова, который отпросился въ Петербургъ. Главная квартира заняла Яссы.

При выходѣ изъ лагеря, наканунѣ того дня, говорилъ я полковнику, что мнѣ хочется побывать къ батюшкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что о томъ скажетъ фельдмаршалу, который, какъ скоро о томъ услышалъ, съ гнѣвомъ сказалъ: «Мы еще не вошли въ зимовыя квартиры, а молодые люди уже скучаютъ службой». Хотя всѣ знали, что уже и приказъ написанъ, только еще не былъ объявленъ, но чрезъ нѣсколько часовъ оный и отданъ былъ при паролѣ.

Штабы всѣхъ полковъ, составлявшихъ главный корпусъ, остались въ Яссахъ, а полки были расположены въ окружностяхъ. Я уже лишился было надежды быть въ отпуску, а проситься боялся и подумать.

25-го обѣдалъ я у фельдмаршала, какъ вдругъ онъ сказалъ мнѣ: «Какъ, господинъ майоръ, я слышалъ, что вы хотите въ отпускъ?»—Я ему отвѣчалъ: «Если ваше сіятельство позволите».—«Для чего же нѣтъ?» сказалъ онъ. Вставши

изъ-за стола и подошедъ ко мнѣ, онъ спросилъ: «Скоро ли вы хотите ѣхать?»—«Какъ вашему сіятельству угодно».—«Однакожь, еслибъ отъ васъ зависило?»—«Я бы уѣхалъ сего же дня».—«Вы очень скоры, однакожь я васъ прошу остаться только до шести часовъ утра завтрашняго дня, а притомъ я васъ буду просить взять на себя нѣкоторыя порученія, и завтра въ шесть часовъ прошу ко мнѣ». Я думалъ, что какъ мнѣ должно было проѣзжать Гомель, его мѣстечко въ Бѣлоруссіи, то вѣрно что-нибудь прикажетъ къ его тамъ управляющему. Не успѣлъ я въ шесть часовъ поутру явиться, какъ уже дежурный генералъ сказалъ, что фельдмаршалъ меня ожидаетъ. Я вошелъ въ кабинетъ. Графъ далъ мнѣ паспортъ на двадцать девять дней, подорожную и письмо къ моему отцу, сказавъ: «Вотъ въ чемъ состоитъ мое порученіе, доставьте удовольствіе вашему батюшкѣ видѣть добраго сына» [137]).

Лестное сіе письмо я почитаю лучшимъ себѣ атестатомъ въ мою службу. Съ какою деликатностію сей великій человѣкъ дѣлалъ свои благодѣянія, и вотъ какимъ очарованіемъ

---

[137]) Вотъ содержаніе сего письма:

«Милостивый Государь мой Николай Богдановичъ!

Податель сего будетъ вамъ лучшимъ свидѣтелемъ моего къ вамъ усердія, но я не могу однакожь отказать себѣ того удовольствія, чтобы не представить его тоже съ моей стороны, свидѣтельствовать о его лучшемъ поведеніи и прилежности къ службѣ и вамъ не пожелать всякаго самомысленнѣйшаго добра, и что я въ особливое себѣ удовольствіе вмѣняю всякій случай, который мнѣ подаетъ способы вамъ и вашему достойному сыну мои услуги оказать. И съ сими чувствами и искреннѣйшимъ почтеніемъ что я имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и всегдашнѣйшій слуга

Яссы 26 ноября
1788 года.

Гр. Румянцовъ-Задунайскій.

привязывалъ къ себѣ! Хотя чины и кресты во время его командованія трудно доставались, но за то они были имъ раздаваемы справедливо и за настоящее дѣло, кто чего заслуживалъ; за то всякая награда принималась съ величайшимъ уваженіемъ.

Можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой меня увидѣлъ съ графскою рекомендаціею. Уже въ бытность мою въ Могилевѣ, узналъ я о взятіи штурмомъ Очакова шестаго декабря [138]).

Свѣтлѣйшій князь награжденъ орденомъ Св. Георгія 1-го класса; по его рекомендаціи всѣ щедро награждены орденами и крестами; по нѣкоторомъ времени отправился онъ въ С.-Петербургъ, гдѣ его съ тріумфомъ встрѣтили, и по пути, гдѣ онъ проѣзжалъ, встрѣчали какъ побѣдителя; весь его проѣздъ уподоблялся празднику. Штабъ и оберъ-офицеры всѣ получили золотые кресты на георгіевской лентѣ съ надписью: «За службу и храбрость», а на другой сторонѣ: «Очаковъ взятъ 6 декабря 1788 года». Нижнимъ чинамъ даны серебряныя медали.

1789. Въ 1789 году явился я изъ отпуска къ фельдмаршалу, нѣсколько дней просрочивъ, и боялся его выговора; но вмѣсто того, увидя меня, онъ сказалъ: «Какъ, вы уже возвратились?»—«Я и такъ, ваше сіятельство, про-

---

[138]) Взятіе Очакова стоило очень дорого; потеря людей чрезвычайно значительна, не убитыми, но отъ продолжительной кампаніи; зима, наставшая въ томъ краю ранѣе и холоднѣе обыкновеннаго, изнурила людей до того, что едва четвертая часть осталась отъ многочисленной арміи, а кавалерія потеряла всѣхъ почти лошадей. Свѣтлѣйшій князь, жалѣя людей, рѣшился на штурмъ по необходимости поздно; еслибы штурмъ данъ былъ тотчасъ по отбытіи турецкаго флота, то потеря была бы въ половину менѣе; разчетъ самый невѣрный для сбереженія людей—поздняя кампанія, а особливо въ мѣстахъ, гдѣ продовольствіе такъ затруднительно, и есть лишеніе всѣхъ нужныхъ потребностей. Филантропія не всегда бываетъ кстати.

срочилъ; причиною тому большія метели», отвѣчалъ я. И дѣйствительно, подъѣзжая къ Могилеву, подводчикъ мой потерялъ дорогу, всю ночь проплуталъ и почти къ свѣту, заѣхавъ въ сторону, наткнулся на одну деревню, гдѣ дождался свѣту; въ ту крутую зиму многіе отъ вьюгъ пострадали. «Напрасно вы спѣшили, дѣла теперь нѣтъ, вы бы могли еще пробыть столько же у вашего батюшки; однакожь это не худо: впередъ будете имѣть кредитъ».

Во время моего отсутствія, генералу Каменскому повелѣно было выгнать Татаръ изъ занимаемыхъ ими квартиръ, селеній Гангуръ и Салкуцъ, къ сторонѣ Бендеръ. Каменскій, напавъ на нихъ нечаянно, почти всѣхъ ихъ истребилъ; въ томъ числѣ былъ убитъ сынъ хана, командовавшаго оными; малое число изъ нихъ спаслось. Этимъ зимовыя наши квартиры стали безопасны и во всю зиму не были непріятелями обезпокоиваемы; почему три батальона, подъ командою полковника Владычина, оставленные при Цыцорахъ въ землянкахъ, для прикрытія укрѣпленія, отпущены, а на мѣсто ихъ для караула понтонныхъ мостовъ оставлено двѣ роты.

Князь Г. С. Волконскій, на другой же день моего прибытія, командировалъ меня къ онымъ двумъ ротамъ. Фельдмаршалъ того же дня спросилъ нашего полка премьеръ-майора Клугина: «гдѣ же вашъ пріѣзжій майоръ Энгельгардтъ?»— а какъ тотъ отвѣчалъ, что командированъ въ Цыцоры для караула мостовъ княземъ Волконскимъ, тутъ бывшимъ, фельдмаршалъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: «Для чего штабъ-офицера нарядили въ караулъ? Тотчасъ пошлите ордеръ господину майору, чтобы сдалъ онъ команду старшему по себѣ капитану, и завтра явился бы ко мнѣ. Господинъ генералъ, примолвилъ онъ, молодыхъ, хорошихъ офицеровъ надобно поощрять, а не унижать». Получа сіе повелѣніе, я очень обрадовался, тѣмъ болѣе когда узналъ о пріятномъ отзывѣ обо мнѣ фельдмаршала.

По прибытіи въ Яссы, занялся я, какъ прежде уже себѣ предположилъ. Досталъ я книгу *Le parfait ingénieur Français*, гдѣ всѣ до того времени извѣстныя системы всѣхъ авторовъ о крѣпостяхъ подробно описаны, и могу сказать, что прилежаніемъ своимъ всѣ три манера укрѣпленій Вобана и регулярныя крѣпости его и Когорна твердо самъ собою выучилъ, равно какъ атаку, такъ и защиту; также къ оному присовокупилъ: *De l'attaque et de la défense des places, par Blondel*. Изъ библіотеки князя Дашкова много читалъ тактическихъ книгъ; словомъ, зимовыя квартиры провелъ я съ пользою, а въ слѣдующій годъ прошелъ я и курсъ артиллеріи, готовясь служить съ замѣчаніемъ и быть годнымъ къ употребленію, когда какой случай предстанетъ.

Образъ жизни фельдмаршала въ Яссахъ былъ таковъ: онъ вставалъ всегда въ пять часовъ; въ шесть приходилъ къ нему съ рапортомъ дежурный генералъ, потомъ секретари его разныхъ экспедицій по очереди подносили дѣла, которыя онъ приказывалъ къ тому дню приготовить; въ десять въ кабинетъ были допускаемы генералы и нѣкоторые полковники; въ одиннадцать выходилъ онъ въ пріемную комнату и изъ бывшихъ тутъ съ каждымъ почти говорилъ. Наконецъ отворялись двери, и допускаемы были къ нему люди всякаго званія съ просьбами: солдаты, Молдаване, Жиды, словомъ кто только имѣлъ до него дѣло; словесныя просьбы выслушивалъ онъ съ терпѣніемъ и тогда же дѣлалъ удовлетвореніе, отсылая ихъ куда слѣдуетъ, или чрезъ своихъ адъютантовъ или ординарцевъ; писанныя же просьбы принималъ и клалъ въ карманъ. Обѣдалъ въ первомъ часу въ половинѣ; столъ его, такъ же какъ и въ лагерѣ, былъ на сорокъ приборовъ; послѣ обѣда чрезъ полчаса откланивался и уходилъ въ кабинетъ; тамъ нѣсколько отдыхалъ, а проснувшись разсматривалъ просьбы, на всякой своею рукой надписывалъ резолюцію и къ которому числу долженъ ее секретарь исполнить, записывая у себя въ особливую

тетрадь и въ слѣдующее утро справлялся съ нею: какія дѣла и который секретарь долженъ былъ ему доложить. Въ шесть часовъ вечера приходили секретари, и каждому изъ нихъ по экспедиціи онъ отдавалъ тѣ просьбы; ежели какая поступала просьба недѣльная, то онъ наддиралъ у оной уголокъ: то было знакомъ, чтобы просителю отказать. Потомъ выходилъ въ пріемную, гдѣ собирались генералы и штабъ-офицеры и дѣлали партіи, а въ девять часовъ онъ откланивался, и всѣ разъѣзжались. Во все время той зимы въ Яссахъ было тихо; у нѣкоторыхъ бояръ бывали балы, какъ-то у князя Кантакузена, у Стурдзы и нѣкоторыхъ другихъ. На оныхъ балахъ танцовали Молдаване свой танецъ, называемый жоко: становились въ кружокъ мущины и женщины, держась рука за руку, и, важно подвигая ноги то въ сторону, то впередъ, обходили кругомъ по ихъ музыкѣ, составляющейся изъ Цыганъ (инструменты: кобза, родъ гитары, свирѣль и двѣ скрипки), съ припѣваніемъ гнусящихъ сихъ самыхъ музыкантовъ. Сіи же танцы и въ простомъ народѣ употребляются. На сихъ балахъ въ другихъ комнатахъ игрывали въ карты, и многіе бояре страстно играли большею частію въ рокамболь и азартныя игры. Между тѣмъ разносили варенье, фрукты, шербетъ, и желающіе курили трубки.

Въ мартѣ князь Шаховской донесъ, что онъ атакованъ превосходными силами, и требовалъ скораго подкрѣпленія. На зиму всѣ почти полковники отправились въ отпускъ, одни штабъ-офицеры командовали полками. Фельдмаршалъ приказалъ нарядить два батальона Сибирскаго и два батальона Малороссійскаго полковъ съ ихъ полковыми орудіями и отъ каждаго полка штабъ-офицера; старшему изъ нихъ приказалъ поручить всѣ четыре батальйона. Старшимъ случилось быть мнѣ, и на другой день долженъ я былъ явиться къ фельдмаршалу для полученія приказанія и тотчасъ выступить. Я былъ въ восхищеніи, всю ночь занятъ былъ

распоряженіями, былъ у генералъ-квартермистра для полученія маршрута, скопировалъ карту окружности Васлуи. Мечталась въ моихъ мысляхъ слава, которую пріобрѣту я моими дарованіями и храбростію, но мечта сія на другой же день рано исчезла.

Князь Шаховской донесъ, что вмѣсто большихъ непріятельскихъ силъ, которыхъ онъ самъ не видалъ, только передовые посты его были атакованы сильною партіею, которая вскорѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда, отступила къ своимъ квартирамъ къ Галацу. При томъ схваченные Турки сказывали, что тамъ дѣлаютъ нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій, полагать должно редутовъ.

Въ исходѣ же марта, главнокомандующій сдѣлалъ производства на вакансіи; мнѣ досталось премiеръ-майоромъ въ Днѣпровскій полкъ, пребывавшій для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ.

Фельдмаршалъ, вскорѣ послѣ взятія Очакова, просилъ у императрицы, по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзнямъ, увольненія отъ командованія арміею, на что государыня соизволила указать при милостивомъ рескриптѣ. Послѣ того обѣ арміи соединились подъ команду свѣтлѣйшаго князя Потемкина, но до пріѣзда его назначено принять оную генералъ-аншефу князю Николаю Васильевичу Репнину; авангардный корпусъ—генералъ-аншефу Александру Васильевичу Суворову. Фельдмаршалъ не хотѣлъ дожидаться князя Репнина, который тогда еще былъ въ Россіи, и до прибытія его сдалъ армію генералу Каменскому.

Суворовъ скоро прибылъ и явился къ фельдмаршалу въ курткѣ и каскѣ, когда былъ тамъ и Каменскій, который всегда былъ по недугу своему въ длинномъ мундирномъ сюртукѣ, бѣлою портупеей подвязанномъ. Суворовъ до выхода еще фельдмаршала изъ кабинета сказалъ Каменскому: «Признаться, мы съ тобой великіе оригиналы: оба мы у фельдмаршала, котораго чтимъ душею, только ты очень

долго, а я очень коротко». Не замедлилъ прибыть и князь Николай Васильевичъ Репнинъ и вступилъ въ командованіе арміею. Тогда фельдмаршалъ переселился на рѣчку Жижу, въ деревню одного молдаванскаго боярина, въ десяти верстахъ отъ Яссъ, гдѣ и пробылъ почти до заключенія мира.

Въ апрѣлѣ князь Репнинъ приказалъ генералъ-поручику Дерфельдену атаковать непріятеля въ укрѣпленіяхъ его при Галацѣ, что̀ тотъ и исполнилъ, взялъ въ плѣнъ человѣкъ шестьсотъ и двадцать пушекъ; прочія непріятельскія войска прогнаны за Серетъ къ Браилову, а самъ Дерфельденъ возвратился въ Берлатъ, гдѣ Суворовъ учредилъ авангардный свой постъ.

Прибылъ я въ полкъ Днѣпровскій, расположенный въ Ямполѣ. Полковникъ сего полка Гавріилъ Михайловичъ Рахмановъ былъ мнѣ очень радъ, ибо полкъ былъ очень разстроенъ и снабженъ офицерами новыми и неопытными; нижнихъ чиновъ почти не было, и всѣ солдаты были изъ рекрутъ. И такъ, занялся я по своему званію новою своею должностію. По тогдашней службѣ на преміеръ-майорѣ почти, такъ сказать, лежалъ весь полкъ: онъ настоящій былъ хозяинъ; полковникъ занимался пріятнымъ начальствомъ, а все трудное и непріятное по службѣ было участью премьеръ-майора; за то скоро могъ исправный майоръ сдѣлать свою репутацію и быть на замѣчаніи у главнаго начальства.

Во время пребыванія полка въ Ямполѣ, генералъ Каменскій, ѣхавшій въ отпускъ, пробылъ въ Сорокѣ недѣли съ двѣ; а какъ разстояніе отъ Ямполя по лѣвой сторонѣ Днѣстра не болѣе трехъ верстъ, то все то время мы пробыли съ нимъ вмѣстѣ. Какъ скоро не касалось Московскаго полка, въ которомъ онъ былъ шефъ, и гдѣ офицерамъ по чрезвычайной его строгости почти служить было невозможно, какъ корпусный командиръ былъ онъ любимъ, а не по

службѣ былъ очень любезенъ. Онъ ожидалъ скотъ и табуновъ своихъ, отогнанныхъ имъ во время экспедиціи на Гангуру и Салнакуцъ.

Наконецъ Поляки настояли, чтобы наши войска выведены были изъ Польши, а сами сформировали свои войска и обучали на прусскій манеръ, почему полкъ Днѣпровскій получилъ повелѣніе идти въ Кишеневскій корпусъ, подъ команду генерала Кречетникова. Главный корпусъ бывшей Украинской арміи былъ въ Гинчештяхъ; передовой подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Суворова въ Берлатѣ.

Въ іюнѣ Суворовъ, соединясь съ принцемъ Кобургскимъ, разбилъ непріятеля при Фокшанахъ и прислалъ реляцію князю Н. В. Репнину, слѣдующаго содержанія: «Рѣчка Путна отъ дождей широка. Турокъ тысячъ пять-шесть спорили, мы ее перешли, при Фокшанахъ разбили непріятеля; на возвратномъ пути въ монастырѣ засѣли пятьдесятъ Турокъ съ байрактаромъ; я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками, и они сдались».

Вскорѣ послѣ того полкъ нашъ былъ командированъ для обезпеченія переправы на Днѣстрѣ идущему бывшей Екатеринославской арміи передовому корпусу, подъ командою генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина [139]), состоящему изъ четырехъ батальоновъ Бугскаго егерскаго корпуса, котораго шефомъ былъ незабвенный Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ [140]), и изъ четырехъ батальоновъ Екатеринославскаго егерскаго корпуса, котораго былъ шефъ

---

[139]) Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, генералъ-аншефъ, ум. 29 марта 1795 года. Онъ былъ внучатный братъ князя Таврическаго. *М. Л.*

[140]) Свѣтлѣйшій князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій род. 5 сентября 1745, ум. 16 апрѣля 1813 года. *М. Л.*

зять мой Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, а также изъ двухъ гусарскихъ полковъ. За онымъ и вся Екатеринославская армія слѣдовала (которая потомъ заняла позицію подъ Фокшанами, до блокады Бендеръ). Какъ скоро переправился тотъ авангардный корпусъ, полкъ нашъ возвратился въ лагерь подъ Кишиневъ.

Свѣтлѣйшій князь прибылъ къ арміи; осмотрѣвъ нашъ корпусъ, ѣздилъ для осмотра главнаго корпуса бывшей Украинской арміи, при Гинчештяхъ; потомъ отправился уже къ собравшейся при Фокшанахъ арміи.

По полученнымъ извѣстіямъ, что визирь съ большою арміею идетъ на австрійскій корпусъ принца Кобургскаго, расположенный отъ Берлата болѣе ста верстъ, Суворову предписано соединиться съ принцемъ и разбить визиря; а князю Репнину, присоединивъ къ себѣ корпусъ генерала Кречетникова, разбить Гассанъ-Пашу, расположеннаго въ Таба́кѣ. Гассанъ-Паша въ прошлую кампанію былъ капитанъ-пашею и въ наказаніе, что не способствовалъ защитѣ Очакова, былъ разжалованъ, сдѣланъ комендантомъ Измаила, и приказано было ему отъ султана съ сильнымъ корпусомъ занять Табакъ и препятствовать нашей арміи подать помощь Австрійцамъ.

Соединенные наши два корпуса составляли болѣе двадцати тысячъ регулярнаго войска и три тысячи казаковъ. На рѣчкѣ Ларгѣ было авангардное сраженіе, и узнали, что Гассанъ-Паша занимаетъ крѣпкую позицію въ укрѣпленномъ лагерѣ при рѣкѣ Сальчѣ, недалеко отъ извѣстнаго урочища Кагулъ, славнаго по побѣдѣ, одержанной фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ въ прошлую войну; и что, по причинѣ нѣсколькихъ крутыхъ горъ, предъ самою непріятельскою позиціею, затруднительно было его атаковать.

Генералъ-квартермистръ-лейтенантъ Медеръ рекогносцировалъ и открылъ, что между двухъ хребтовъ горъ, сдѣ-

лавъ двадцать верстъ лишнихъ, скрытно можно было обойдти сіи горы и придти во флангъ, гдѣ непріятель не имѣлъ никакого укрѣпленія и никакъ насъ съ той стороны не ожидалъ. Почему съ вечера выступили боковымъ маршемъ лощиною между тѣхъ горъ; авангардъ составленъ былъ подъ командою генералъ-майора Ласси изъ полковъ пѣхотныхъ: Днѣпровскаго, Угличскаго и Витебскаго, Кіевскаго карабинернаго, трехъ эскадроновъ кирасиръ и трехъ тысячъ Донскаго войска казаковъ, подъ командою наказнаго атамана В. П. Орлова [141]).

Дѣйствительно, непріятель былъ изумленъ нечаяннымъ нашимъ появленіемъ, когда онъ думалъ, что мы еще изъ занимаемаго нами наканунѣ лагеря не тронулись. Авангардъ въ двухъ кареяхъ занялъ два оканчивающихся хребта горъ, между которыхъ мы прошли верстахъ въ десяти отъ турецкаго лагеря; между сихъ двухъ кареевъ въ лощинѣ поставлены были три эскадрона кирасиръ, за ними Кіевскій карабинерный полкъ, а впереди ихъ въ полуверстѣ казаки въ двѣ шеренги (по термину ихъ *лавою* [142]) на равнинѣ, простирающейся не только до турецкаго лагеря, но и до самаго Табаку верстъ на сорокъ. Весь корпусъ за авангардомъ расположился въ двухъ верстахъ, въ двухъ линіяхъ.

Непріятель выслалъ свою конницу противъ насъ, а прочія его войска стали приготовляться къ отступленію. Картина представилась намъ превосходная: Турки разсыпались по полю въ разнообразномъ цвѣтномъ своемъ одѣяніи, на-

---

[141]) Василій Петровичъ Орловъ, атаманъ войска Донскаго, былъ женатъ на дочери наказнаго же атамана Донскаго, графа Ѳедора Петровича Денисова. У нихъ былъ сынъ Василій Васильевичъ Орловъ, къ фамиліи котораго присоединены въ 1801 году имя Денисова и графскій титулъ. *М. Л.*

[142]) Пушкинъ въ стихотвореніи *Делибашъ*: «Делибашъ, не суйся къ лавѣ, пожалѣй свое житье». *П. Б.*

ѣздники подъѣзжали къ казакамъ и стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ, наконецъ собравшись въ одну толпу, бросились съ обыкновеннымъ ихъ крикомъ *алла*, при приближеніи которой, атаманъ, приподнявшись на стременахъ, снялъ шапку, перекрестился, что̀ и всѣ казаки сдѣлали. Они встрѣтили непріятеля на дротикахъ и гикнули съ такимъ стремленіемъ, что обратили его въ бѣгство; крикъ смѣшавшихся казаковъ и Турокъ произвелъ ужасную гармонію. Кіевскій карабинерный полкъ посланъ генералъ-поручикомъ княземъ Г. С. Волконскимъ для подкрѣпленія казаковъ. Вдругъ убитые Турки раздѣты были донага, и у насъ въ пѣхотномъ авангардѣ сдѣлалась ярмарка: оружіе разнаго рода, конскіе богатые уборы и лошади продавались за ничто. Казаки гнали Турокъ версты три. Кіевскій полкъ, подъ командою секундъ-майора Гельвига, за отсутствіемъ полковника и прочихъ старшихъ штабъ-офицеровъ, проскакавъ мимо казаковъ и оставя ихъ за собою, поражалъ непріятелей, не доѣзжая версты за двѣ до ихъ лагеря. Турки, увидя, что гналъ ихъ одинъ только карабинерный полкъ, остановились, и въ свою очередь атаковали нашихъ; храбрый секундъ-майоръ Гельвигъ, видя, что казаки далеко отъ него отстали, принужденъ былъ ретироваться, по временамъ останавливаясь, когда Турки сильно на него напирали, и такимъ образомъ соединился съ казаками съ небольшою потерею. Турки отступили въ свой лагерь, и нашей авангардной конницѣ тоже приказано отступить. Еслибы вслѣдъ сей нашей кавалеріи весь корпусъ двинулся, то вся бы артиллерія, весь лагерь достались бы намъ, и корпусъ непріятельскій вовсе былъ бы уничтоженъ. Но князь Репнинъ, человѣкъ надъ-мѣру осторожный, думалъ, что войска утомились, тогда какъ всѣ жадничали сраженія и одушевлены были духомъ храбрости, безотлучной у русскихъ воиновъ. Поле укрыто было убитыми Турками, которыхъ, конечно, было болѣе тысячи, а князь Репнинъ по-

казалъ въ реляціи только пятьсотъ. Секундъ-майоръ Гельвигъ, узнавъ, что въ донесеніи свѣтлѣйшему князю сказано: «Что Кіевскій полкъ только подкрѣплялъ казаковъ», сказалъ князю Репнину: «Ваше сіятельство, вы не отдали должной справедливости Кіевскому полку, ибо я гналъ непріятеля до самаго его лагеря, а казаки отъ меня отстали около четырехъ верстъ, въ чемъ они сами сознаются, и подвигъ мой былъ въ виду всего авангарда». Князь съ досадою выговаривалъ ему за дерзость и сказалъ, что онъ хотѣлъ было представить его къ повышенію чиномъ. Гельвигъ отвѣчалъ, что не себя считалъ обиженнымъ, но полкъ, и увѣренъ, что главнокомандующій не откажетъ сдѣлать дѣло сіе гласнымъ въ арміи; что касается до него, то онъ при отставкѣ безъ всякой рекомендаціи получитъ чинъ [143]).

Корпусъ оставался въ тотъ день на занятой имъ позиціи. Въ 10 часовъ вечера мы слушали еще обыкновенные турецкіе сигналы, три пушечные выстрѣла; но то было только для нашего усыпленія, а Турки съ самаго вечера отступили поспѣшно къ Измаилу.

Сдѣлана была диспозиція атаковать непріятеля на разсвѣтѣ, но уже и слѣдъ его простылъ; послана была кавалерія для преслѣдованія, и отнято было нѣсколько обозовъ.

Въ два марша достигли мы Лимана въ двѣнадцати верстахъ отъ Измаила. Князь Репнинъ думалъ, что крѣпость была въ такомъ положеніи, какъ въ прошлую войну, и хотѣлъ взять оную штурмомъ; но увидѣлъ, что Измаилъ былъ уже чрезвычайно укрѣпленъ по правиламъ новѣйшей фортификаціи съ каменною одеждою, почему безъ формальной осады штурмовать его невозможно; однакожь мечталъ, что устрашенный Гассанъ-Паша сдастся, какъ скоро мы

---

[143]) За сіе дѣло Гельвигъ получилъ орденъ св. Георгія 4 класса по представленію свѣтлѣйшаго князя.

къ Измаилу подступимъ. На другой день по утру подошли мы къ крѣпости и канонировали до трехъ часовъ пополудни, въ такомъ разстояніи, что наши полевыя орудія не могли сдѣлать ни малѣйшаго вреда; выпустили до двухъ тысячъ ядеръ и гранатъ, на что и намъ изъ крѣпости безвредно отвѣчали. Послѣ чего мы отступили сорокъ верстъ назадъ, съ такою поспѣшностію, какъ будто непріятель насъ гналъ превосходными силами.

Свѣтлѣйшій князь такъ былъ недоволенъ сею экспедиціею, что князя Репнина послалъ командовать въ Очаковъ. При Фальчѣ[144]) оставленъ былъ корпусъ подъ командою генералъ-поручика Михельсона изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи, одного полка Донскихъ козаковъ и десяти орудій артиллеріи. Прочія войска пошли присоединиться къ главному корпусу подъ Бендеры.

Въ то время, какъ мы дѣлали сію пустую экспедицію, Суворовъ однимъ переходомъ соединился съ принцемъ Кобургскимъ и принудилъ его тотчасъ идти атаковать визиря съ своимъ корпусомъ, и стать въ авангардѣ. Корпусъ принца Кобургскаго былъ около 15.000, Суворова около 6.000, а непріятеля полагали въ 80.000. Подъ Рымникомъ союзники одержали совершенную побѣду; непріятель потерялъ много убитыми, а еще болѣе утонувшими въ рѣкѣ Рымникѣ, также и плѣнными; взята вся артиллерія и лагерь. За сію славную побѣду Суворовъ былъ пожалованъ графомъ Рымникскимъ.

Въ теченіи сей кампаніи, взята крѣпость Аккерманъ на устьѣ Днѣстра, а въ исходѣ оной Бендеры сдались на капитуляцію.

Войска вступили въ зимовыя квартиры; главная квартира расположилась въ Яссахъ, корпусъ графа А. В. Суворова-Рымникскаго въ Фокшанахъ, корпусъ Михельсона въ городѣ Фальчѣ и окружности онаго.

---

[144]) Днѣпровскій полкъ поступилъ въ сей корпусъ.

Главная квартира пышностію отличалась противъ бывшей подъ командою графа Петра Александровича. Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ. Изъ числа знатнѣйшихъ были: П. А. Потемкина [145]), которой его свѣтлость великое оказывалъ вниманіе, гр. Самойлова [146]), кн. Долгорукая [147]), гр. Головина [148]), кн. Гагарина [149]); польскаго генерала жена, славившаяся красотою де-Витъ, потомъ бывшая замужемъ за графомъ Потоцкимъ [150]). Безпрестанно были праздники, балы, театръ, балеты. Хоръ музыки инструментальной, роговой и вокальной былъ до трехсотъ человѣкъ; извѣстный сочинитель музыки г. Сарти всегда былъ при князѣ. Онъ положилъ на музыку побѣдную пѣснь: *Тебе Бога хвалимъ*, и къ оной музыкѣ прилажена была батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ; когда же пѣли: «святъ! святъ!», тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная пальба.

---

[145]) Прасковья Андреевна, супруга Павла Сергѣевича, рожденная Закревская. *М. Л.*

[146]) Супруга племянника князя Потемкина. *М. Л.*

[147]) Княгиня Екатерина Ѳедоровна, рожденная Барятинская. *М. Л.*

[148]) Если не ошибаемся, здѣсь говорится о графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, рожденной княжнѣ Голицыной, супругѣ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина, которому принадлежало славное имѣніе Воротынецъ, разыгранное послѣ его смерти въ лотерею въ 1823 году. *М. Л.* [redacted]

[149]) Княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая, жена генералъ-майора князя Ѳедора Сергѣевича. Она родилась 1762 г., ум. 1848; она вышла замужъ по смерти перваго мужа за Петра Александровича Кологривова. Извѣстный нашъ писатель князь Петръ Андреевичъ Вяземскій женатъ на ея дочери, кн. Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. *М. Л.*

[150]) Графъ Феликсъ Францовичъ Потоцкій, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1805 г. Эта вторая жена его носила имя Софіи и была Гречанка. *М. Л.*

Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона, который онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ козаковъ. Въ самое то время, когда онъ такъ щегольски одѣвался и такъ нарядомъ своимъ занимался, приказалъ сдѣлать себѣ и мундиръ изъ солдатскаго сукна, дабы своимъ примѣромъ подать недостаточнымъ офицерамъ средства не издерживать изъ малаго своего жалованья на покупку тонкаго сукна, которое за отдаленіемъ торгующихъ купцовъ онымъ товаромъ было дорого. Почему въ угожденіе его всѣ генералы сдѣлали таковые мундиры. И такъ, хотя приказа и не было, но почти всѣ штабъ- и оберъ-офицеры съ удовольствіемъ во всю войну одѣвались въ куртки толстаго сукна какъ солдаты; но однакожь не запрещалось по желанію носить мундиры изъ тонкаго сукна.

По прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Яссы, одинъ разъ онъ только былъ у фельдмаршала графа Румянцова въ Жижѣ и изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего В. В. Энгельгардта, съ привѣтствіемъ. Остальные генералы изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число. Одинъ только графъ Алекс. Вас. Суворовъ оказывалъ ему уваженіе; послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылая курьера съ донесеніемъ главнокомандующему, особеннаго курьера посылалъ съ донесеніемъ и къ престарѣлому фельдмаршалу, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей.

Въ теченіе зимы Бендерская крѣпость взорвана.

1790. Въ 1790 году императоръ Іосифъ II умеръ; императоръ Леопольдъ [151]), вступая на престолъ, заключилъ миръ,

---

[151]) Императоръ Леопольдъ II, братъ Іосифа II, род. 5 мая 1747 г.; съ 1765 былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, а императоромъ римскимъ съ 1790 года. Въ августѣ 1790 года онъ заключилъ съ Турками перемиріе, а черезъ годъ миръ въ Чистовѣ. Онъ умеръ 1 марта 1792 года. *М. Л.*

для Австріи вовсе невыгодный. Французская революція тогда была въ самой ужасной анархіи.

Шведскій флотъ, на которомъ былъ самъ король, и который состоялъ въ 26 корабляхъ и фрегатахъ, атаковалъ ревельскій нашъ флотъ, въ которомъ не болѣе было десяти кораблей при самомъ ревельскомъ рейдѣ, подъ командою адмирала Чичагова [152]); онъ не только былъ отраженъ, но потерялъ одинъ фрегатъ. Оставя оный, король пошелъ противъ Кронштадта, подъ командою адмирала Крузе [153]), имѣлъ большую поверхность, но когда оба наши флота соединились, то шведскій флотъ и съ гребною флотиліею загнанъ былъ между островов и былъ въ такомъ положеніи, что ожидали, или что флотъ долженъ былъ сдаться, или быть сожженъ. Въ такомъ положеніи онъ былъ болѣе двухъ недѣль; наконецъ вѣтеръ сильный ему поблагопріятствовалъ; пустивъ передъ собою брандеръ, онъ открылъ себѣ выходъ, но хотя онъ и вышелъ, но собственный его брандеръ сжегъ у него два корабля, и отъ нашего флота повреждено еще два; множество изъ гребнаго его флота потеряно судовъ и людей. За тѣмъ принцъ Нассау съ нашею флотиліею одержалъ большую побѣду надъ флотиліею шведскою. Сухопутная наша армія дѣйствовала неудачно, почему отъ командованія арміею въ Финляндіи генералъ Пушкинъ отозванъ, а вмѣсто его поручено главное начальство генералу барону Игельстрому.

Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генералъ Кречетниковъ [154]), управлявшій тогда малороссійскими губерніями,

---

[152]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, адмиралъ, род. 28 октября 1726, ум. 4 апрѣля 1809. Сынъ его Василій Васильевичъ былъ морскимъ министромъ. *М. Л.*

[153]) Александръ Ивановичъ Крузе, адмиралъ, род. 26 октября 1727, ум. 5 мая 1798. Онъ особенно отличился въ Чесменской битвѣ. *М. Л.*

[154]) Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, генералъ-аншефъ, ум. 9 мая 1793 г. *М. Л.*

услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ къ свѣтлѣйшему князю прислалъ Кречетниковъ курьера. Не только во всей арміи стрѣляли викторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Чрезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ о томъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, что долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скоро-поспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь В. В. Долгоруковъ, сидѣвшій подлѣ самого князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Д. за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ: «Какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма Очаковскаго струсилъ»? Ставши изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ бывшимъ и сказалъ: «Pardon, messieurs, je me suis oublié; je connois ma nation et je l'ai traité comme il mérite» [155]). Сіе случилось въ Яссахъ при самомъ отбытіи въ Бендеры.

Въ половинѣ іюля свѣтлѣйшій князь перенесъ главную свою квартиру въ Бендеры, гдѣ собрано было большое число войскъ [156]). Графъ Суворовъ занималъ Фокшаны; генералъ-поручикъ Потемкинъ получилъ въ командованіе корпусъ, состоявшій при Фальчѣ, который значительно былъ усиленъ.

Во время сихъ происшествій фаворитъ Мамоновъ женился [157]),

---

[155]) Т. е.: Извините, господа, я забылся; я знаю нашъ народъ, и съ нимъ обошелся такъ какъ онъ заслуживаетъ.

[156]) Днѣпровскій полкъ поступилъ въ сіе число.

[157]) На фрейлинѣ, княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатавой, род. 1762, ум. 1807 года. *М. Л.*

а его мѣсто занялъ П. А. Зубовъ [158]), который потомъ пожалованъ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ, а братья его графами. По кончинѣ князя Г. А. Потемкина, былъ онъ столько же, какъ онъ, силенъ, не имѣвъ его генія.

Въ исходѣ сентября посланъ былъ большой корпусъ подъ командою артиллеріи генералъ-аншефа И. И. Меллера-Закомельскаго [159]) къ Киліи. Какъ Днѣпровскій полкъ получилъ въ укомплектованіе рекрутъ, заразившихся кровавымъ поносомъ, а потому въ походъ идти былъ не въ состояніи, то перешелъ я во вновь сформированный изъ Санкпетербургскаго полка Свято-Николаевскій полкъ, поступившій въ корпусъ генерала Меллера.

Корпусъ, не доходя упомянутой крѣпости верстъ за десять, имѣлъ роздыхъ. Въ ночь командированъ былъ генералъ-поручикъ Самойловъ [160]) для занятія ретраншамента, около сей крѣпости расположеннаго. Самойловъ раздѣлилъ свои войска на три колонны: правою колонною командовалъ бригадиръ (конно-гренадерскаго полка, чтó былъ Малороссійскій гренадерскій, но еще не снабженный лошадьми) Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Среднюю колонну велъ самъ Самойловъ. Лѣвою командовалъ храбрый генералъ-майоръ Мекнобъ. Передъ выступленіемъ, Самойловъ созвалъ колонныхъ командировъ и полковниковъ и объявилъ имъ, что какъ по вѣрнымъ извѣстіямъ весь гарнизонъ и съ жителями въ Киліи не болѣе былъ пяти тысячъ Турокъ, то ежели они выгнаны будутъ изъ ретраншамента, нужно стараться на плечахъ Турокъ войдти въ крѣпость; это

---

[158]) Свѣтлѣйшій князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, род. 1767 г., ум. 1820 года. *М. Л.*

[159]) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ отъ артиллеріи, ум. 10 октября 1790 года.

[160]) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, въ послѣдствіи генералъ-прокуроръ, былъ по своей матери роднымъ племянникомъ князя Потемкина. *М. Л.*

легко могло бы быть, еслибы Турки и занимали ретраншаментъ.

Всѣ, будучи заняты таковою мыслію и таковымъ предпріятіемъ, шли съ рѣшительною бодростію. Ночь была самая темная; къ несчастію, ретраншаментъ былъ очень обширенъ для малочисленнаго гарнизона, а потому какъ оный, такъ и форштатъ Турками были оставлены.

Средняя колонна прежде другихъ дошла къ ретраншаменту, и какъ Самойловъ не нашелъ тутъ непріятеля, то и приказалъ войску, голову колонны составлявшему, закричать: «ура»! Прочіе, бывшіе въ хвостѣ, принявъ сигналъ «ура», думали, что непріятель побѣжалъ, опрокинули голову колонны и бросились къ крѣпости, не слушая ни генерала, ни прочихъ своихъ командировъ. Правая колонна, услыша «ура» средней, бросилась также къ крѣпости. Лѣвая колонна одна удержала порядокъ, заняла ретраншаментъ и расположилась въ ономъ.

Килія построена на клинѣ Дуная, и сія великая рѣка какъ бы составляла ея фланги, которые прикрыты были по обѣимъ сторонамъ флотиліею. Наше войско, бывшее въ разстройствѣ, встрѣчено было изъ крѣпости пушечными картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ, а съ флотиліи ядрами. Въ такомъ несчастномъ отпорѣ, претерпѣвая сильныя пораженія, бросились наши войска къ лѣвой части ретраншамента, занятаго колонною генералъ-майора Мекноба, которая приняла своихъ за Турокъ и открыла по нимъ ружейный огонь. Тогда безпорядокъ сдѣлался общій; солдаты вышли изъ повиновенія, разбрелись по форштату, бывшему между крѣпостью и ретраншаментомъ, предались всякимъ неистовствамъ, перекололи всѣхъ Армянъ и Грековъ и ворвались въ армянскій монастырь, истребляя и опустошая все, чтó ни попадалось.

Между тѣмъ весь корпусъ подошелъ и занялъ лагерь верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости.

Командующій генералъ съ прочими генералами взошли на случившійся передъ лагеремъ курганъ, вѣтеръ былъ ужасно сильный со стороны лагеря; ни одного выстрѣла не было слышно, но мельканія огня на подобіе фейерверка представляли видъ удивительный. Генералъ безпрестанно посылалъ къ Самойлову узнать о причинѣ видѣннаго, но Самойловъ, думая привести въ порядокъ войска, посланныхъ удерживалъ при себѣ. Наконецъ начало свѣтать; полковникъ принцъ Филипштальскій [161]) прибылъ отъ Самойлова съ донесеніемъ о случившемся и о томъ, что онъ не можетъ привести въ порядокъ разстроенныя войска.

Иванъ Ивановичъ Меллеръ отправился самъ, приказавъ нарядить свѣжія войска. Когда онъ прибылъ въ форштатъ, встрѣтили его солдаты въ разбродѣ: «Батюшка, вели поставить пушки, выломить ворота, мы тотчасъ крѣпостію овладѣемъ».—«Хорошо ребята, говорилъ онъ, подите назадъ въ ретраншаментъ, а то вы мѣшаете стрѣлять изъ пушекъ». И такъ мало-по-малу войска приходили въ должное повиновеніе; но лишь только генералъ показался на площадь противъ крѣпости, какъ роковая пуля попала ему въ звѣзду и прошла на вылетъ наискось черезъ весь его корпусъ; отнесли его въ лагерь, гдѣ чрезъ нѣсколько часовъ онъ и умеръ.

Новыя войска заняли ретраншаментъ, а прежнія выведены въ лагерь. Много было убито и ранено офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито слишкомъ пятьсотъ человѣкъ, а ранено еще болѣе; въ числѣ раненыхъ былъ бригадиръ Шереметевъ легко въ ногу, однакожь во все время осады Киліи не могъ служить. Начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ-поручикъ И. В. Гудовичъ [162]).

---

[161]) Тотъ самый, который столь славно защищалъ крѣпость Гаэту въ Неаполитанскомъ королевствѣ отъ Французовъ.

[162]) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, фельдмаршалъ и главно-

На другой день занятъ былъ отчасти выжженный форштатъ, гдѣ во время канонады укрывались отъ ядеръ. Сдѣланы были батареи, одна для отдаленія флотиліи отъ крѣпости, а другая противъ самой крѣпости и кегель-батарея. Канонады были ужасно сильныя съ крѣпости и съ обѣихъ флотилій, такъ что, признаюсь, съ первой мною вытерплѣнной канонадой, я только и думалъ, какъ бы сказаться больнымъ, а послѣ выйдти въ отставку. Однако стыдно было показать себя трусомъ: я рѣшился продолжать ходить въ форштатъ, но объ отставкѣ все еще не отлагалъ намѣренія; въ третью канонаду уже и то отдумалъ, и такъ привыкъ къ свисту ядеръ и бомбъ, какъ бы бывалъ на простомъ артиллерійскомъ ученьи. Ко всему можно привыкнуть, и храбрость также опытомъ пріобрѣтается, какъ и всѣ другія добродѣтели.

Чрезъ шесть дней сдѣлана была брешъ-батарея въ 60 саженяхъ отъ крѣпости, на которой поставлено было десять 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, два картаульные единорога, пять мортиръ разныхъ калибровъ и 48 кугорновыхъ. Для открытія сей батареи ожидали прибытія свѣтлѣйшаго князя, но чрезъ пять дней, какъ онъ отказался самъ быть, произведена была изъ оной пальба залпами. Командовалъ оною батареею артиллеріи-капитанъ Секеринъ. Въ двое сутокъ брешъ была сдѣлана; цѣлая башня до фундамента была опровергнута; паденіемъ оной ровъ совершенно былъ засыпанъ; уже назначенъ былъ штурмъ, какъ въ ту же ночь Турки выслали парламентера, и крѣпость сдалась на капитуляцію. Гарнизону позволено на своей флотиліи отбыть къ Измаилу, также и всѣмъ жителямъ Туркамъ съ ихъ женами, семействами и имуществомъ, но всѣхъ невольни-

---

командующій въ Москвѣ (1809—1812), род. 1741, ум. 1820 г.: сынъ его графъ Андрей Ивановичъ оберъ-егермейстеръ, столь извѣстный Москвѣ, ум. 1867 г. *М. Л.*

ковъ-христіянъ должны они были оставить. Поутру четыре батальона вступили въ крѣпость; комендантомъ сдѣланъ былъ генералъ-майоръ Мекнобъ; и такъ, чрезъ двѣ недѣли отъ несчастнаго занятія ретраншамента, Килія взята 18 октября. По занятіи ея, наша Черноморская флотилія прибыла съ Запорожцами [163]); ею командовалъ походный войсковой кошевой Головатый, котораго Запорожцы не любили за то, что онъ зналъ грамотѣ и называли его *письменнымъ*.

По занятіи Киліи, полкамъ: Екатеринославскому, котораго свѣтлѣйшій князь былъ шефомъ, конно-гренадерскому и

---

[163]) Запорожскіе казаки именовались такъ потому, что жили за Днѣпровскими порогами. Съ давнихъ временъ они зависѣли отъ малороссійскихъ гетмановъ, но по отдаленности часто передавались въ покровительство Польши, иногда крымскимъ Татарамъ, а иногда Туркамъ. Во время измѣны Мазепы съ нимъ многіе ушли въ Турцію. Въ послѣднее время они принадлежали Россіи. Сѣчь ихъ была при устьѣ Самары, впадающей въ Днѣпръ. Сѣчь происходитъ отъ слова *засѣка*, ибо они всегда оною укрѣплялись. Всякой націи люди и всякаго званія ими принимались; управлялись они своимъ кошевымъ (отъ слова кошъ), письменныхъ законовъ они не имѣли, но по преданію порядокъ учрежденный твердо хранили; подобно мальтійскимъ кавалерамъ, всѣ были холосты; хотя многіе изъ нихъ были женаты, но жены ихъ были въ отдаленіи отъ Сѣчи, и не смѣли ихъ туда привозить; сіи поселенія внѣ Сѣчи назывались зимовьемъ. Вѣра ихъ была Греко-Россійская. Церкви ихъ были богато украшены; жили они промысломъ рыбнымъ, а болѣе грабежомъ въ Польской Украйнѣ, а потому изъ польскихъ господъ въ томъ краю мало живали. Но когда послѣ турецкой войны 1773 года Днѣпръ до самаго устья сталъ принадлежать Россіи, то Сѣчь уничтожена. Запорожцы употреблялись на службу наравнѣ съ малороссійскими казаками, но ихъ флотиліи много сдѣлали пользы, а сухопутные Запорожцы были самое худое войско, безъ малѣйшей дисциплины. Императрица пожаловала имъ по окончаніи сей войны на Черномъ морѣ островъ Тамань; названы они уже Черноморскими казаками и причислены къ Таврической области, но управляются своимъ кошевымъ, состоя подъ вѣдомствомъ военнаго министерства. Главный городъ назвали они Екатеринодаромъ.

Свято-Николаевскому съ осадною артиллеріею, велѣно было идти къ Бендерамъ, а прочимъ войскамъ къ Измаилу, подъ начальство графа Суворова, шедшаго къ оному съ большимъ корпусомъ [164]).

Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія кн. Е. Ѳ. Долгорукой. Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противу Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что̀ только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы, особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки: Екатеринославскій и конно-гренадерскій, имѣя ружья, заряженныя холостыми патронами, и въ сумахъ по 40 патроновъ на каждаго человѣка; близь онаго карея поставлена была батарея изо ста пу-

---

[164]) Туда же свѣтлѣйшій князь отправилъ трехъ гвардіи офицеровъ Ч., Ц., Т., присланныхъ императрицею въ армію, чтобъ они заслужили и омыли своею кровію оказанную ими трусость во время сраженія нашей флотиліи противъ Шведовъ подъ начальствомъ принца Нассау. Они, командуя однимъ судномъ, въ самое жаркое сраженіе вышли на островъ; а сержантъ гвардіи Руничъ, бывшій наономъ, оказалъ большую храбрость. Принцъ Нассау, замѣтя оное, спросилъ: кто начальникъ сего судна, и не мало удивился, что то былъ сержантъ. Спросилъ: гдѣ же офицеры? и когда узналъ о ихъ подломъ поступкѣ, донесъ государынѣ. Послѣ штурма они всѣ трое получили георгіевскіе кресты. *Л. Э.*

Въ Запискахъ Храповицкаго, подъ 22-мъ числомъ августа 1789 г. читаемъ: «Терскій несчастный отецъ! одинъ сынъ убитъ, другой.... будетъ наказанъ за то, что оставя команду, ушелъ съ галеры Пусталчи. Преображенскіе капитанъ Чертковъ съ прапорщикомъ Терскимъ и подпоручикомъ Цезырскимъ ушли на берегъ при началѣ сраженія. Трое сержантовъ: Тюнинъ, Руничъ и кн. Елымовъ командовали галерою во время сраженія. Они пожалованы гвардіи въ поручики». Терскій былъ генералъ-рекетмейстеромъ при государынѣ. *П. Б.*

шекъ; обоихъ полковъ барабанщики собраны были къ землянкѣ. Однажды, князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому, какъ полками, такъ и изъ батареи произведенъ былъ батальный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ. Однажды княгиня сказала, что любитъ цыганскую пляску. Князь Григорій Александровичъ узналъ, что бывшіе въ конно-гвардіи вахмистры два брата Кузмины, выпущенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ за ними послать, и когда ихъ привезли, одѣли одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ сдѣланъ былъ для княгини сюпризъ, и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузминыхъ: я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ [165]).

---

[165]) Много таковаго своенравнаго его обычая случалось въ его жизни: такъ напримѣръ, бывши въ Петербургѣ, узналъ онъ, что въ Херсонѣ какой-то чиновникъ хорошо передразнивалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ; тотчасъ отправилъ онъ за нимъ курьера; какъ скоро тотъ пріѣхалъ, то и приказалъ ему передразнивать всѣхъ, кого онъ умѣлъ, потомъ и самого себя. Его свѣтлость, позабавившись таковымъ дарованіемъ, приказалъ ему отправиться въ свое мѣсто. Бывши подъ Очаковымъ, услышалъ онъ, что нѣкто г. Спечинскій, жившій въ Москвѣ въ отставкѣ, знаетъ наизусть всѣ святцы, то-есть какого святаго каждаго мѣсяца и числа. Тотчасъ онъ послалъ за нимъ; тотъ, получивши отъ свѣтлѣйшаго князя приглашеніе, думалъ, что какъ безъ Ахиллеса не могла взята быть Троя, такъ и безъ него не можетъ быть взятъ Очаковъ. Съ восторгомъ принялъ онъ тотъ зовъ, и при отъѣздѣ изъ Москвы обѣщалъ многимъ свою протекцію и разныя милости. Когда онъ явился къ его свѣтлости, то князь его спросилъ: правда ли, что вы знаете наизусть всѣ святцы? И по утвердительномъ отвѣтѣ спросилъ: 13 января какого святаго? Тотъ ему отвѣчалъ. Князь справился съ святцами. А 10 февраля? Потомъ спро-

Въ то время, когда въ Бендерахъ занимались разными праздниками и веселостями, графъ Суворовъ атаковалъ Измаилъ, требовалъ сдачи, а по отказѣ на третій день взялъ его штурмомъ [166]). Крѣпость важная обороняема была тридцати-тысячнымъ гарнизономъ; русскихъ же воиновъ, конечно, было менѣе сего числа. Съ нашей стороны потеря была велика: убитыхъ было около 10,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ генералъ-майоръ Мекнобъ, много штабъ- и оберъ-офицеровъ. При штурмѣ отличилъ себя Полоцкаго полка священникъ; подполковникъ Яцунскій, командиръ сего полка, былъ убитъ, полкъ побѣжалъ; тогда

силъ по одному числу въ каждомъ мѣсяцѣ. «Какая счастливая у васъ память! Благодарю, что вы потрудились пріѣхать; можете отправиться въ Москву, когда вамъ угодно».

Въ бытность мою у него адъютантомъ, въ одинъ день спросилъ онъ кофею; изъ бывшихъ тутъ одинъ вышелъ приказать; вскорѣ спросилъ опять кофею, и еще одинъ поспѣшилъ выйдти приказать о томъ; наконецъ безпрестанно просилъ кофею; почти всѣ по одному спѣшили приказать по его нетерпѣливому желанію; но какъ скоро принесли кофей, то князь сказалъ: «Не надобно, я только хотѣлъ чего-нибудь ожидать, но и тутъ лишили меня сего удовольствія».

Въ одинъ день князь сѣлъ за ужинъ, былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ и шутилъ безпрестанно, но къ концу ужина сталъ задумываться, началъ грызть ногти, что̀ всегда было знакомъ неудовольствія, и наконецъ сказалъ: «Можетъ ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ—имѣю, орденовъ—имѣю; любилъ играть—проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники—давалъ великолѣпные; любилъ покупать имѣнія—имѣю; любилъ строить дома—построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что ни одинъ частный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись». Съ симъ словомъ ударилъ фарфоровою тарелкою объ полъ, разбилъ ее въ дребезги, ушелъ въ спальню и заперся. Если записывать всѣ его таковыя странности, то можно бы наполнить огромный томъ.

[166]) Измаилъ взятъ 11 декабря 1790 года. *М. Л.*

тотъ попъ съ крестомъ въ рукахъ закричалъ: «Стой, ребята! Вотъ вашъ командиръ» (указывая на крестъ), и самъ бросился передъ полкомъ къ крѣпости; полкъ пошелъ за нимъ, и священникъ, изъ числа первыхъ, взошелъ на стѣну, за что́ награжденъ былъ наперстнымъ золотымъ крестомъ на георгіевской лентѣ. Комендантомъ Измаила сдѣланъ былъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, пожалованъ былъ генералъ-поручикомъ, и поручены были ему всѣ войска, занимавшія мѣстность отъ Киліи до Берлата. Графъ А. В. Суворовъ отправился въ Петербургъ, по желанію императрицы видѣть сего героя.

По взятіи Измаила, войска введены были въ зимовыя квартиры уже 23 декабря. Время было прекрасное. Слѣдуя съ полкомъ въ Ботушаны 24-го, при захожденіи солнца, сидѣлъ я па дворѣ въ одномъ мундирѣ, распахнувши камзолъ.

Подъ исходъ кампаніи, принцъ Нассау былъ разбитъ шведскою флотиліею; на сухомъ пути тоже не было удачи, и, къ общему сожалѣнію, былъ убитъ отличныхъ дарованій генералъ-поручикъ принцъ Ангальтъ-Бернбургъ, родственникъ императрицы. Въ теченіи зимы со Шведами заключенъ миръ; обѣ воюющія державы остались въ границахъ своихъ государствъ въ такомъ положеніи, въ какомъ были до начатія войны.

Въ началѣ кампаніи, кавказскій корпусъ, подъ командою генералъ-поручика Бибикова [167]), безъ повелѣнія и не имѣя побудительной причины, сдѣлалъ экспедицію подъ Анапу и съ большимъ урономъ возвратился. Начальство отъ Бибикова отнято, а корпусъ порученъ генералъ-майору Герману [168]), который разбилъ Баталъ-пашу, вредившаго намъ,

---

[167]) Юрій Богдановичъ Бибиковъ генералъ-поручикъ. *М. Л.*

[168]) Баронъ Иванъ Ивановичъ Германъ, генералъ отъ инфантеріи. Онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Французами въ Голландіи въ 1799 году. *М. Л.*

склоняя Черкесъ къ нападенію на наши границы. Послѣ взятія Киліи, посланъ туда главнымъ командиромъ И. В. Гудовичъ.

1791. Въ наступившій 1791 годъ, въ исходѣ января, его свѣтлость отправился въ С.-Петербургъ, поруча армію за отсутствіемъ своимъ князю Николаю Васильевичу Репнину.

Въ началѣ весны дѣланы были двѣ экспедиціи за Дунай: генералъ-поручикъ М. Л. Кутузовъ подъ Исакчу и Бабадай, а генералъ-поручикъ князь С. Ѳ. Голицынъ [169]) подъ Мачинъ; оба возвратились, имѣвъ всюду поверхность надъ непріятелемъ.

Командующій арміею князь Репнинъ стянулъ всѣ войска къ Дунаю и расположилъ въ лагеряхъ по Серету. Главный корпусъ стоялъ при Галацѣ; отъ онаго въ 10 верстахъ корпусъ князя Голицына; отъ онаго большой отрядъ генералъ-майора Милашевича, тоже въ 10 верстахъ; отъ онаго въ такомъ же разстояніи при Сербаняштяхъ корпусъ генералъ-поручика князя Г. С. Волконскаго.

Визирь собралъ большую армію и расположился въ крѣпкой позиціи и укрѣпленномъ лагерѣ при Мачинѣ.

Князь Репнинъ рѣшился атаковать его; въ ночь 23 іюня, главный корпусъ сталъ переправляться чрезъ Дунай, не снимая лагеря и оставя въ ономъ всѣ тягости; по переправѣ главнаго корпуса, переправился корпусъ князя Голицына, потомъ отрядъ Милашевича, а 26-го корпусъ князя Волконскаго. Переправа всегда была дѣлана ночью на флотиліи, которою начальствовалъ генералъ-майоръ О. М. де-Рибасъ [170]).

---

[169]) Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицинъ, ген. отъ инфантеріи, род. 20 августа 1748, ум. 20 января 1810. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина. Къ ней написана Державинымъ знаменитая ода: *Осень во время осады Очакова. М. Л.*

[170]) Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, адмиралъ, ум. 1800 г. Онъ поступилъ въ русскую службу въ 1772 году, познакомившись тогда

Днемъ за Дунаемъ войска скрывались въ камышахъ, и во все время нашего пребыванія не позволено было имѣть огня, чтобъ оставить Турокъ въ невѣдѣніи о нашей переправѣ. Лагери оставались неснятыми на своихъ мѣстахъ, съ своими тягостями, небольшимъ числомъ офицеровъ и слабыми людьми, которые не могли слѣдовать за арміею; также оставлено было нѣкоторое число барабанщиковъ и въ каждомъ лагерѣ по одной пушкѣ для выстрѣловъ къ вечерней зорѣ.

Переправившаяся армія состояла изъ 33,000 человѣкъ, кромѣ иррегулярныхъ войскъ, съ шести-дневнымъ провіянтомъ; таковаго числа войскъ вмѣстѣ, во время турецкой войны, никогда не бывало.

27 числа, генералъ-квартермистръ лейтенантъ Медеръ, съ легкими войсками посыланъ былъ рекогносцировать непріятельскій лагерь. По открытіи имъ непріятельской позиціи, положено было атаковать турецкую армію слѣдующею диспозиціею. Того же дня, въ 7 часовъ по-полудни, генералъ-поручику Кутузову съ 13,000, составлявшими лѣвый флангъ, должно было выступить и обойдти цѣпь горъ, простирающихся верстъ на пять параллельно по Дунаю и примыкающихъ къ непріятельскому лагерю съ лѣвой его стороны. Въ 9 часовъ приказано было выступить двумя колоннами: правая колонна, подъ командою генерала князя С. Ѳ. Голицына, должна была идти близь Дуная; средняя колонна, подъ командою генералъ-поручика князя Волконскаго, взять лѣвѣе. Слѣдовало выдти на равнину обѣимъ колоннамъ между Дунаемъ и сказанною цѣпью горъ и выстроиться въ двѣ линіи кареями, но не прежде показаться изъ-за камышей, какъ когда уже корпусъ Кутузова покажется на горѣ и на флангѣ турецкаго лагеря.

Ночь была чрезвычайно темная, чтó способствовало на-

съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ Ливорно. Рибасъ покорилъ городъ Хаджибей и построилъ на его мѣстѣ Одессу. *М. Л.*

шему скрытному маршу; разстояніе отъ переправы до Мачина было около 30 верстъ [171]).

Только лишь начало разсвѣтать, мы приблизились къ мѣсту, гдѣ оканчивается цѣпь горъ, при подошвѣ которой протекаетъ болотистая рѣчка, впадающая въ Дунай; брошены были по оной портативные мосты, по которымъ безпрепятственно переправились. Камыши этой рѣчки такъ часты и высоки, что человѣкъ человѣка едва могъ видѣть.

Корпусъ князя Голицына едва показался изъ камышей, какъ былъ атакованъ большимъ числомъ янычаръ, съ ихъ обыкновеннымъ страшнымъ крикомъ: *алла! алла!* Во время открытою картечною пальбою были они отражены; тогда они бросились на гору и заняли оную, такъ что мы отъ корпуса Кутузова были отдѣлены, а онъ на горахъ не показывался. Нашъ корпусъ выстроился версты за три отъ непріятельскаго лагеря, откуда изъ большихъ орудій стрѣляли въ насъ ядрами; съ горы анфилированы были наши войска, а съ правой стороны была турецкая флотилія; въ такомъ непріятномъ положеніи мы были три часа.

За горою слышна была сильная канонада. Князь Репнинъ послалъ своего адъютанта къ Кутузову узнать, что тамъ происходитъ, и для чего онъ не всходитъ на гору? Должно было объѣхать всю эту цѣпь горъ, на что требовалось много времени; а какъ вѣтеръ усилился и дулъ отъ насъ, то казалось, что канонада отдалялась. Князь Репнинъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе что перешелъ Дунай вопреки желанію свѣтлѣйшаго князя, взявъ на свою собственную отвѣтственность. Многіе генералы, зная то, желали сдѣлать ему угодное; одинъ изъ нихъ говорилъ князю, что ежели Кутузовъ принужденъ будетъ отступить и будетъ разбитъ, тогда могутъ отрѣзать насъ отъ нашихъ

---

[171]) Во время нашего марша на флотиліи сдѣланъ былъ мостъ отъ Галаца на островъ Концефану, а отъ онаго на противолежащій берегъ.

мостовъ, и имѣя съ собою провіянта только на три дня, армія будетъ въ худшемъ положеніи, нежели Петръ Великій былъ при Рябой Могилѣ. Уже князь и самъ о томъ помышлялъ; онъ, который былъ всегда болѣе нежели остороженъ.

Наконецъ возвратился посланный отъ Кутузова, который приказалъ сказать, что онъ имѣетъ предъ собою великія силы, препятствующія ему взойдти на гору. Князь хотѣлъ было уже ретироваться, какъ князь Г. С. Волконскій, его зять, уговорилъ его, чтобы намъ самимъ взойдти на гору. Счастливая была минута сего совѣта. Генералъ подъѣхалъ къ Свято-Николаевскому полку, бывшему у самой горы: «Господинъ полковникъ! сказалъ онъ, прикажите своимъ резервамъ атаковать гору». Я подскакалъ и сказалъ: «Ваше сіятельство, удостойте приказать мнѣ сію честь исполнить.» —«Съ Богомъ, другъ мой», сказалъ онъ мнѣ. Тогда я вывелъ изъ каре резервы нашего полка, спѣшился и закричалъ: «Ребята на штыки! ура!» Съ большою храбростію за мной они бросились; вслѣдъ за мною Свято-Николаевскій полкъ, а за нимъ Малороссійскій гренадерскій. Гора очень была крутая, обросшая терновникомъ, однакожь ничто насъ не остановило. Взошедъ на гору, взяли тутъ брошенную непріятелями пушку. Непріятели, увидя, что наши войска были уже на горѣ, взошли всѣ въ свое укрѣпленіе; но артиллерію трудно было взвести. Меня командировали за пушками, и кое-какъ людьми втащилъ я нѣсколько, пока нашли удобное мѣсто взвести батарейную артиллерію. Тогда и Кутузовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ къ намъ присоединился [172]). Учредя батарею, стали стрѣлять въ турецкій

---

[172]) М. Л. Кутузовъ могъ взойдти на гору безъ труда и показалъ ложно, что противъ его большія были силы; даже генералъ квартермистръ Пистеръ, бывшій въ его корпусѣ, при многихъ дерзко его въ томъ уличалъ. Думать надобно, что Кутузовъ зналъ коротко свойство

ретраншаментъ. Къ счастію, гранатою зажженъ былъ большой пороховой на непріятельскихъ батареяхъ магазинъ, котораго взрывъ такъ устрашилъ Турокъ, что они побѣжали: тѣмъ и баталія сія выигрына. Князь Волконскій послалъ меня къ князю Репнину поздравить съ побѣдою.

Мы взяли весь лагерь, сорокъ пушекъ, множество съѣстныхъ припасовъ, даже находили во многихъ мѣстахъ варившееся кушанье и кофей. На другой день принесенъ былъ благодарственный молебенъ на мѣстѣ побѣды, и мы возвратились за Дунай, въ прежніе свои лагери.

Всѣ знакомые мои меня поздравляли, что мнѣ удалось въ виду всей арміи показать готовность къ службѣ, и увѣрены были, что такъ какъ я первый, такъ сказать, способствовалъ къ одержанію побѣды, то и буду отлично награжденъ. По обыкновенію, всѣ ходили въ канцелярію князя Репнина къ управляющему оною подполковнику Панкратьеву [173]) справляться и искать помощію его быть хорошо рекомендовану; я никогда не любилъ таскаться по канцеляріямъ и находить себѣ покровительство отъ управляющихъ оными. Зналъ, что главнокомандующій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, зналъ, что командующій центромъ, рекомендуя своего дежуръ-майора и при немъ находящихся, свидѣтельствовалъ въ справедливомъ представленіи къ награжденію гг. карейныхъ командировъ, и тотъ о мнѣ сказалъ, что́ и какъ я поступалъ; потому я и не хотѣлъ болѣе о семъ заботиться, думая, что ежели мнѣ что слѣдуетъ, то и безъ того получу, а просить о себѣ почиталъ низостью.

князя Репнина, что онъ безъ него по извѣстной его осторожности въ крѣпкой непріятельской позиціи атаковать не осмѣлится, и что вѣроятно сталъ бы ретироваться; тогда Кутузовъ взошелъ бы на гору, ударилъ бы непріятелю во флангъ и одинъ разбилъ бы визиря.

[173]) Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ, тайный совѣтникъ и кіевскій губернаторъ, род. 1757, ум. 19 марта 1810 года. *М. Л.*

По возвращеніи нашемъ за Дунай, прибылъ принцъ Виртембергскій, меньшой братъ тогда бывшей великой княгини Маріи Ѳедоровны; отъ того ли, что спѣшилъ и очень обезпокоился, или отъ того, что не успѣлъ пріѣхать къ баталіи, онъ огорчился, опасно занемогъ и вскорѣ умеръ [174]).

Визирь, узнавши, что мы опять перешли за Дунай, возвратился въ прежній свой лагерь подъ Мачинъ. Турецкая флотилія приблизилась было къ нашей. Де-Рибасъ послалъ къ начальнику оной сказать, чтобъ онъ тотъ же часъ отошелъ назадъ, или онъ его къ тому принудитъ. Паша вмѣсто отвѣта прислалъ къ нему нѣсколько арбузовъ и кусокъ льду. Де-Рибасъ тотчасъ подалъ сигналъ сняться съ якоря, построиться въ боевой порядокъ и выступить. Однакожь паша, не взирая на гордый, затѣйливый отвѣтъ, не дождался приближенія нашей флотиліи и отплылъ къ Браилову. Вскорѣ визирь прислалъ къ князю Репнину, съ предложеніемъ открыть переговоры о мирѣ. Князь былъ уполномоченъ отъ императрицы, почему, ни мало не медля, повѣренные съ обѣихъ сторонъ въ Галацахъ съѣхались, сдѣланы были предварительныя условія и подписаны визиремъ и княземъ Репнинымъ; для утвержденія ихъ назначенъ конгрессъ въ Яссахъ.

Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ послѣ сего черезъ три дня, и очень ему было досадно, что князь Репнинъ поспѣшилъ заключить миръ; онъ выговаривалъ ему при многихъ, сказавъ: «Вамъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи нашъ Черноморскій флотъ, и о экспедиціи генерала Гудовича; дождавшись донесенія ихъ, и узнавъ отъ оныхъ, что вице-адмиралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ, и

[174]) Въ сіе время извѣстились, что нашъ посолъ Я. И. Булгаковъ освобожденъ изъ Семи-башеннаго замка, по просьбѣ французскаго министра; но Булгаковъ не иначе хотѣлъ своего освобожденія, какъ по уваженію къ Россійскому двору, на что Порта принуждена была согласиться.

уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Апану, тогда бы вы могли сдѣлать несравненно выгоднѣйшія условія». Это дѣйствительно было справедливо. Хотя князь Репнинъ слылъ за государственнаго человѣка и любящаго свое отечество, но въ семъ случаѣ предпочелъ личное свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобъ его окончить до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя.

Въ то время принцъ Виртембергскій умеръ; свѣтлѣйшій князь былъ на похоронахъ, и, какъ по окончаніи отпѣванія князь вышелъ изъ церкви, и приказано было подать его карету, вмѣсто того подвезли гробовыя дроги; князь съ ужасомъ отступилъ: онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ сего онъ вскорѣ занемогъ, и повезли его больнаго въ Яссы.

Армія для лучшаго продовольствія раздѣлена была на небольшіе лагери; нашему полку назначено было стоять вмѣстѣ съ Екатеринославскимъ и Московскимъ гренадерскимъ при Рябой Могилѣ. Тамъ получили повелѣніе, что всѣ сіи три полка составляютъ одинъ 10-й баталіонный полкъ подъ названіемъ Екатеринославскаго; четыре кирасирскіе полка составляютъ одинъ полкъ подъ названіемъ лейбъ-кирасирскаго; изъ 3000 казаковъ Донскаго войска составленъ одинъ полкъ подъ названіемъ Великой Гетманской Булавы. По тогдашнему положенію, въ каждомъ батальонѣ было по два орудія артиллеріи, въ мушкетерскихъ полкахъ трехъ-фунтовыя пушки, въ гренадерскихъ осьми-фунтовые единороги; въ бывшемъ же Екатеринославскомъ полку были двѣнадцати-фунтовые единороги. Итакъ, полкъ сей, будучи въ комплектѣ, состоялъ изъ 11,000 человѣкъ и 20 орудій артиллеріи; присоединя къ оному кирасирскій 24-хъ эскадронный полкъ и полкъ Великой Булавы, все вмѣстѣ составляло значительный корпусъ. На сей счетъ разныя дѣлали

догадки; прямой цѣли никто не постигалъ, ибо не возможно было, чтобъ одинъ только капризъ князя Потемкина былъ тому причиною. Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи; другіе—что онъ хотѣлъ себя объявить независимымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ Польскимъ; а болѣе всего полагать должно было, что по окончаніи войны онъ потребуетъ отъ Польши пройдти чрезъ оную только тремъ полкамъ, которые бы составляли авангардъ арміи, дабы разрушить сдѣланную въ Польшѣ конституцію, наказать ее за сдѣланное неудовольствіе русскому послу, господину Штакельбергу, и за то, что принудили изъ Польши вывести наши магазины и охраняющія оные войска. Поводомъ къ оному мнѣнію служитъ, что свѣтлѣйшій князь послалъ подполковника Бакунина въ Вѣну къ удалившимся туда польскимъ вельможамъ, недовольнымъ тою конституціею; по приглашенію его прибыли въ Яссы знатнѣйшіе паны, какъ-то: гетманъ Браницкій (съ его супругою, племянницею князя Потемкина), Ржевускій и многіе другіе; тамъ сдѣлано было положеніе Тарговицкой конфедераціи подъ покровительствомъ Россіи.

Болѣзнь свѣтлѣйшаго князя стала усиливаться, но онъ не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ, вопреки медиковъ Тимона и Массота; и, будучи въ жару, мочилъ себѣ голову холодною водою [175]).

---

[175]) Свѣтлѣйшій князь, будучи въ Петербургѣ, далъ въ присутствіи императрицы великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ, который послѣ его смерти взятъ въ казну и названъ Таврическимъ дворцомъ. Очаровательный сей праздникъ описанъ нашимъ славнымъ поэтомъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ. Наконецъ издерживаемыя имъ суммы и роскошная его жизнь привели императрицу въ неудовольствіе; къ тому же Зубовъ такъ усилился, что началъ съ нимъ совмѣстничать; наконецъ государыня потребовала, чтобы князь ѣхалъ въ армію, чего онъ такъ скоро исполнить не желалъ; приближеннымъ

Генералъ М. Ѳ. Каменскій, видя, что его на службу не требуютъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ императрицу о позволеніи ѣхать въ армію, для свиданія съ своимъ сыномъ, служившимъ тогда подполковникомъ въ Московскомъ полку, котораго самъ онъ былъ шефомъ. Государыня ему сказала: «Это отъ васъ зависитъ». Каменскій, пріѣхавъ въ Яссы, чрезъ нѣсколько дней, просилъ свѣтлѣйшаго князя позволить ему ѣхать смотрѣть свой полкъ; князь его удержалъ одинъ день, но въ самое то время, не сказавъ ему ни слова, послалъ курьера, съ приказаніемъ о сформированіи большаго Екатеринославскаго полка, какъ было сказано. Каменскій пріѣзжаетъ въ лагерь подъ Рябую-Могилу, но полкъ его Московскій не существуетъ. Все сіе служитъ доказательствомъ, что служба его императрицѣ была не угодна, и какое неуваженіе имѣлъ къ нему свѣтлѣйшій князь.

Въ исходѣ августа армія вступила въ зимовыя квартиры. 4-хъ батальоннаго стараго Екатеринославскаго полка штабсъ-квартира расположена была въ Яссахъ, а вновь присоединенныхъ 6 батальоновъ—въ Ботушанахъ. Отъ новаго моего полковника Булгакова, при оныхъ батальонахъ опредѣленъ я былъ преміеръ-майоромъ и для продовольствія своего полка артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей, которыхъ было болѣе тысячи; хотя и были при оныхъ батальонахъ два подполковника Мягкой и С. М. Каменскій [176]),

своимъ тогда онъ говаривалъ: «Зубъ болитъ; надобно его сперва выдернуть». Думать надобно, что сіе была истинная причина его болѣзни, и напрасно думали, что ему былъ данъ ядъ: для честолюбиваго человѣка и то настоящая отрава. Замѣтили, что въ пути своемъ въ армію сталъ онъ задумчивъ и временами жаловался на боль головы.

(Праздникъ этотъ былъ данъ 28 апрѣля 1791).

[176]) Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 іюня 1772, ум. 8 декабря 1834 г.; онъ родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Каменскихъ. Меньшой братъ его, графъ Николай

но они въ командованіе полка и мои распоряженія не вмѣшивались.

Въ сентябрѣ прибыли полномочные турецкіе министры трактовать о мирѣ; но открытіе конгресса отложено было до октября. Нашими министрами назначены были: генералъ-поручикъ Самойловъ, генералъ-майоръ де-Рибасъ и бригадиръ Лашкаревъ.

Между тѣмъ болѣзнь свѣтлѣйшаго князя болѣе и болѣе усиливалась; чувствуя изнуреніе своихъ силъ, онъ послалъ курьера съ повелѣніемъ къ командующему войсками въ Крыму, генералу Каховскому [177]), чтобъ онъ прибылъ принять въ завѣдываніе его армію, во время его отлучки, намѣреваясь отъѣхать въ Николаевъ. Пятаго октября, въ сопровожденіи графини Браницкой, отправился онъ въ путь. Проѣхавъ отъ Яссъ 30 верстъ, князь почувствовалъ приближеніе смерти, велѣлъ остановиться и вынесть себя изъ кареты; легъ на разостланный на дорогѣ плащъ и въ объятіяхъ своей любимой племянницы графини Браницкой испустилъ духъ. Тѣло его перевезли въ Херсонъ.

Кабинетъ-секретарь императрицы генералъ-майоръ Василій Степеновичъ Поповъ, управлявшій всѣми дѣлами при свѣтлѣйшемъ князѣ, пріѣхавъ въ Яссы, явился у Каменскаго, объявилъ ему о смерти главнокомандующаго, какъ старшему, или лучше сказать одному и бывшему тогда генералъ-аншефу, и требовалъ отъ него приказанія. Каменскій, удивясь скорой кончинѣ свѣтлѣйшаго князя, потребовалъ тотчасъ отъ Попова отчета въ дѣлахъ и экстраординарныхъ суммахъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ кабинетъ-секретарь ея величества и былъ не при арміи, а един-

---

Михайловичъ, знаменитый полководецъ, ум. 4 мая 1811 г. генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ св. Андрея и св. Георгія 2 класса, имѣя не болѣе 34 лѣтъ отъ роду. Онъ род. 27 декабря 1776 года. *М. Л.*

[177]) Графъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій, генералъ отъ инфантеріи, род. 1734, ум. 1800 года. *М. Л.*

ственно при особѣ свѣтлѣйшаго князя, почему отчета никакого и дать не можетъ.

Каменскій вышелъ изъ себя, побѣжалъ къ дежурному генералу В. В. Энгельгардту, страдавшему тогда злою лихорадкою, и смертью дяди и благодѣтеля своего сраженному. Въ той же комнатѣ лежала въ безпамятствѣ сестра его графиня Браницкая. Каменскій требовалъ отъ него по дежурству дѣлъ, но тотъ отвѣчалъ: «Видите, ваше высокопревосходительство, въ какомъ я положеніи, и прикажите явиться къ себѣ при дежурствѣ находящимся штабъ-офицерамъ: я не въ силахъ головы поднять». Каменскій бросился въ дежурство, билъ всякаго, кто съ нимъ только встрѣчался: солдатъ, Молдаванъ и Жидовъ, какъ будто сумасшедшій. Онъ отдалъ приказъ по арміи, что вступаетъ въ командованіе оною, и тотчасъ отправилъ въ Ботушаны курьера за сыномъ, чтобъ послать его къ императрицѣ съ извѣстіемъ о смерти свѣтлѣйшаго князя. Но Поповъ отправилъ о томъ того же дня отъ себя донесеніе [178]).

Какъ всѣ генералы тогда были въ Яссахъ, не имѣя никакого начальства, а полками распоряжалось главное дежурство, то Каменскій потребовалъ, чтобы генералы дали о себѣ свѣдѣніе, кто чѣмъ командуетъ. Многіе изъ нихъ желали имѣть его начальникомъ, полагая, что Каховскій не имѣлъ большихъ дарованій, и тѣ къ нему и явились. А другіе, зная его нравъ, предпочитали болѣе Каховскаго; тѣ отозвались подъ разными предлогами, что не состоятъ при арміи; какъ-то Самойловъ и де-Рибасъ объявили, что они при конгрессѣ, а многіе нашли другія отговорки.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, чрезъ два дня пріѣхалъ и Каховскій, и отдалъ приказъ, что по ордеру покой-

---

[178]) Каменскаго сынъ чрезъ сутки явился къ отцу; за медленное его прибытіе онъ при всѣхъ далъ сыну двадцать ударовъ арапникомъ и съ таковымъ пашпортомъ его отправилъ.

наго главнокомандующаго вступаетъ въ командованіе арміей. Тутъ началась у нихъ съ Каменскимъ брань: оба дѣлали приказанія и распоряженія, противныя одно другому.

Каменскій, видя, что большею частію склонялись болѣе къ Каховскому, созвалъ на совѣтъ всѣхъ генераловъ и предложилъ имъ: кому изъ нихъ двухъ командовать арміею? Артиллеріи генералъ-майоръ И. М. Толстой [179]) сказалъ: «Ежели бы они знали, что они созваны для избранія себѣ командира, то конечно бы изъ нихъ никто не пріѣхалъ; ибо при самодержавномъ правительствѣ должно повиноваться властямъ, поставленнымъ отъ императрицы, а не выбирать себѣ начальника». Князь Г. С. Волконскій сказалъ: «Что онъ повинуется повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя, которому извѣстна была воля государыни, ибо какъ ваше высокопревосходительство были лично въ Яссахъ, то князь и могъ бы поручить вамъ командованіе арміею, и не было надобности для того посылать за М. В. Каховскимъ». Всѣ почти приняли сторону Волконскаго. «И такъ, сказалъ Каменскій, вы отрекаетесь мнѣ повиноваться,— быть по сему».

Послѣ сего Каховскій уже безспорно сдѣлался главнокомандующимъ. Ежели бы Каменскій обошелся хорошо съ Поповымъ, то навѣрно бы остался командиромъ арміи.

Между тѣмъ приготовляли похороны свѣтлѣйшему князю. Я потребованъ былъ для оной церемоніи. Проѣзжая квартиры стараго Екатеринославскаго полка, заѣхалъ на квартиру унтеръ-офицера, чтобъ онъ нарядилъ мнѣ двѣ перемѣны лошадей. Я нашелъ у него нѣсколько старыхъ гренадеръ, которые хотѣли-было выйдти; я ихъ остановилъ и началъ съ ними разговаривать. Между прочимъ я спросилъ: «Скажите, ребята, вы были 3-го гренадерскаго полка, всегда были при главной квартирѣ славнаго нашего фельдмаршала

---

[179]) См. выше, примѣч. 118-е.

Румянцова и были его любимымъ полкомъ; потомъ также былъ полкъ сей всегда при покойномъ свѣтлѣйшемъ князѣ и также его любимымъ полкомъ, въ которомъ онъ былъ и шефъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой такъ старъ, что конечно никогда уже не будетъ командовать арміею; кого изъ нихъ вы болѣе любили?» Одинъ гренадеръ отвѣчалъ: «Покойный его свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу, довольствовалъ насъ всѣми потребностями; словомъ сказать, мы были избалованныя его дѣти; не будемъ уже мы имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память!» Тутъ онъ прослезился и отеръ свои глаза; но вдругъ глаза его оживились, онъ пріосамился и сказалъ: «А при батюшкѣ нашемъ графѣ Петрѣ Александровичѣ, хотя и жутко намъ было, но служба веселая; молодецъ онъ былъ, и какъ онъ бывало взглянетъ, то какъ рублемъ подаритъ, и оживлялъ насъ особымъ духомъ храбрости».

Погребеніе тѣла князя происходило 13 октября слѣдующимъ порядкомъ. По совершеніи духовныхъ обрядовъ, приготовлена была пространная зала, гдѣ долженствовало быть поставлено тѣло усопшаго, вся обитая чернымъ крепомъ съ флеровыми перевязями по бортамъ.

Впереди для катафалка сдѣлано отдѣленіе шелковою черною занавѣсою, обложенною по бортамъ серебрянымъ позументомъ, съ большими по срединѣ висящими серебряными кистями и подтянутою серебрянымъ шнуркомъ; нѣсколько подалѣе поставлена была балюстрада, обитая чернымъ сукномъ и обложенная сверху по краямъ широкимъ серебрянымъ позументомъ.

Потолокъ сего отдѣленія одѣтъ былъ наподобіе павильона чернымъ сукномъ и увитъ крестообразно по краямъ бѣлыми и креповыми перевязями.

По срединѣ отдѣленія поставленъ былъ амвонъ, обитый краснымъ сукномъ, съ тремя ступенями, обложенными по краямъ серебрянымъ позументомъ.

На срединѣ амвона сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами на серебряныхъ подножіяхъ и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ.

Надъ гробомъ сдѣланъ былъ великолѣпный балдахинъ изъ розоваго бархата, обложенный по краямъ чернымъ бархатомъ, съ богатымъ золотымъ позументомъ. Спуски онаго были изъ розоваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и поднятые шнурами съ небольшими золотыми кистями. Балдахинъ поставленъ былъ на 10 древкахъ, обтянутыхъ розовымъ бархатомъ и перевитыхъ серебрянымъ позументомъ, и укрѣпленъ къ землѣ восемью золотыми шнурами, на коихъ повѣшены большія золотыя кисти. На верху балдахина, по угламъ и по срединѣ, укрѣплены страусовыя черныя и бѣлыя перья; внутри оный былъ обложенъ бѣлымъ атласомъ.

Въ головахъ, на сдѣланномъ возвышеніи, положена была на парчевой золотой подушкѣ княжеская корона, обведенная лаврами.

На первыхъ отъ гроба ступеняхъ, у головы съ обѣихъ сторонъ стояли табуреты, покрытые краснымъ сукномъ съ золотымъ по краямъ позументомъ, на коихъ положены были подушки изъ малиноваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и съ золотыми по угламъ висящими кистями; на оныхъ съ правой стороны положенъ фельдмаршальскій жезлъ, а съ лѣвой вѣнецъ лавровый [180]); съ сей же стороны, пониже, лежала крышка отъ гроба, на коей находились шпага, шляпа и шарфъ. На послѣдней ступени расположены были на таковыхъ же бархатныхъ

---

[180]) Екатерина пожаловала этотъ вѣнокъ Потемкину по окончаніи кампаніи 1789 г. Вѣнокъ этотъ былъ золотой и усыпанный изумрудами и бриллiантами и стоилъ 150,000 рублей. *М. Л.*

подушкахъ всѣ ордена покойника по старшинству ихъ, всѣ знаки власти, полученные имъ въ награжденіе заслугъ отъ милостей монаршихъ.

По сторонамъ катафалка поставлены были двѣ пирамиды изъ бѣлаго атласа, увѣшанныя чернаго и бѣлаго крепа перевязями. На пирамидѣ, стоявшей съ правой стороны, виденъ былъ гербъ его свѣтлости, по сторонамъ поставлены два знамени великаго гетмана, а на черной доскѣ изображена была бѣлыми буквами слѣдующая надпись:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч. и проч., усерднѣйшій сынъ отечества, присоединитель къ Россійской имперіи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Сучукъ-Кале, Сунніи, Тульчи, Исакчи, острова Березанскаго, Хаджибея [181]) и Паланки; прославившій оружіе Россійской имперіи въ Европѣ и Азіи, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ градовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми добродѣтелями общественными и благочестіемъ. Скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 34 верстахъ отъ столичнаго города Яссъ, 1791 года октября въ 5-й день, на 52 году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не только облагодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдающихъ его».

На пирамидѣ, съ лѣвой стороны стоявшей, виденъ былъ гербъ во всемъ подобный первому, а по сторонамъ поставлены были: справа—кейзеръ-флагъ, а слѣва—гетманское знамя.

---

[181]) Одесса.

Девятнадцать большихъ свѣчъ, въ высокихъ подсвѣчникахъ, обложенныхъ золотою парчею, и множество меньшихъ свѣчъ, поставленныхъ кругомъ гроба, освѣщая катафалкъ, представляли весьма важное и великолѣпное зрѣлище, внушающее благоговѣніе и горесть. 11-го числа, по совершеніи всѣхъ вышеписанныхъ приготовленій, тѣло поставлено было на катафалкъ и учреждено при гробѣ дежурство изъ одного генералъ-майора, двухъ полковниковъ, четырехъ штабъ-офицеровъ, и восьми оберъ-офицеровъ, одного генеральсъ-адъютанта и одного флигель-адъютанта. Тогда объявлено было въ городѣ, что хотящіе отдать послѣдній долгъ покойному фельдмаршалу допускаемы будутъ къ тому безъ изъятія.

Народъ стекался толпами; горесть написана была на всѣхъ лицахъ, наипаче воины и Молдавскіе бояре проливали слезы о потерѣ своего благодѣтеля и друга; въ сіе время поставленный у дверей офицеръ раздавалъ убогимъ мелкія серебряныя деньги. Поклоненіе тѣлу происходило сего числа пополудни отъ 3 до 6 часовъ. Въ часы прихода для поклона тѣлу, стояли у головъ по обѣимъ сторонамъ штаба покойнаго фельдмаршала два генеральсъ-адъютанта, у средины гроба по два гвардіи офицера, два флигель-адъютанта, а нѣсколько подалѣе по два офицера Екатеринославскаго гренадерскаго полка; внутри съ правой стороны лейбъ-гвардіи отъ бомбандирской роты, съ лѣвой кирасирскаго полка князя Потемкина, а у балюстрада того же полка по два офицера въ супервестахъ.

12-го числа двери отворены были отъ 10 часовъ пополуночи до 2-хъ часовъ пополудни, потомъ отъ 3-хъ до 8 часовъ вечера, въ которое время по прежнему была раздача убогимъ серебряныхъ мелкихъ денегъ. Между тѣмъ одинъ генеральсъ-адъютантъ, два флигель-адъютанта на лошадяхъ, въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина, въ траурномъ видѣ съ литаврами, покрытыми чернымъ

сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, которое имѣло быть на другой день въ 8 часовъ пополуночи.

13-го числа полки Екатеринославскій и Малороссійскій гренадерскіе и Днѣпровскій мушкатерскій стали по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ долженствовало происходить шествіе. Когда духовенство собралось, и все было готово, время выноса возвѣщено было 11-ю пушечными выстрѣлами и унылымъ колокольнымъ звономъ; пальба продолжалась чрезъ каждую минуту до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлій, назначенный къ совершенію сего печальнаго обряда.

Тѣло выносили изъ особливаго усердія генералы, также штатъ его свѣтлости и назначенные къ тому штабъ-офицеры; балдахинъ несли гвардейскіе офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ:

Открывалъ оное эскадронъ конвойныхъ гусаръ покойнаго фельдмаршала.

За нимъ кирасирскій полкъ князя Потемкина.

Домъ покойнаго въ траурѣ.

Верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ; каждую вели два конюха въ богатой ливреѣ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ.

120 человѣкъ солдатъ съ факелами, въ черныхъ эпанчахъ и въ распущенныхъ шляпахъ, съ чернымъ флеромъ.

24 оберъ-офицера въ траурномъ видѣ со свѣчами.

12 штабъ-офицеровъ въ траурномъ видѣ со свѣчами.

Бояре княжества Молдавскаго, князья и посланники Черкесскіе.

За симъ долженъ былъ слѣдовать генералитетъ; но генералы, какъ выше сказано, выносили гробъ и шли подлѣ онаго до самой церкви.

Духовенство.

Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеры, имѣя двухъ оберъ-офицеровъ ассистентами:

1. Орденъ Св. Андрея. 2. Орденъ Св. Александра Нев-

скаго. 3. Орденъ Св. Георгія 1-го класса. 4. Орденъ Св. Владиміра 1-го класса. 5. Орденъ Бѣлаго Орла. 6. Орденъ Св. Станислава. 7. Орденъ Прусскаго Чернаго Орла. 8. Орденъ Датскаго Слона. 9. Орденъ Шведскаго Серафима. 10. Орденъ Св. Анны. 11. Камергерскій ключъ. 12. Гетманская булава. 13. Гетманская сабля. 14. Жалованная шпага. 15. Вѣнецъ. 16. Бантъ отъ портрета императрицы. 17. Фельдмаршальскій жезлъ. 18. Гетманское знамя. 19. Кейзеръ-флагъ. 20. Другое знамя. 21. Княжеская корона.

Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряженныхъ 8-ю лошадьми въ черныхъ попонахъ, изъ которыхъ каждую велъ одинъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ.

Парадная карета, покрытая чернымъ сукномъ, запряженная 8-ю лошадьми, подъ черными покрывалами; при ней конюхи въ парадной ливреѣ и черныхъ эпанчахъ.

За гробомъ шли родственники князя.

Шествіе замыкали: эскадронъ конвойныхъ гусаръ, казачій полкъ Булавы великаго гетмана, Донской казачій полкъ князя Потемкина.

По совершеніи литургіи преосвященный епископъ Херсонскій Амвросій [182]) вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По окончаніи отпѣванія, когда запѣли вѣчную память, сдѣлано было 11 пушечныхъ выстрѣловъ, а войско произвело троекратно ружейный бѣглый огонь. Рыданіе родственниковъ, ближнихъ и воиновъ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Тѣло омыто горячими слезами облагодѣтельствованныхъ покойникомъ [183]).

---

[182]) Амвросій Серебренниковъ, архіепископъ Екатеринославскій и мѣстоблюститель экзархіи Молдо-влахійской, ум. 13 сентября 1792 г. Надгробное слово его Потемкину, о которомъ здѣсь говорится, было напечатано въ 1791 въ Яссахъ и въ 1792 въ Москвѣ. *М. Л.*

[183]) Можно безъ всякой лести сказать, что свѣтлѣйшій князь имѣлъ

По окончаніи всего, определены были при гробѣ къ дежурству одинъ адъютантъ, четыре офицера и караулъ.

Смерть свѣтлѣйшаго князя дала новый ходъ политическимъ сношеніямъ между Петербургомъ и Константинополемъ. Графъ Безбородко прибылъ способствовать къ скорѣйшему окончанію мирныхъ переговоровъ. Долго турецкіе министры не соглашались на требованіе Россіи о вознагражденіи 24 милліоновъ піастровъ; но когда объявили имъ, что ежели они на сію статью не согласятся, то и конгрессъ разрушенъ, то они и подписали. Въ ту минуту Безбородко вошелъ и сіе положеніе разорвалъ, сказавъ: «Государыня императрица не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ». Таковой поступокъ изумилъ Мусульманъ. «Сіе великодушіе, воскликнулъ рейсъ-эфенди, спасаетъ жизнь верховнаго визиря.» Миръ между Россіею и Портою подписанъ 25 декабря (5 января) 1792 г. въ Яссахъ.

Главнѣйшія онаго статьи были: Порта признаетъ острова Крымъ и Тамань россійскимъ стяжаніемъ; рѣка Днѣстръ составляетъ границу между обѣими имперіями; флоты россійскій парусный и гребной должны оставить владѣнія турецкія, какъ скоро получатъ повелѣніе, и не позже трехъ недѣль послѣ подписанія мира. Войска сухопутныя оставятъ занятыя владѣнія турецкія въ маѣ, возвратя завоеванныя крѣпости въ такомъ положеніи, въ каковомъ оныя при подписаніи мира состоятъ.

исполненную доброты душу. Во все время его безпримѣрнаго могущества ни одного человѣка не сдѣлалъ несчастнымъ. Много было примѣровъ, гдѣ онъ оказалъ сострадательное сердце, напримѣръ: поручикъ артиллеріи баронъ Плото посланъ былъ въ Воронежъ для покупки подъ артиллерію лошадей; онъ всю сумму, данную ему для сей казенной надобности, проигралъ, почему военнымъ судомъ приговоренъ былъ къ разжалованію навсегда въ солдаты. Когда же подпесена была князю на подписаніе конфирмація, онъ написалъ: «разжаловать въ солдаты на три мѣсяца со дня подписанія», но Попову приказалъ къ исполненію не прежде отослать, какъ по истеченіи и сего срока.

V. Польская война.

1792. Вскорѣ по объявленіи и торжествѣ мира взялъ я отпускъ и отправился въ Могилевскую губернію къ отцу моему, получившему отставку, при чемъ пожаловано было ему по смерть восемьсотъ душъ въ Бѣлоруссіи, куда онъ на житье и переѣхалъ.

Отецъ мой меня встрѣтилъ нѣкоторымъ для меня прискорбнымъ выговоромъ: «Хорошо ты пишешь реляціи (ибо я ему писалъ о происшедшемъ со мною въ Мачинской баталіи). Но въ реляціи, припечатанной въ газетахъ, того нѣтъ; каждый кто отличился, всякій именованъ, но ты съ прочими помѣщенъ въ спискѣ, что былъ примѣромъ храбрости и мужества; рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами съ надписью: *за храбрость*, а тебѣ съ прочими назначенъ одобрительный листъ за подписаніемъ князя Н. В. Репнина.» Больно мнѣ было услышать таковый выговоръ и несправедливость, отъ начальства мнѣ оказанную; но къ счастію моему, князь Г. С. Волконскій, при отъѣздѣ моемъ въ отпускъ, какъ онъ былъ корпусный мой командиръ, далъ мнѣ аттестатъ, съ прописаніемъ всего, до меня касающаго во время Мачинской баталіи. Показавъ оный отцу моему, я достаточно его удостовѣрилъ, что писалъ я неложно и не былъ самохвалъ.

Полкъ десяти-батальонный Екатеринославскій былъ раскасированъ и остался по прежнему изъ четырехъ батальоновъ, какъ и всѣ прочіе гренадерскіе полки; офицеровъ и нижнихъ чиновъ размѣстили по другимъ полкамъ, а штабъ-офицерамъ велѣно прислать въ военную коллегію прошенія о томъ, кто въ какой полкъ пожелаетъ быть помѣщенъ. Для чего я и отправился въ С.-Петербургъ, и такъ какъ князь Репнинъ былъ тамъ, то и хотѣлъ просить его утвердить своимъ подписомъ аттестатъ, данный мнѣ кня-

земъ Волконскимъ, по которому могъ бы я требовать награжденія.

Прибывъ въ С.-Петербургъ, увидѣлся я съ служившимъ тогда при банкѣ И. С. Захаровымъ[184]), по сосѣдству деревень отца моего сдѣлавшимся ему короткимъ знакомымъ. Когда сказалъ я ему о причинѣ моего пріѣзда, то онъ говорилъ мнѣ, что онъ хорошій пріятель Панкратьеву, управлявшему канцеляріею князя Репнина, и просилъ ввѣрить ему мой аттестатъ для показанія и требованія отъ него совѣта, какъ съ нимъ поступить. Я не разчелъ, что Панкратьевъ, писавъ реляцію, не захочетъ признать свою ошибку, и аттестатъ Захарову отдалъ.

На другой день пріѣхалъ я къ Захарову, который мнѣ сказалъ, что Панкратьевъ удивляется аттестату, данному мнѣ княземъ Волконскимъ, ибо-де онъ меня не рекомендовалъ. Несмотря на то, рѣшился я ѣхать къ князю Репнину и съ самимъ имъ объясниться, что́ на другой день и исполнилъ. Пріѣхалъ я поутру къ князю часовъ въ десять; передъ кабинетомъ его Панкратьевъ меня встрѣтилъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я сказалъ ему о моей претенціи; но онъ, какъ и Захарову, говорилъ мнѣ, что княземъ Волконскимъ я не рекомендованъ, и просилъ идти съ нимъ въ канцелярію. Пришедъ туда, показываетъ онъ мнѣ рапортъ князя Волконскаго, въ которомъ онъ рекомендовалъ лично только при немъ бывшихъ, но что онъ утверждаетъ въ донесеніи справедливую рекомендацію карейныхъ командировъ. Тогда я сказалъ: «Посмотрите рапортъ карейнаго моего командира». Въ немъ Панкратьевъ увидѣлъ, что рекомендація моя во всемъ согласна съ полученнымъ мною аттестатомъ. На это Панкратьевъ сказалъ, что дѣлали представленія къ награжденію только тѣхъ, кого корпусные

---

[184]) Иванъ Семеновичъ Захаровъ, сенаторъ, занимавшійся литературой и членъ Шишковской «Бесѣды любителей русскаго слова». *М. Л.*

командиры рекомендовали лично[185]). «А затѣмъ вы получить не можете болѣе ничего», прибавилъ онъ. «Какъ бы то ни было, сказалъ я, прошу о мнѣ доложить его сіятельству; по извѣстной его справедливости, онъ не откажетъ удовлетворить въ моемъ требованіи.»

Панкратьевъ вошелъ въ кабинетъ къ князю и, пробывъ тамъ съ четверть часа, позвалъ меня къ нему. Какъ скоро я вошелъ, то князь, не давъ мнѣ вымолвить ни слова, сказалъ: «Здравствуйте, мой другъ; это вы, который мною въ Мачинской баталіи посыланы были атаковать гору? Вы то исполнили какъ храбрый офицеръ и добрый слуга ея величества (и выхвалялъ меня минутъ съ пять). Да вы, другъ мой, и награждены». — Ваше сіятельство, я видѣлъ себя въ спискѣ награжденныхъ одобрительнымъ листомъ. «Какъ, другъ мой, вы этимъ недовольны? развѣ не все равно, ордена, шпаги?—все то не что иное, какъ благоволеніе монаршее, то же что и листы, а вы хотите быть вывѣскою вашей храбрости. Благоразумному человѣку довольно, когда уже знаетъ, что его имя и служба извѣстны государынѣ; вамъ болѣе ничего не надобно, и нѣтъ надобности ни въ какомъ аттестатѣ. Простите, мой другъ, я не имѣю болѣе времени быть съ вами; спѣшу во дворецъ; а когда случай приведетъ насъ быть вмѣстѣ на ратномъ полѣ, зная вашу

---

185) Между нѣкоторыми я замѣтилъ, что отлично рекомендованъ ротмистръ Хорватъ и награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса, котораго съ двумя эскадронами гнали Турокъ съ двадцать, и что̀ самъ князь Репнинъ видя, сказалъ, что ихъ надобно одѣть въ сѣрые кафтаны. Показавъ ему сіе, я сказалъ: «Не натурально, чтобы корпусный командиръ, будучи занятъ распоряженіемъ, могъ видѣть дѣйствія всѣхъ, а въ пѣхотѣ невозможно никому особливо отличиться, ибо изъ фронта выскочить невозможно, развѣ только въ такомъ случаѣ, каковъ мнѣ представился, что̀ случается чрезвычайно рѣдко, тѣмъ болѣе, что то было въ глазахъ самого главнокомандующаго».

способность, мужество и ревность къ службѣ, не премину васъ употребить какъ отличнаго штабъ-офицера».

Вотъ чѣмъ кончилось мое объясненіе съ человѣкомъ, слывшимъ такъ справедливымъ, какъ древній Аристидъ. И такъ не оставалось мнѣ ничего болѣе дѣлать въ Петербургѣ. Я опредѣлился въ Козловскій мушкетерскій полкъ, которымъ командовалъ ко мнѣ хорошо расположенный полковникъ И. Н. Рокасовскій, давно просившій меня перейдти къ нему въ полкъ. Я спѣшилъ уѣхать, ибо съ Польшею начиналась война [186]), и Козловскій полкъ уже пошелъ къ границѣ въ отрядъ генералъ-поручика графа Мелина.

Возвратясь къ отцу моему, снабдившему меня всѣмъ потребнымъ, отправился я въ полкъ, который уже нашелъ въ Новогрудкѣ Виленской губерніи, и, къ сожалѣнію моему, не поспѣлъ къ неважному дѣлу, бывшему при мѣстечкѣ Мирѣ.

Войска вступили въ Польшу разными отрядами: генералъ-поручикъ Ферзенъ со стороны Рогачева, генералъ-поручикъ графъ Мелинъ со стороны Толочина [187]). Со стороны Лифляндіи и Полоцкой губерніи вступили два отряда; всѣ они были подъ главнымъ начальствомъ М. Н. Кречетникова.

Вся молдавская армія, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-аншефа М. В. Каховскаго, переправясь черезъ Днѣстръ въ Могилевѣ, вступила въ Польшу; авангардомъ оной коман-

---

[186]) Претекстъ сей войны подали нѣкоторые польскіе вельможи, недовольные новою конституціей, просившіе императрицу уничтожить оную, ибо она противна ихъ вольности и прежнимъ уставамъ, и потому-что малая только часть ихъ участвовала въ утвержденіи оной. Почему и составили они конфедерацію въ Тарговицахъ.

[187]) Деташементъ его состоялъ изъ полковъ Муромскаго и Козловскаго мушкетерскихъ, Смоленскаго драгунскаго и одного полка Донскихъ козаковъ съ десятью орудіями артиллеріи.

довалъ графъ Ираклій Ив. Марковъ [188]), а подъ нимъ флигель-адъютантъ императрицы, графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ [189]). Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ тѣснили Поляковъ.

Авангардъ молдавской арміи отдѣлился на большое разстояніе отъ главнаго корпуса. Какъ Поляковъ презирали, то сразиться съ ними было единодушное всѣхъ рвеніе, ибо думали, что при появленіи нашихъ войскъ они тотчасъ побѣгутъ. Но извѣстный польскій генералъ Костюшко [190]), служившій волонтеромъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, когда они отложились отъ Англіи, былъ мужественъ и опытомъ наученъ въ военномъ искусствѣ. Узнавъ, что русскій авангардъ далеко отдѣлился отъ арміи, съ значительными силами остановился онъ у Мурахвы. Графъ Марковъ, не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о силѣ непріятеля, атаковалъ его; сраженіе сдѣлалось упорно, и уже наши стали ослабѣвать, потеряли много людей и были въ опасности быть разбитыми, какъ, къ счастію, обозъ авангарда сталъ показываться изъ за горы въ пыли. Костюшко, думая, что то идетъ вся армія, и не бывъ въ силахъ съ оною сразиться, отступилъ. За сію мнимую побѣду графъ Марковъ и всѣ съ нимъ бывшіе осыпаны награжденіями, вмѣсто того чтобы за самовольное отдаленіе на большое разстояніе отъ арміи (чѣмъ подвергали весь авангардъ опасности истребленія) быть отданными подъ военный судъ. Но тутъ былъ братъ фаворита, молодой человѣкъ съ пылкимъ желаніемъ отличиться: вотъ и вся побѣда! Послѣднее было дѣло той арміи подъ Дубенкой, гдѣ Костюшко взялъ хорошую позицію между болотистыми дефилеями, укрѣпивъ

---

188) Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, генералъ отъ инфантеріи, родился 2 ноября 1753 года, умеръ 26 марта 1829 года. *М. Л.*

189) Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 28 ноября 1771 г., ум. 21 іюня 1804 г. *М. Л.*

190) Тадеушъ Костюшко, род. 1753 г., ум. $^{3}/_{15}$ окт. 1817 г. *М. Л.*

оныя флешами. Поляки защищались храбро; рѣшилъ дѣло полковникъ Паленбахъ съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ полкомъ: онъ овладѣлъ сими укрѣпленіями, но самъ былъ убитъ. Послѣ сего вся армія безостановочно шла къ Варшавѣ. Съ другой стороны графы Мелинъ и Ферзенъ, имѣвъ небольшое дѣло подъ Мстивовомъ, дошли до Буга, гдѣ получили извѣстіе отъ Каховскаго, что съ Поляками война кончилась, и чтобы Кречетниковъ съ своими отрядами остановился. Вскорѣ наши войска заняли Варшаву, и конституція уничтожена.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ [191]) сдѣланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Польшѣ на мѣсто Штакельберга. Каховскій былъ оставленъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Польшѣ и пожалованъ графомъ за успѣшное окончаніе сей кампаніи.

Войска заняли всю Польшу и расположились по квартирамъ. Козловскій полкъ поступилъ въ виленскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Н. Д. Арсеньева [192]); зима протекла покойно, хотя Поляки и показывали намъ свое недоброжелательство.

1793. Въ 1793 году въ январѣ прибылъ командовать войсками генералъ-аншефъ баронъ Игельстромъ, на мѣсто графа Каховскаго. Новый нашъ командиръ не оставилъ насъ ни одного мѣсяца на однѣхъ квартирахъ: всѣ войска избили Польшу въ шахматы. Въ апрѣлѣ взяты были контониръ-квартиры около Варшавы, Гронды и Вильны, не далѣе одной мили отъ сихъ городовъ. Въ маѣ вступили въ лагерь, гдѣ и простояли до іюля, во время котораго близь Варшавы производились маневры.

---

[191]) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1730 г., ум. 1808 г. Любопытныя Записки его изданы теперь въ Германіи. *М. Л.*

[192]) Никол. Дмитріев. Арсеньевъ, генералъ-майоръ, ум. 1796 г. *М. Л.*

На одни изъ маневровъ Игельстромъ пригласилъ всѣхъ дворовъ министровъ, всѣхъ знатныхъ чужестранцевъ и польскихъ магнатовъ. Маневры состояли въ слѣдующемъ: артиллеріи генералъ-майоръ Тищевъ съ артиллеріею поставленъ былъ на горѣ, которую самъ главнокомандующій атаковалъ съ остальными войсками; Тищевъ по нѣкоторомъ времени ретировался; тогда войска заняли его позицію, на которой поставлены были палатки и приготовленъ былъ обѣденный столъ, которымъ Игельстромъ угощалъ всѣхъ, имъ приглашенныхъ, генераловъ и штабъ-офицеровъ. Подъ кувертомъ самого хозяина и у многихъ другихъ нашлись стихи слѣдующаго содержанія: «Знаете ли, отчего генералъ Игельстромъ такъ веселъ? Оттого, что онъ въ своей жизни первую выигралъ баталію». (И въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ никогда случая не только дать баталію, но и никакого сраженія подъ личнымъ своимъ предводительствомъ). Какое онъ ни прилагалъ стараніе отыскать сочинителя сего пасквиля, но не могъ; сіе показываетъ, какъ онъ всегда былъ нелюбимъ войскомъ.

При Гроднѣ лагерь былъ усиленъ, куда и Козловскій полкъ былъ потребованъ.

Въ Гроднѣ открытъ былъ сеймъ. Сиверсъ потребовалъ за понесенные Россіею убытки въ уничтоженіи конституціи; за разрушеніе анархіи, подобной французскимъ якобинамъ, губерніи: Минскую, Подольскую и Волынскую. Долго Поляки сопротивлялись, но когда увидѣли, что ревностнѣйшіе изъ ихъ патріотовъ изъ Гродны пропадали, то по продолжительномъ преніи согласились сказанный край уступить императрицѣ. Но такъ какъ въ Гроднѣ былъ и прусскій министръ Бухгольцъ и дворы наши были въ тѣсной связи, то Поляки справедливо опасались, чтобы король Прусскій не сталъ требовать нѣкоторыхъ областей, смежныхъ съ его королевствомъ: потому что его министръ Лукезини способствовалъ сдѣлать имъ конституцію 3-го

мая[193]). По утвержденіи на сеймѣ, какъ сказано, уступить край Россіи, тогда же сдѣлали постановленіе, что ежели кто предложитъ трактовать съ Пруссіею въ уступкѣ земель отъ Польши, того тутъ же на сеймѣ изрубить.

Обрядъ сейма такъ происходилъ. Близъ трона, на которомъ король всякое собраніе бывалъ, вкругъ его сидѣли министры, по сторонамъ сенаторы. Вдоль стѣны сдѣланы были мѣста амфитеатромъ для депутатовъ, или, какъ они называли, пословъ, отъ каждаго повѣта по два человѣка. За ними находились зрители, какъ Поляки, такъ и иностранцы, но послѣднимъ не дозволялось быть въ мундирахъ и съ оружіемъ. Избираемъ былъ сеймовый маршалъ, отъ котораго зависѣло, если многіе требовали голоса, говорить кому онъ позволитъ. На сей сеймъ былъ выбранъ маршаломъ графъ Бѣлинскій; собраніе сейма всегда начиналось въ 3 часа по полудни; какъ скоро король садился на тронъ, то сеймовый маршалъ объявлялъ: *сесія загосна*, то-есть засѣданіе открыто. На что депутаты отвѣчали: *загосна*. Ежели сего не скажутъ, то засѣданіе не почиталось открытымъ. Послѣ сего маршалъ предлагалъ что̀ въ прошломъ сеймѣ заслушано и не окончено, или о чемъ слѣдуетъ трактовать. Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршалъ говорилъ: *ма глосъ пѳсолъ*, напримѣръ *Слонимскій*. Получа позволеніе, тотъ начиналъ предлагать въ чемъ имѣлъ нужду. Ежели его голосъ былъ принятъ собраніемъ, то всѣ закричатъ: *згода*. И уже то почитано утвержденнымъ и не могло ничѣмъ быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричатъ: *не позволямъ*. Ежели же иные кричатъ: *згода*, а другіе: *не позволямъ*, то собирали голоса подписаніемъ депутатовъ на листѣ бумаги, который носили для сего

---

[193]) Одинъ монархъ имѣлъ требованіе за то, что сдѣлалъ конституцію, а другой за то, что разрушилъ ее; и оба правы, по праву сильнаго.

особо избранные, и тогда рѣшалось дѣло по большинству голосовъ. Иногда случалось, что дѣлали возраженія на произнесенную рѣчь, по дозволенію сеймоваго маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись съ большимъ краснорѣчіемъ; иные говорили противъ короля въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, на которыя и король отвѣчалъ всегда съ особливымъ снисхожденіемъ и краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Когда же король хотѣлъ говорить, то канцлеръ произносилъ: *яснѣйшій панъ кроль мовѣ*. Король Станиславъ Августъ былъ прекрасный мущина, высокаго роста и важной осанки; на сеймѣ онъ всегда былъ въ мундирѣ *народо́вой* кавалеріи.

Графъ Бѣлинскій былъ близорукъ; когда многіе депутаты требовали позволенія говорить, то онъ долго разсматривалъ въ лорнетъ, дабы позволить говорить тому, который согласовался съ интересами дворовъ россійскаго и прусскаго. Случалось, что ошибкою позволялъ говорить противнымъ пользамъ оныхъ, и они тогда же были выводимы бывшими тутъ русскими офицерами во фракахъ, для сего нарочно наряжаемыми. Одинъ закупленный депутатъ Сухуржевскій хотѣлъ было предложить трактовать съ прусскимъ министромъ; тогда многіе депутаты, обнаживъ сабли, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ударовъ такъ, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывесть изъ сеймовой залы; а слуги, бывшіе въ сѣняхъ, кричали: *здрайца* (измѣнникъ), и забросали его шапками.

Во все время шумливаго сего сейма безпрестанные были праздники, балы, фейерверки; какъ нашъ посолъ, такъ и прусскій, угощали и веселили Поляковъ, а равно и они угощали Русскихъ. Множество было польскихъ самознатнѣйшихъ дамъ, красотою и любезностію одушевлявшихъ сіи праздники; но красотою затмѣвала всѣхъ прочихъ четырнадцатилѣтняя княжна Четвертинская [194]).

---

[194]) Которая была послѣ замужемъ за Д. Л. Нарышкинымъ и была

Нѣсколько было засѣданій, но трактовать съ прусскимъ министромъ никто болѣе предлагать не осмѣливался. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе сеймъ былъ окруженъ 4 батальонами съ пушками. Генералъ-майоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ былъ въ сеймовую залу; близь трона поставлены ему кресла; сорокъ человѣкъ офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ исполнять повелѣнія его превосходительства.

Когда король вошелъ и сѣлъ на тронъ, то сеймовый маршалъ объявилъ по обыкновенію: *сессія загоена. Не загоена, не загоена*, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ. И сколько разъ маршалъ ни начиналъ объявлять, то таковымъ же крикомъ отвѣтствовали, что̀ происходило до трехъ часовъ утра. Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульйону и вина. Въ теченіе того времени одинъ изъ депутатовъ сказалъ: «Императрица именуетъ патріотовъ якобинцами; я думаю, что якобинцы противятся законному монархическому правленію и власти королевской, а мы напротивъ защищаемъ тронъ и права нашего отечества. Но вотъ якобинъ (указавъ на генерала Раутенфельда), который только что не сидитъ на тронѣ; вотъ якобины, которые вопреки нашимъ законамъ съ оружіемъ введены въ сеймовую залу для угнѣтенія нашихъ правъ; вотъ Якобины, которые стоятъ съ примкнутыми штыками около сейма и поставили пушки, готовыя разрушить тронъ и нашу вольность». По произношеніи сей смѣлой рѣчи, онъ тотчасъ былъ выведенъ. Другой сказалъ: «Я думаю, что насъ называютъ якобинами потому, что у насъ Россійскій посолъ Якубъ Сиверсъ». И того вывели.

въ фаворѣ у императора Александра. *Л. Э.* Марья Антоновна Нарышкина, ум. 1854 г. Она была супруга оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина. *М. Л.*

Наконецъ въ три часа утра, безъ обыкновеннаго предложенія, что *сессія загосна,* Бѣлинскій, подошедъ къ трону, доложилъ, что получена отъ россійскаго посла нота. Король приказалъ ее прочесть. Въ нотѣ требовалось сдѣлать легацію или отдѣлить нѣсколько депутатовъ трактовать съ прусскимъ министромъ. Когда требовалось, чтобы каждый подписалъ, согласенъ на то, или нѣтъ, то никто не осмѣливался подать противный голосъ, страшась быть отправленнымъ въ Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными тѣ, которые уже были напередъ назначены и готовы подписать все, чтó будетъ имъ приказано. Тѣмъ кончилось сіе насильственное засѣданіе [195]).

Уполномоченные уступили Пруссіи великое герцогство Познаньское, чтó утверждено сеймомъ, и сеймъ въ сентябрѣ распущенъ. Король и всѣ министры возвратились въ Варшаву, а полки вступили въ квартиры. Козловскій полкъ расположился въ Слонимѣ.

Поляки, которые были забираемы на сеймѣ, какъ было сказано, и о которыхъ думали, что отправлены въ Сибирь, на другой же день по окончаніи сейма явились въ Гродну, гдѣ они содержались хорошо, но тайно.

1794. Такъ какъ я сдѣлалъ нѣкоторый долгъ, о которомъ нужно мнѣ было объясниться лично съ моимъ отцомъ, то и хотѣлъ проситься въ отпускъ; но полковникъ упросилъ меня остаться до его возвращенія — ибо дѣла требовали его самаго въ Лифляндію — обѣщавъ мнѣ непремѣнно пріѣхать въ январѣ. Вмѣсто того онъ возвратился уже въ мартѣ, когда получено было повелѣніе ни въ отставку, ни въ отпускъ не принимать прошеній. Чтобы меня удовлетворить, полковникъ позволилъ мнѣ сказаться больнымъ и ѣхать въ Могилевскую губернію подъ именемъ капрала Семенова, котораго далъ мнѣ въ сопровожденіе, съ тѣмъ,

[195]) Засѣданіе это происходило 22 сентября 1793 г. *М. Л.*

чтобы я пріѣхалъ передъ выступленіемъ въ лагерь, то-есть въ первыхъ числахъ мая.

Во время зимнихъ квартиръ видно было броженіе польскихъ умовъ. Я, будучи въ короткомъ обхожденіи со многими слонимскими жителями и въ окружности города, гдѣ квартировалъ полкъ, видѣлъ, что между ними происходили какіе-то непріязненные къ намъ замыслы, но не имѣвъ никакого предписанія, оставилъ безъ большаго вниманія всѣ ихъ рѣчи, которыхъ я былъ свидѣтель, почитая ихъ пустымъ самохвальствомъ и думая: ежели бы что между ними затѣвалось, то конечно генералъ Игельстромъ, сдѣлавшись на мѣсто Сиверса чрезвычайнымъ посломъ, былъ бы о ихъ расположеніи извѣстенъ и сдѣлалъ бы по сему случаю начальникамъ войскъ предписаніе. Но онъ былъ усыпленъ новою Далилою, его любовницею [196]), графинею Залуцкою, какъ и многіе генералы, подражавшіе въ этомъ главному начальнику. Онъ пренебрегъ тогдашнія обстоятельства; а иначе заговоръ, Поляками сдѣланный, заранѣе былъ бы открытъ военными чиновниками, квартировавшими въ Польшѣ.

Пробывъ у отца моего до 20-го апрѣля, я отправился въ полкъ на своихъ лошадяхъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о происходившемъ въ Польшѣ. Пріѣхавъ въ Минскъ и остановясь въ корчмѣ, пошелъ я къ вице-губернатору Михайлову, который былъ женатъ на сестрѣ сверхъ-комплектнаго майора Козловскаго полка Арсеньева. Я увидѣлъ хозяйку и всѣхъ, съ нею живущихъ, въ слезахъ; отъ нихъ узналъ я, что въ Польшѣ сдѣлалась революція [197]); что въ Вильнѣ генералъ-майоръ Арсеньевъ захваченъ Поляками въ полонъ, что войска наши истреблены, и что Поляки въ большихъ

[196]) Этою слабою стороною Игельстрома пользовались и въ Оренбургскомъ краю, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ. См. Записки Д. Б. Мертваго, стр. 39. *П. Б.*

[197]) Здѣсь говорится о революціи 6 апрѣля 1794 г., подробности которой разсказываются ниже. *М. Л.*

силахъ идутъ къ Минску. Притомъ я узналъ, что полковникъ Рокасовскій подалъ просьбу въ отставку, отпущенъ въ отпускъ и проѣхалъ уже чрезъ Минскъ, а что полкъ Козловскій выступилъ изъ Слонима къ Бресту-Литовскому, и что мнѣ въ полкъ проѣхать никакъ невозможно: ибо всѣхъ Русскихъ Поляки на пути рѣжутъ. Чрезвычайное увѣдомленіе сіе меня изумило и привело въ большое затрудненіе: не бывъ отпущенъ начальствомъ, а только партикулярно полковникомъ, подвергалъ я себя военному суду, или объявя, что получилъ отъ полковника позволеніе, подвергалъ его той же отвѣтственности, чѣмъ оказалъ бы ему неблагодарность; почему я рѣшился, не смотря ни на какую опасность, ѣхать въ полкъ. Едва только возвратился я въ корчму, гдѣ оставилъ свой экипажъ, какъ отъ губернатора Н. И. Неплюева [198]) ординарецъ пришелъ требовать меня къ нему, ибо онъ былъ извѣщенъ о моемъ пріѣздѣ отъ г. Михайлова. Нечего было дѣлать; я долженъ былъ надѣть мундиръ и къ нему явиться. Послѣ очень вѣжливаго пріема, Неплюевъ сказалъ: «Я очень радъ вашему прибытію; мое здѣсь самое критическое положеніе: увѣдомился я, что Поляки съ нѣсколькими войсками и большимъ числомъ посполитаго рушенья идутъ къ Минску; здѣшніе жители также не надежны. Здѣсь оставлено: двѣ роты Смоленскаго пѣхотнаго полка, нѣсколько выздоровѣвшихъ изъ гошпиталя, двѣ полковыя пушки и пришедшихъ три партіи рекрутъ, каждая по сту человѣкъ, но ни одного нѣтъ штабъ-офицера; почему извольте принять все то въ свою команду, сдѣлать свое распоряженіе и изготовиться дѣлать отпоръ». Я ему представилъ мое положеніе, что я не подъ своимъ именемъ, что подвергаю себя военному суду, и столько убѣ-

---

[198]) Здѣсь должно-быть говорится о Николаѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, сынѣ извѣстнаго Ивана Ивановича, служившаго еще при Петрѣ Великомъ и умершаго въ 1773 году. *М. Л.*

дилъ его моими резонами и просьбою, что онъ согласился меня отпустить, но съ тѣмъ, чтобы я не въ Слонимъ ѣхалъ (ибо проѣзду никакого тутъ не было) но въ Несвижъ, гдѣ находятся генералъ-губернаторъ новозабраннаго отъ Польши края, Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ [199]), и военный начальникъ той части, генералъ-майоръ Б. Ѳ. Кноррингъ [200]), прибавивши, что имъ извѣстно, гдѣ Козловскій полкъ, и тамъ я узнаю, гдѣ безопаснѣе къ нему проѣхать.

Получа сіе позволеніе, я безъ малѣйшаго медленія отправился, и на другой день подъ вечеръ пріѣхалъ въ Несвижъ. Оставя свой экипажъ въ корчмѣ, пошелъ я къ артиллеріи майору Н. И. Богданову; онъ удивился, меня увидѣвъ, и спросилъ: какъ я сюда попалъ? Какъ я разсказалъ ему о моихъ обстоятельствахъ: «Братецъ», сказалъ онъ мнѣ, «уѣзжай какъ можно скорѣй отсюда; нашъ генералъ Кноррингъ самый грубый человѣкъ; онъ тебѣ сдѣлаетъ тму непріятностей; поѣзжай въ Пинскъ: эта дорога безопасна, потому что по ней идетъ сюда три батальона егерей, а въ Пинскѣ начальникомъ Н. С. Ланской; ты знаешь, онъ самый добродушный человѣкъ; Брестъ оттуда не далеко, и тебѣ можно будетъ свободно доѣхать въ полкъ».

Я, простясь съ нимъ, тотчасъ пошелъ въ корчму, чтобы въ ту же минуту уѣхать; но капралъ мой, встрѣтивъ меня съ печальнымъ видомъ, сказалъ, что онъ только что пришелъ отъ генерала, который, потребовавъ его къ себѣ, спросилъ: съ кѣмъ онъ ѣдетъ? А какъ онъ донесъ, что съ экипажемъ и людьми Козловскаго полка майора Энгельгардта, то и приказалъ ему пожитки и повозки отдать подъ сохра-

---

[199]) Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 января 1740 г., ум. 1 ноября 1809 г. Онъ былъ въ 1806—1809 годахъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. *М. Л.*

[200]) Богданъ Ѳедоровичъ Кноррингъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1741 г., ум. 1826 г. *М. Л.*

неніе въ комиссаріатскій цейхгаузъ, лошадей въ козачій табунъ, а самому съ людьми явиться къ подполковнику Сакену[201]) что нынѣ фельдмаршалъ, принять на всѣхъ солдатскую аммуницію и ружья и состоять у него въ командѣ. Услышавъ сіе огорчительное повѣствованіе, пошелъ я опять къ Богданову, который, погоревавъ со мною, сказалъ, чтобы я къ Кнорригу на другой день не прежде явился, пока онъ съ нимъ обо мнѣ не переговоритъ, ибо-де онъ съ нимъ только однимъ по-пріятельски обходится; въ противномъ случаѣ онъ мнѣ наговоритъ столько грубостей, что я потеряю терпѣніе.

На другой день, пока не извѣстилъ меня Богдановъ, видѣлъ я большую суматоху, ибо и въ Несвижѣ получено извѣстіе, что Поляки идутъ атаковать городъ. Въ замкѣ поправляли брустверы, ставили пушки. Тамъ было тогда три роты артиллеріи, три эскадрона Украинскаго легкоконнаго полка, двѣ сотни козаковъ; кромѣ того пришло пять партій рекрутъ, и изъ Пинска шло три батальона егерей. Генералъ долго занимался отправленіемъ курьеровъ и партій въ разныя направленія; уже около полудня Богдановъ могъ переговорить съ нимъ обо мнѣ. «Ну, сказалъ онъ мнѣ, ступай теперь; я упредилъ его о тебѣ, и хотя нѣсколько умягчилъ его угрюмость, но не вовсе уломалъ сего медвѣдя».

Я явился къ генералу въ кабинетъ, и вотъ нашъ разговоръ. Онъ спросилъ меня самымъ худымъ выговоромъ по-русски: «Кто вы таковъ?» — Козловскаго полка преміеръ-майоръ Энгельгардтъ. «Когда пріѣхалъ?» — Вчера. «Неправда, я не имѣлъ о васъ записка, а пріѣхалъ съ экипажемъ майора Энгельгардта капралъ Семеновъ». —Это я, ваше превосходительство; я отпущенъ былъ отъ полковника партикулярно. «А, это другой дѣлъ, явитесь въ команду

---

[201]) Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ, генералъ-фельдмаршалъ, род. 20 октября 1752 г., ум. 7 апрѣля 1837 г. *М. Л.*

къ подполковнику Сакену; я велю ему вамъ дать сотни двѣ рекрутъ, и мы будемъ вмѣстѣ драться съ Поляками.»— Ваше превосходительство, я бы за честь поставилъ себѣ во всякое другое время быть въ вашей командѣ, но судите о моихъ обстоятельствахъ: я долженъ отвѣтствовать передъ военнымъ судомъ за самовольную отлучку, или показать себя неблагодарнымъ моему полковнику, сдѣлавшему мнѣ одолженіе; а притомъ его въ полку нѣтъ, и я не знаю, какъ о мнѣ полкъ показываетъ. «А, вы не кочите быть зо мной; вамъ въ вашъ полкъ не можно доѣхать.»—Я рѣшусь на всякую опасность, только чтобы быть въ полку. «Нѣтъ, г. майоръ, вы не кочите зъ нами умиралъ и вы боитесь Поляковъ.»—Я никогда не имѣлъ чести служить съ в. п., и вы меня не знаете; но ото всѣхъ моихъ командировъ я имѣлъ счастіе заслужить лучшее о себѣ мнѣніе, а бывъ такъ дурно предупрежденъ вашимъ превосходительствомъ, почту за несчастіе остаться здѣсь, почему сдѣлайте милость, отпустите меня. «Вы тумалъ, что безъ васъ обойтисъ не можно, изволь ѣхать хоть къ шорту.» Я не ожидалъ ничего болѣе, будучи очень доволенъ любезнымъ его пріемомъ, а еще болѣе милостивымъ его отпускомъ; вышелъ, запрягъ лошадей и, погоняя не оглядываясь, прибылъ благополучно въ Пинскъ.

Николай Сергѣевичъ Ланской принялъ меня самымъ добродушнымъ образомъ, увѣдомилъ меня, что Козловскій полкъ давно выступилъ изъ Бреста и пошелъ за Вислу въ Сендомирское воеводство присоединиться къ войскамъ, вышедшимъ изъ Варшавы, и что къ полку мнѣ проѣхать невозможно. Онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобъ я свой экипажъ оставилъ у него, а самъ бы отправился въ Лабунь курьеромъ къ графу И. П. Салтыкову, командующему всѣми войсками въ новозабранномъ краю, откуда уже можно будетъ чрезъ австрійскую Галицію пробраться въ Сендомирское воеводство, гдѣ расположены наши войска; но чтобъ я дождался отряда

полковника Чесменскаго [202]) изъ Бреста и узналъ отъ него про тогдашнія обстоятельства. Оный отрядъ посланъ былъ въ Брестъ останавливать идущія разныя малыя къ полкамъ команды остававшихся за болѣзнію въ зимовыхъ квартирахъ и препровождать ихъ въ Пинскъ. Почему и я имѣлъ случай показывать себя за болѣзнію остававшимся въ Слонимѣ. И такъ, дождавшись черезъ день того деташемента, отправился я Волынской губерніи въ мѣстечко Лабунь, съ нѣсколькими тысячами червонцевъ, которые долженъ былъ Ланской переслать къ графу Солтыкову.

При пріѣздѣ въ Лабунь, у въѣзда заставили меня подписать реверсъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ я не сказывалъ никому, откуда пріѣхалъ, и ничего бы не говорилъ, что мнѣ извѣстно о польскихъ обстоятельствахъ.

Явясь къ его сіятельству и отдавъ казначею привезенную мною сумму, исправно лгалъ я о моемъ приключеніи. Графъ еще повторилъ мнѣ строгое приказаніе, объявленное мнѣ при въѣздѣ, и обѣщалъ по просьбѣ моей при случаѣ отправить меня къ полку.

Смѣшно было, что на вопросъ многихъ моихъ знакомыхъ: «откуда?» я отвѣчалъ: «не знаю.» — «Зачѣмъ пріѣхалъ?» «Не знаю.» *Тщетная предосторожность* тогда, когда уже всѣ знали о случившейся въ Польшѣ революціи! Поляки распустили о ней слухи, съ прибавленіемъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ корпуса генералъ-поручика Ферзена (получившаго начальство вмѣсто барона Игельстрома) Углицкаго полка поручикъ Трейденъ, съ которымъ я былъ знакомъ и зналъ, что Углицкій полкъ былъ въ томъ корпусѣ. Я атаковалъ его, но и ему велѣно было говорить: «не знаю». Однакожъ онъ объявилъ мнѣ, что

---

[202]) Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, сынъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго. *М. Л.*

корпусъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, и что всѣ бывшія наши войска тамъ собрались и ожидаютъ соединенія прусскаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ самого короля Фридриха-Вильгельма, для наступательнаго дѣйствія противъ Поляковъ. Я далъ ему слово говорить, что онъ мнѣ ничего не разсказывалъ. Но зная и Трейдена лично и то, что онъ служитъ въ Углицкомъ полку, который былъ въ томъ корпусѣ, я просилъ графа Солтыкова съ нимъ меня отправить. Его сіятельство разгнѣвался и сказалъ мнѣ: чтобъ я впередъ не осмѣлился проситься, дабы тѣмъ не подать поводъ отгадать о происшедшемъ въ Польшѣ[203]).

Нѣкогда его сіятельство сказалъ при всѣхъ, что генералъ-поручикъ Загряжскій съ корпусомъ двинулся къ Владиміру, Волынской губерніи. Я, вопреки запрещенія, просилъ графа, чтобъ отправилъ меня въ оный корпусъ, что̀ онъ мнѣ и позволилъ, предписавъ тому генералу употребить меня на службу до соединенія моего съ Козловскимъ полкомъ.

Я уже нашелъ корпусъ генералъ-поручика Загряжскаго при Бугѣ; авангардъ его, подъ командою полковника Рарока, находился у самаго мѣстечка Дубенки. Его превосходительство принялъ меня благосклонно, оставя при себѣ, а по нѣкоторомъ времени я былъ имъ употребленъ за оберъ-квартермистра. Полковникъ Рарокъ, какъ Смольянинъ, снабдилъ меня для рыцарскихъ подвиговъ подъемною лошадью изъ-подъ казеннаго ящика и далъ мнѣ въ услуги одного солдата.

До начатія описанія военныхъ дѣйствій, увѣдомлю о революціи, въ Польшѣ воспослѣдовавшей.

Генералъ баронъ Игельстромъ, видя буйство въ Польшѣ,

---

[203]) Такими скрытными мелочами познается человѣкъ, и служитъ сему доказательствомъ, что когда нужно было благоразумное распоряженіе, то онъ отозванъ, а на мѣсто его поступилъ кн. Н. В. Репнинъ.

требовалъ приведенія въ то положеніе польскихъ войскъ, которое должно быть по силѣ послѣдняго сейма. Полкъ Дзелинскаго, расположенный въ Варшавѣ, прислалъ только 16 человѣкъ для опредѣленія въ русскіе полки, представя, что затѣмъ осталось у него въ полку комплектное число. Бригада Мадалинскаго, расположенная между Бугомъ и Наревомъ, собравъ свои эскадроны у Остроленки, явно отреклась распустить свои войска.

Баронъ Игельстромъ послалъ противъ сихъ мятежниковъ, съ полкомъ карабинеръ, бригадира Багрѣева, при приближеніи котораго Мадалинскій пошелъ къ прусской границѣ, а оттуда въ Сендомирское воеводство, съ такою поспѣшностію, что Багрѣевъ не могъ его настичь.

Игельстромъ собралъ въ Варшаву весь корпусъ, расположенный по квартирамъ около оной, полки: Сибирскій и Кіевскій гренадерскіе, Харьковскій и Ахтырскій легкоконные, полкъ Донскихъ козаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Онъ приказалъ изъ Бреста отрядить генералъ-майора Хрущова, съ 6-ю батальонами, 10-ю эскадронами, 6-ю орудіями полевой артиллеріи, однимъ полкомъ козаковъ; генералъ-майору Рахманову, изъ Дублина, съ отрядомъ 3-хъ батальоновъ, 4-хъ эскадроновъ, полкомъ Донскихъ козаковъ и 10-ю орудіями, перейдти Вислу противъ Пулавы. Присоединиться же къ симъ отрядамъ велѣно генералъ-майору Денисову [204]) съ 10-ю эскадронами, 2-мя ротами пѣхоты, полкомъ Донскихъ козаковъ и 5-ю орудіями полевой артиллеріи. Тоже присоединиться къ онымъ приказано изъ Кракова изъ разныхъ полковъ небольшимъ отрядамъ, коихъ было около тысячи человѣкъ пѣхоты и конницы.

---

[204]) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, Донской атаманъ, ум. въ 1811 г. Титулъ и фамилія его были переданы внуку его по дочери Василію Васильевичу Орлову, отцу теперешнихъ графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ. *М. Л.*

Генералъ-майору Тормасову Игельстромъ приказалъ съ однимъ батальономъ, двумя ротами егерей, 6-ю эскадронами, полкомъ Донскихъ казаковъ и 4-мя орудіями полевой артиллеріи преслѣдовать Мадалинскаго.

Какъ скоро Мадалинскій вошелъ въ Сендомирское воеводство, всѣ польскія войска, расположенныя тамъ, съ нимъ соединились.

18 марта, перешедшіе Вислу отряды соединились у Апотова, и принялъ надъ всѣми сими войсками команду, какъ старшій, генералъ-майоръ Денисовъ.

Денисовъ продолжалъ путь къ Кракову и прибылъ 22 марта въ Скальмирцъ, гдѣ Тормасовъ, преслѣдуя Мадалинскаго, остановился.

Костюшко тогда уже прибылъ въ Краковъ, подписалъ актъ возстанія и издалъ свою прокламацію, учредивъ революціонное правительство, и выступилъ противъ корпуса генералъ-майора Денисова. Къ войскамъ, собраннымъ имъ въ Краковѣ и бывшимъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, присоединились Мадалинскій съ 5-ю (или до 6-ти) тысячами регулярныхъ войскъ и нѣсколько горныхъ крестьянъ (называемыхъ Гарабсъ) и Мазуровъ.

Денисовъ, увѣдомившись 23 марта, что непріятель шелъ къ Сломнику, въ 3-хъ миляхъ отъ Скальмирца, отрядилъ туда того же вечера Тормасова съ двумя батальонами, двумя ротами, 6-ю эскадронами, однимъ полкомъ казаковъ и 8-ю полевыми орудіями.

Въ ночи съ 23-го на 24-е число Денисовъ узналъ, что непріятельская колонна тянется вдоль Вислы къ Костюшкѣ, въ 5-хъ миляхъ отъ Скальмирца, гдѣ стоялъ подполковникъ Фризель съ 4-мя эскадронами гусаръ, почему и отрядилъ туда подполковника Лыкошина съ однимъ батальономъ.

На другой день генералъ-майоръ Тормасовъ встрѣтилъ непріятеля при деревнѣ Раславичи, въ двухъ миляхъ отъ Скальмирца. Крутой и глубокій оврагъ раздѣлялъ нашихъ

отъ непріятеля. Тормасовъ донесъ тотчасъ о томъ Денисову, который далъ ему знать, что вскорѣ съ нимъ соединится, и тотчасъ отправилъ своихъ казаковъ, но самъ остался прохлаждаться. Генералъ-майоры Рахмановъ и Хрущовъ не очень охотно повиновались Донскому генералу, уговаривали его пообѣдать, потомъ напиться кофею, и такъ проволочили время, что уже почти прибыли къ Тормасову къ вечеру; но тогда уже было поздно.

Тормасовъ, увидя изъ-за лѣсу казаковъ, думалъ, что весь корпусъ за оными слѣдуетъ, почему рѣшился, не дождавшись, атаковать непріятеля въ превосходныхъ силахъ и пошелъ вдоль буерака искать мѣста для удобнѣйшаго перехода черезъ оный. Непріятель тоже пошелъ по другой сторонѣ оврага. Какъ скоро можно было перейдти оный, Тормасовъ атаковалъ Костюшку. Начало обѣщало успѣхъ: кавалерія непріятельская не могла выдержать дѣйствія нашей артиллеріи и отступила за пѣхоту. Тормасовъ бросился на оную, но, по превосходству силъ непріятеля и крѣпкой его позиціи, Тормасовъ совершенно былъ разбитъ, потерялъ всѣ пушки, и съ малымъ числомъ едва самъ спасся.

Денисовъ, видя, что послѣ разбитія Тармасова весь его отрядъ сталъ уже слабѣе непріятельскаго, ретировался къ Казимиру. На другой день, то-есть 26, прибылъ къ Денисову полковникъ Чичеринъ съ 5-ю эскадронами, 2-мя ротами егерей, однимъ казачьимъ полкомъ и 5-ю орудіями. Получивъ сіе подкрѣпленіе, Денисовъ пошелъ опять къ Скальмирцу.

Какъ скоро Поляки въ Варшавѣ узнали о одержанной Костюшкою побѣдѣ, и объявлена была его прокламація, то оная въ ту же ночь прибита была ко всѣмъ домамъ, и революція вспыхнула.

Съ давняго времени въ варшавскомъ арсеналѣ работали день и ночь, заготовляли снаряды и патроны. Барону Игель-

строму не приходило и на мысль узнать, что́ тамъ дѣлается. Поляки увѣрили генерала, что войска польскія готовы вмѣстѣ съ русскими защищать городъ отъ революціи; Игельстромъ слѣпо имъ повѣрилъ. Польскія войска въ Варшавѣ были слѣдующія: 2 батальона коронной гвардіи, 2 батальона полка Дзелинскаго, рота венгерской гвардіи, 3 роты канонеровъ, 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ, 80 человѣкъ минеровъ и саперовъ, 3 роты охранной казны, 4 эскадрона конной гвардіи, 2 эскадрона *народо́вой* кавалеріи, 3 эскадрона королевскихъ уланъ.

Расположеніе польскихъ войскъ, сдѣланное ихъ генераломъ Чиховскимъ, по согласію генералъ-майора Апраксина[205]), занимавшаго должность дежурнаго генерала, было таково: въ арсеналѣ 1 батальонъ гвардіи, 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ и одна рота канонеръ; у пороховаго магазина 1 батальонъ гвардіи, 2 роты канонеръ, полкъ королевскихъ уланъ. Прочія польскія войска должны были оставаться въ своихъ казармахъ. Сіе расположеніе было измѣнническое, подъ видомъ, чтобы сіи пункты защищать отъ черни народной, но настоящая была цѣль, чтобъ удобнѣе противу насъ дѣйствовать.

За откомандированіемъ въ разныя мѣста русскихъ войскъ, въ самомъ городѣ было ихъ 9 батальоновъ, 6 эскадроновъ, 300 казаковъ и 18 орудій полевой артиллеріи, кромѣ полковыхъ пушекъ. Расположеніе войскъ было таково: кромѣ караула при главной квартирѣ, двѣ роты расположены на квартирахъ близь оной; прочія войска поставлены были на квартирахъ, въ разныхъ частяхъ города по одному батальону съ 2 орудіями; между ними, небольшими частями, кавалерія, для совокупнаго сношенія и поданія помощи одной части войскъ съ другою. Поляки, чтобъ узнать сіе располо-

---

[205]) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 1756 г., ум. 1827 г. *М. Л.*

женіе, неоднократно дѣлали фальшивыя тревоги, а потому взяли свои мѣры, чтобы прервать сіе сцѣпленіе. Егерскій батальонъ Клугена поставленъ былъ на мѣстѣ, называемомъ *Три кроля*, чтобы не пропускать Дзелинскаго изъ казармъ. Бригада генералъ-майора Милашевича расположена была близь онаго.

Баронъ Игельстромъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія: остаться ли въ Варшавѣ, или со всѣми войсками идти разбить Костюшку и тѣмъ при самомъ началѣ задушить революцію?

Причины не оставлять Варшаву были слѣдующія:

1) Единственно изъ варшавскаго арсенала могутъ польскія войска быть снабжаемы, безъ чего Костюшко, не имѣя потрёбныхъ снарядовъ, долженъ вскорѣ разными русскими и прусскими отрядами быть истребленъ. 2) Ежели оставить Варшаву, всѣ польскія войска, соединясь, присовокупя къ тому вольницу варшавской буйной черни, составятъ значительный корпусъ. 3) Въ Варшавѣ есть главное мѣсто непремѣннаго правленія, преклоннаго къ намъ, которое, какъ и всѣ приверженные къ Россіи, подвергнутся опасности, преданные въ руки непріязненной партіи. 4) Король не можетъ остаться безъ насъ въ Варшавѣ, а пожелаетъ ли онъ выѣхать съ нашими войсками? Если же онъ поѣдетъ, то какая будетъ тягость за собою возить и оберегать его?

Совѣтъ, внявъ сіи обстоятельства, рѣшительно положилъ: остаться въ Варшавѣ.

За нѣсколько дней до 6 апрѣля, казалось, все успокоилось. Однакожь была молва, что, наканунѣ вечеромъ, изъ арсенала въ окошки выброшено было для черни до 50,000 патроновъ.

6-го апрѣля 1794 г., въ четыре часа утра, небольшой отрядъ конной польской гвардіи выступилъ изъ казармъ и напалъ на нашъ караулъ, поставленный между сими казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Караулъ

выстрѣлилъ два раза изъ пушекъ, принужденъ оставить ихъ и отступить, а польскій тотъ отрядъ, подрубивъ у лафетовъ колеса, возвратился въ казармы. Послѣ сего вся конная гвардія выступила; часть отправилась къ арсеналу, а другая къ пороховому магазину. Сею атакою началось непріятельское дѣйствіе. Вскорѣ сигнальными пушечными выстрѣлами изъ арсенала дали знать: польскимъ войскамъ быть на назначенныхъ мѣстахъ, а черни собираться.

Изъ арсенала выдавали черни ружья и сабли; во всемъ городѣ было слышно: *до брани! ратуйте отчизну!*

Народъ занялъ дома, близь которыхъ расположены были наши войска; изъ окошекъ стали по нимъ стрѣлять, бросать каменья и все чѣмъ ни попало. Многіе офицеры не могли прибыть къ своимъ командамъ; сношеніе нашихъ войскъ было прервано; рѣдкія генеральскія приказанія доходили къ кому посланы. Полкъ Дзелинскаго обошелъ постъ батальона Клугена другою улицей и атаковалъ генералъ-майора Милашевича, который при самомъ началѣ былъ раненъ. Полковникъ князь Гагаринъ былъ раненъ и потомъ народомъ убитъ. Войска наши не скоро собрались на назначенныя мѣста, и разстройство сдѣлалось общее. Квартира барона Игельстрома была атакована со всѣхъ сторонъ. Хотя неоднократно возмутители были отражаемы, но число ихъ безпрестанно умножалось. Одинъ только батальонъ майора Вимпфена прибылъ къ генералу, да подъ вечеръ пробился съ батальономъ майоръ Титовъ. При главной квартирѣ находились: генералъ-поручикъ Апраксинъ, генералъ-майоръ гр. Н. Зубовъ[206]), генералъ-квартирмейстеръ Пистеръ.

---

[206]) Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, оберъ-шталмейстеръ, род. 24 апрѣля 1763 г., ум. 9 августа 1805 г. Онъ былъ женатъ на дочери Суворова Натальѣ Александровнѣ, род. 1775 г., ум. 30 марта 1844 г. *М. Л.*

Въ началѣ сраженіе происходило на Сенаторской улицѣ и у дома, занимаемаго главнокомандующимъ; по многимъ атакамъ и отраженіямъ, наши войска заняли дома коммиссіи. Отъ короля присланъ былъ генералъ Бишевскій съ предложеніемъ, что въ Варшавѣ будетъ усмирено, ежели Игельстромъ съ войскомъ выступитъ. Съ отвѣтомъ генералъ послалъ своего племянника, подполковника Игельстрома, который и поѣхалъ вмѣстѣ съ Бишевскимъ, но народъ его умертвилъ. Послѣ чего король опять прислалъ сказать, что ежели Игельстромъ желаетъ выступить изъ Варшавы, то онъ безъ оружія можетъ выйдти, и назначено ему будетъ по какимъ улицамъ проходить; на сіе предложеніе не дано было отвѣта. Весь тотъ день сраженіе продолжалось.

На другой день поутру сраженіе опять возобновилось, но непріятель вездѣ былъ отраженъ. Послѣ полудня снова начались нападенія. Безпрепятственно, съ небольшою потерей, можно было бы, оставя Варшаву, соединиться со всѣми войсками; но Игельстромъ никакъ не хотѣлъ оставить ни города, ни дома, въ которомъ онъ жилъ. Прочія наши войска въ разныхъ частяхъ города, не получая никакого приказанія, претерпѣвали пораженіе. Генералъ-майоръ Новицкій вывелъ нѣкоторые батальоны въ Іерусалимскіе ворота къ парку нашей артиллеріи, стоявшей у Воли; многіе батальоны сами собою къ оной присоединились, оставя генерала въ самомъ критическомъ положеніи. Генералъ-артиллеріи Тищевъ былъ убитъ. Прусскій генералъ Волки́, начальствовавшій войсками близь Варшавы, прибылъ къ оной, имѣя съ собою не болѣе тысячи человѣкъ, и расположился у кладбища, по правую сторону пороховаго магазина.

Въ ночи на 8-е число сожгли всѣ бумаги, находившіяся въ канцеляріяхъ генерала. Лишь только стало разсвѣтать, Поляки начали атаку. По сему наши принуждены были, оставя домъ генерала, занять дворъ коммиссіи. Всѣ окружныя улицы наполнены были непріятельскою артиллеріей,

войсками и чернію. Макрановскій прислалъ парламентера и требовалъ, чтобы генералъ, положа оружіе, сдался на дискрецію. Оставалось нашихъ войскъ не болѣе четырехъ сотъ человѣкъ, и при оныхъ четыре полковыя пушки. И такъ рѣшились пробиваться.

Майоръ Батуринъ, видя еще нѣкоторое въ рѣшимости колебаніе, сказалъ: «Извольте идти за мной». Пустя двѣ пушки впередъ, пошли по улицамъ: Свентоярской, Сакротинской и Фавориткѣ, къ заставѣ Повонской. Пушки впереди очищали нашимъ путь, а заднія двѣ пушки прикрывали отступленіе, но на всякомъ шагу должны были выдерживать сильный пушечный и ружейный огонь, особливо изъ домовъ; и такъ наконецъ соединились съ прусскими войсками. Отдохнувъ въ деревнѣ Бабичѣ до четырехъ часовъ пополудни, наши отошли въ Модзинъ къ Вислѣ, милю отъ Варшавы, гдѣ и ночевали. Сабурову, прикрывавшему госпиталь, приказано было идти къ Новигроду, на устье Наревы, гдѣ ему и переправиться. Туда прибыли еще три роты Петербургскаго полка. 9-го числа наши прибыли въ деревню Счерскъ; тамъ только Игельстромъ узналъ, что съ Новицкимъ вышедшія войска чрезъ Карчевъ въ Ловичахъ (Сендомирскаго воеводства) присоединились къ прочимъ нашимъ войскамъ.

Баронъ Игельстромъ получилъ повелѣніе ѣхать въ свои деревни въ Лифляндію, а войска поручены въ командованіе генералъ-поручику Ивану Астаѳьевичу Ферзену.

Въ самый день революціи въ Варшавѣ, Поляки отправили прокламацію Костюшки во всю Польшу и Литву, а равно увѣдомленіе о происшедшихъ обстоятельствахъ.

Въ Вильнѣ заранѣе гетманъ Косаковскій предувѣдомлялъ генералъ-майора Арсеньева, что готовится революція, чтобъ онъ былъ остороженъ и взялъ свои мѣры; но тотъ былъ въ интригѣ съ паньею Володковичевою: какъ къ ней, такъ и ко всѣмъ Полякамъ имѣлъ слѣпую довѣренность, смѣялся со всѣми ими о страхѣ Косаковскаго, который наконецъ

писалъ къ нему: «что 5-й и 7-й Литовскіе полки идутъ въ Вильну, и что онъ насилу могъ отъ нихъ уѣхать и будетъ самъ съ приверженными въ Вильну часа черезъ два». Случилось сіе вечеромъ, когда у Арсеньева были всѣ мнимые его друзья Поляки. Онъ показалъ имъ записку Косаковскаго; тѣ увѣрили его, что то была совершенная ложь; но когда разъѣхались, Косаковскій пріѣхалъ ночью въ Вильну и тотчасъ послалъ за Арсеньевымъ, но уже было поздно. Ударили въ набатъ; Поляки бросились на гауптвахту и на сонныя квартировавшія наши войска. Полки Нарвскій и Псковскій большею частію были захвачены въ плѣнъ, а сопротивлявшихся умерщвляли безъ всякой пощады. Самого генерала Арсеньева взяли на чердакѣ, спрятавшагося за трубу; въ числѣ плѣнныхъ взятъ былъ и полковникъ Языковъ. Косаковскаго взяли на квартирѣ, но онъ защищался храбро до тѣхъ поръ, пока выстрѣлилъ всѣ бывшіе съ нимъ заряженные пистолеты и многихъ нападавшихъ на него убилъ и ранилъ. На другой день его повѣсили[207]).

Артиллеріи капитанъ Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ, къ счастію, по первому удару въ набатъ, вскорѣ ушелъ къ своимъ двумъ ротамъ артиллеріи, стоявшимъ на Погулянкѣ, и нашелъ всю свою команду готовую у орудій. Къ нему мало-по-малу стали прибѣгать отъ сказанныхъ полковъ нѣкоторые офицеры и нижніе чины, и собралось ихъ до 700 человѣкъ. Онъ подступилъ къ городу и сталъ оный канонировать; Поляки хотѣли было его атаковать, но видя устройство его войскъ, опасались. Поляки потребовали отъ Ар-

---

[207]) Когда Косаковскій поспѣшалъ къ Вильнѣ, на небольшой рѣчкѣ подломился подъ нимъ ледъ, и онъ едва не утонулъ. По сему случаю надписали на висилицѣ его: *Co ma wisiec ne utonie*, то-есть: «Кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ». Должно сказать, что Поляки имѣли справедливую причину его ненавидѣть; дѣйствительно, онъ былъ измѣнникъ своему отечеству, а при томъ ни одинъ человѣкъ изъ Русскихъ не сдѣлалъ столь много озлобленія Полякамъ, какъ онъ.

сеньева, чтобъ онъ приказалъ Тучкову остановить канонаду, но тотъ отказался, а принудили полковника Языкова, чтобъ онъ отъ имени генерала послалъ таковое приказаніе. Тучковъ, получа сіе предписаніе, отвѣчалъ, что пока генерала лично не увидитъ, то приказа не послушаетъ, и требовалъ, чтобы его ему выдали. Но какъ начало разсвѣтать, и онъ увидѣлъ, что польскіе полки собрались и вывезли изъ своего арсенала артиллерію, то, по малому числу своихъ войскъ, ретировался онъ къ Гроднѣ и прибылъ туда благополучно безъ малѣйшей потери, хотя при началѣ жарко былъ преслѣдуемъ.

Въ Гроднѣ командовалъ генералъ-майоръ князь Пав. Дмитр. Циціяновъ[208]). Какъ человѣкъ разумный и съ воинскими особливыми дарованіями, онъ былъ остороженъ и содержалъ войска въ должномъ порядкѣ, и потому тотчасъ по дошедшей молвѣ принялъ свои мѣры: дождавшись Тучкова, взялъ съ Гродны контрибуцію, занялъ крѣпкую позицію и оставался тамъ до времени.

Между тѣмъ Поляки предались совершенно духу французской революціи. Многіе знатные Поляки были перевѣшаны, въ числѣ которыхъ: князь Масальскій, бискупъ Виленскій, Ожаровскій и Четвертинскій. Колонтай игралъ роль Робеспьера: хотѣлъ было всѣхъ Русскихъ перерѣзать, но Костюшко, завременно прибывъ въ Варшаву, до злодѣйства сего не допустилъ. Послѣ, когда уже Прага, предмѣстіе Варшавы, Русскими была взята и передъ занятіемъ самой Варшавы, Колонтай ушелъ съ большою суммой денегъ.

Костюшко наименованъ былъ главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью. Наскоро формировалъ онъ войска,

---

[208]) Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціяновъ, генералъ отъ инфантеріи и главнокомандующій въ Грузіи, род. 1754 г. Этотъ знаменитый полководецъ былъ измѣннически убитъ старшинами города Баку, 8 февраля 1806 г. *М. Л.*

умноживъ регулярные полки вольницею, такъ что въ каждомъ полку былъ тройной комплектъ. Кавалерію паны снабдили хорошими лошадьми, отдали всѣхъ своихъ охотниковъ, которые были искусные стрѣлки; войска усилили «посполитымъ рушеніемъ», то-есть: всѣ шляхтичи, живущіе наподобіе однодворцевъ,—а въ Польшѣ ихъ многое множество,—должны были вооружиться; сверхъ того набраны были крестьяне: не имѣвшіе достаточнаго оружія, они вооружены были косами наподобіе пикъ. Съ главнѣйшими силами Костюшко пошелъ противъ Ферзена, къ которому король Прусскій присоединился съ значительнымъ корпусомъ. Зайончекъ назначенъ былъ противиться со стороны Красной Россіи. Въ Литвѣ начальствовали: Вавржецкій, Гедройчъ и Бѣлякъ, командовавшій татарскими полками (сіи Татары поселены были въ Виленскомъ воеводствѣ и отчасти въ Гродненскомъ, и снабдили 16 эскадроновъ). Но всѣ сіи польскіе генералы, ни теоретической, ни практической войны не знали; послѣ Костюшки считался у нихъ лучшимъ Домбровскій, служившій въ саксонской службѣ полковникомъ.

Описавъ польскую революцію, приступаю къ описанію военныхъ дѣйствій.

Полковникъ Рарокъ, командующій авангардомъ отряда г. п. Загряжскаго, донесъ, что Поляки поутру въ 4 часа, въ числѣ тысячъ восьми и болѣе, заняли, отъ Дубенки верстахъ въ двухъ, ту самую позицію, которую занималъ Костюшко противъ арміи Каховскаго, и что уже съ его казаками начали перестрѣлку. Весь нашъ отрядъ состоялъ изъ 10 батальоновъ, 12-ти эскадроновъ, 1 полка Донскихъ казаковъ и 10-ти орудій полевой артиллеріи.

Не снимая лагеря, весь отрядъ выступилъ къ Дубенкѣ; пока оный приближался, Поляки выслали эскадрона четыре на шармицель, но какъ скоро усмотрѣли, что два батальона обходятъ ихъ позицію, а отрядъ шелъ прямо къ нимъ въ лицо, то они и ретировались къ лѣсу, а потомъ и совсѣмъ

ушли къ Хелму. Плѣнные показали, что то была рекогносцировка, но польскія войска у Хелма были въ большомъ числѣ подъ командою генерала Зайончека.

Черезъ день послѣ незначащаго сего дѣла, прибылъ съ корпусомъ генералъ-поручикъ Дерфельденъ [209]). Такъ какъ онъ былъ старѣе въ чинѣ Загряжскаго, то онъ и поступилъ къ нему въ команду. Авангардъ порученъ генералъ-майору гр. Валеріяну Зубову; онъ составленъ былъ изъ 4-хъ батальоновъ, 6-ти эскадроновъ, 1 полка Донскихъ козаковъ и 4-хъ орудій полевой артиллеріи; весь корпусъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 15 тысячъ человѣкъ.

На другой день пошли атаковать Зайончека, бывшаго при Хелмѣ (разстояніемъ отъ насъ верстахъ въ тридцати), двумя колоннами, а для облегченія марша—разными дорогами. Я командовалъ авангардомъ колонны генерала Загряжскаго; дорога черезъ лѣсъ была чрезвычайно дурна и разстояніемъ далѣе той, по которой пошелъ Дерфельденъ. Мы пришли спустя часъ, когда началось дѣло. Лишь только вступили мы въ линію и открыли канонаду противъ построеннаго редута съ артиллеріею и прикрытаго косіонерами, Поляки, оставя редутъ, побѣжали, но орудія успѣли увезти; одно только увязло въ болотѣ, которое взялъ нечаянно Низовскаго полка адъютантъ Гололобовъ. Стоящимъ на правомъ флангѣ легкоконнымъ двумъ полкамъ велѣно было атаковать *народовую* кавалерію, прикрывавшую бѣжавшихъ косіонеровъ. Положеніе мѣста было болотистое, къ намъ клиномъ сузившееся, а къ непріятелямъ шире; за симъ болотомъ былъ ложементъ, въ которомъ помѣщенъ былъ непріятельскій батальонъ. Лишь только полки наши пошли въ атаку, какъ болото заставило ихъ тѣсниться къ флангамъ,

---

[209]) Вильгельмъ Христофоровичъ Дерфельденъ, генералъ отъ кавалеріи, родомъ эстляндецъ; род. 1735 г., ум. 3 сентября 1819 г. Онъ былъ любимецъ Суворова. *М. Л.*

почему и разстроились; изъ ложемента открытъ былъ по нихъ ружейный огонь; *народовая* кавалерія ударила на оба фланга и обратила нашихъ въ бѣгство; Дерфельденъ велѣлъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ ядрами по непріятелямъ и своимъ, что̀ заставило нашихъ остановиться, а непріятелей ретироваться. Тѣмъ и дѣло кончилось, съ небольшою нашею потерей. У непріятеля убито было болѣе трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ полковникъ, занимавшій редутъ; много взято въ плѣнъ косіонеровъ, которые, какъ неохотно сражавшіеся, отпущены по домамъ.

Случилось мнѣ съ подполковникомъ Мейеромъ проѣзжать мимо базиліянскаго монастыря въ Хелмѣ, отъ мѣста сраженія верстахъ въ трехъ. У сего монастыря поставлены были маленькія чугунныя 4 пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время церковныхъ праздниковъ и каковыя у всѣхъ почти польскихъ костеловъ бываютъ, и которыя послѣ положены были на мужицкую телѣгу и съ лафетами. Мейеръ сказалъ мнѣ: «поѣдемъ поскорѣе, чтобы не подумали, что мы хотимъ присвоить себѣ честь взятія сей страшной батареи». Но представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ реляціи, что сію батарею взялъ майоръ Шепелевъ, за что̀ данъ ему былъ георгіевскій крестъ. Какъ поносно начальству дѣлать таковое злоупотребленіе и безчестить сей почтенный орденъ! Но къ несчастію, не одинъ сей былъ таковой примѣръ: люди достойные и дѣйствительно заслужившіе бывали безъ всякаго награжденія, потому что не хотѣли подличать, а самохвалы и подлые льстецы были осыпаемы почестями.

На другой день пошли вслѣдъ Зайончека въ Красный Ставъ; но онъ такъ скоро бѣжалъ, что не могли его настичь, и онъ переправился черезъ Вислу при Пулавѣ, имѣніи князя Чарторижскаго, который много способствовалъ къ поощренію революціи, снабжая Костюшку деньгами. Не доходя до оной десять верстъ, корпусъ остановился. Дерфельденъ имѣлъ повелѣніе имѣній Чарторижскихъ не щадить,

для чего Пулава была разграблена до основанія. Сады и парки не уступали расположеніемъ и красотою Царскому Селу; богато украшенный огромный домъ разоренъ, картины изорваны, библіотека, состоявшая изъ 40 тысячъ волюмовъ, вся истреблена, такъ что никто ни однимъ полнымъ сочиненіемъ не воспользовался, кромѣ подполковника С. Н. Щербачева, которому удалось приготовленные, видно, для отправленія два ящика съ лучшими изданіями французскихъ книгъ себѣ присвоить. Натуральный кабинетъ весь былъ разбитъ, а превосходное собраніе окаменѣлостей все раздроблено.

Тутъ получили отъ Прусскаго короля увѣдомленіе, что онъ, соединивъ свою армію, состоявшую изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ корпусомъ Ферзена, разбилъ Костюшку подъ Песочнымъ, преслѣдуетъ его и приглашаетъ Дерфельдена перейдти Вислу и преградить отступленіе Костюшкѣ къ Варшавѣ. Мы съ восхищеніемъ были уже готовы сіе исполнить, какъ получили повелѣніе отъ князя Репнина, коему поручено главное начальство надъ войсками: поспѣшить къ Несвижу, несмотря ни на какія обстоятельства, ибо граница Россіи угрожается сильными мятежными войсками. Почему Дерфельденъ, ко всеобщему огорченію, принужденъ былъ, во исполненіе того ордера, на другой день выступить.

Не доходя до мѣстечка Брестовичъ, узнали, что генералъ Макрановскій расположенъ былъ съ корпусомъ въ 10-ти миляхъ отъ нашего пути. По сему извѣстію, графъ Зубовъ выпросилъ позволеніе съ своимъ авангардомъ атаковать его; но приближась къ нему мили за четыре, узналъ, что онъ нарочито силенъ, и просилъ подкрѣпленія,—для чего Загряжскій съ своимъ отрядомъ былъ посланъ. Какъ графъ Зубовъ былъ генералъ-майоръ, то и хотѣлъ, чтобы Загряжскій принялъ начальство, а тотъ отъ того отговаривался тѣмъ, что посланъ только его подкрѣпить. И такъ не согла-

свсь между собою, оба возвратились въ корпусъ и продолжали маршъ до Слонима.

Пробывъ тамъ нѣсколько дней, князь Репнинъ приказалъ оставить для прикрытія россійскихъ границъ генералъ-майора Лассія съ 4-мя батальонами и 6-ю эскадронами, а всему корпусу идти къ Вильнѣ: ибо генералъ-майоръ Кноррингъ безуспѣшно атаковалъ оную, и Поляки сильно ему противились. Но едва дошли къ рѣкѣ Нѣману, при мѣстечкѣ Бѣлицѣ, получили донесеніе отъ Лассія, что онъ атакованъ Сираковскимъ съ коронным войскомъ, татарскими полками Бѣляка и посполитымъ рушеніемъ, всего до 18 т. человѣкъ. Почему генералъ-поручикъ Загряжскій командированъ съ своимъ отрядомъ идти форсированнымъ маршемъ на сикурсъ. Отъ Бѣлицъ до Слонима около 12 нѣмецкихъ миль; мы шли почти безъ роздыху и черезъ 22 часа подъ Слонимомъ соединились съ Лассіемъ. Поляки хотѣли переправиться черезъ рѣку Щару по плотинѣ, простирающейся на версту и на которой устроена была большая мельница, нашими тогда сожженная. Не взирая на несоразмѣрныя силы и храбрый напоръ Поляковъ въ продолженіе 8-ми часовъ, храбрая защита плотины полковникомъ Коновницынымъ [210]) съ его Старооскольскимъ полкомъ сдѣлала покушенія ихъ тщетными. Съ другой стороны Щары, непріятельскою батареей, устроенною изъ 20 орудій, много убито у насъ людей: однихъ канонеровъ въ Старооскольскомъ полку убито три комплекта. Непріятель, видя безуспѣшное усиліе переправиться, къ вечеру уже прекратилъ канонаду и отступилъ версты на двѣ отъ рѣки. Лассій тоже отступилъ на недальнее разстояніе къ опушкѣ лѣса и посылалъ своихъ людей небольшими частями показываться въ разныхъ мѣ-

---

[210]) Который былъ потомъ генераломъ отъ инфантеріи и дежурнымъ генераломъ главнаго штаба императора и въ томъ званіи умеръ.

стахъ изъ-за лѣса, чѣмъ заставилъ Поляковъ думать, что онъ получилъ подкрѣпленіе.

По соединеніи корпуса, положено было въ совѣтѣ, чтобы въ ту же ночь перейдти Щару у Жировицкаго Базиліянскаго монастыря, вверхъ отъ Слонима въ 5-ти верстахъ, и зайдти непріятелю въ тылъ; для чего, какъ я былъ за оберъ-квартирмистра, позвали меня для сдѣланія должнаго распоряженія и чтобы приготовить проводниковъ. Я, квартируя въ Слонимѣ зиму и будучи псовый охотникъ, всѣ мѣстоположенія зналъ; зналъ и то, что отъ Слонима по правой сторонѣ къ Жировицамъ были непроходимыя зыби, и, чтобъ оныя обойдти, надобно было окружить по крайней мѣрѣ верстъ 40. Генералы усомнились; приказано было, по обыкновенію, представить Жидовъ, чтобъ отъ нихъ о томъ развѣдать. Жиды мое показаніе утвердили, почему планъ сей былъ оставленъ. Мнѣ приказано было построить портативный мостъ; Щара тутъ была шириною саженей четырнадцать, глубиною аршинъ около трехъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и глубже. Черезъ два дня мостъ былъ готовъ, положенъ на воловыя фуры, и опредѣленъ къ оному Херсонскаго полка корнетъ, казалось, человѣкъ исправный.

Дерфельденъ и самъ съ корпусомъ возвратился и увѣдомилъ, что онъ намѣренъ сдѣлать обходъ, зайдти непріятелю съ тыла, и что когда дастъ знать, тогда Загряжскій, переправясь по приготовленному мосту, атаковалъ бы его въ лицо, въ ожиданіи же того предупредительнаго повелѣнія корпусъ былъ бы въ ежеминутной готовности.

Вмѣсто того чтобы зайдти съ тылу и заранѣе дать намъ знать, Дерфельденъ шелъ по другой сторонѣ Щары отъ Деретчина, и мы, не бывъ извѣщены, увидѣли уже его аванпостъ казаковъ, вступившихъ съ непріятелемъ въ перестрѣлку. Корпусъ выстроился, но мостъ замедлилъ двинуться къ назначенному мѣсту переправы. Я приказалъ сказанному опредѣленному къ мосту офицеру, чтобы повозчиковъ ни-

куда не отпускалъ и воловъ кормилъ бы у самыхъ фуръ, но онъ въ точности того не исполнилъ, въ чемъ, безъ всякаго оправданія, была моя оплошность: ибо, положась на подчиненнаго, я самъ надъ нимъ не надсматривалъ. Однакожъ наконецъ мостъ былъ поставленъ; я первый съ двумя гренадерскими ротами и двумя орудіями по оному переправился, а за мной и весь отрядъ; но Дерфельдена корпусъ насъ опередилъ. Впрочемъ, ежели бы моею оплошностію мы и не промѣшкали, все бы не успѣли атаковать непріятеля прежде Дерфельдена и помѣшать ретирадѣ Сираковскаго, который, видя превосходящія его силы, наступающія на его флангъ, ретировался за дифелеи къ Кобрину.

Дерфельденъ жаловался князю Репнину на Загряжскаго, что онъ причиною того, что непріятеля упустили, а какъ тотъ расположенъ былъ лучше къ Дерфельдену, нежели къ Загряжскому, то, не разобравъ обстоятельства, дѣлалъ послѣднему строгіе и несправедливые выговоры, почему Загряжскій отпросился и поѣхалъ въ Россію. По короткому обхожденію бывшаго моего командира съ графомъ Зубовымъ, онъ упросилъ его, чтобы позволилъ мнѣ быть при немъ волонтеромъ, на что̀ онъ съ большою ко мнѣ благосклонностію согласился. И такъ я сталъ волонтеръ противъ воли.

При графѣ Зубовѣ было насъ волонтеровъ однихъ штабъ-офицеровъ человѣкъ съ сорокъ; мнѣ было тогда двадцать семь лѣтъ, а лѣтами я былъ всѣхъ старѣе. Въ числѣ оныхъ былъ графъ П. Х. Витгенштейнъ[211]) и А. П. Ермоловъ[212]). Мнѣ было пріятно то, что я жилъ во все продолженіе кампаніи у полковника Рарока, бывшаго съ полкомъ въ авангардѣ у графа. Такъ какъ я не имѣлъ своего эки-

---

[211]) Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, генералъ-фельдмаршалъ, род. 25 декабря 1768 г., ум. 30 мая 1843 г. *М. Л.*

[212]) Знаменитый Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. *М. Л.*

пажа, то до сего во всемъ нуждался, а тогда я уже былъ какъ бы у себя и во всемъ имѣлъ изобиліе.

Князь Репнинъ предписалъ Дерфельдену, чтобъ онъ остался въ Слонимѣ и находящагося за дефилеями, расположеннаго при Кобринѣ, Сираковскаго атаковать не осмѣливался. Тутъ представъ случай, чрезъ который князь Багратіонъ пріобрѣлъ славу, искавъ смерти. Какъ заслуги его были столь велики и столь извѣстны, то я о семъ умолчу; но въ послѣдствіи кампаніи онъ съ эскадрономъ бросался въ преслѣдованіе Гедройча и Вавржецкаго съ такою отчаянною храбростію, что одинъ разъ въ преслѣдованіи непріятельскаго арьергарда подъ вечеръ заѣхалъ въ непріятельскій лагерь и навелъ ужасъ; нѣсколько разъ бросался на пѣхотныя колонны, за что въ одну сію кампанію справедливо получилъ владимірскій орденъ и чинъ[213]).

Между тѣмъ какъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, будучи въ Несвижѣ, боялся, чтобы Поляки не вторглись въ россійскія границы, Грабовскій съ небольшою партіей прокрался чрезъ Минскую губернію къ Бѣлоруссіи, думая, что тамъ недовольные россійскимъ правительствомъ возмутятся, а какъ войска оттолѣ всѣ были выведены, то симъ отважнымъ предпріятіемъ отвлечетъ русскія силы изъ Польши, въ чемъ онъ очень ошибся. Князь Циціяновъ, свѣдавъ о томъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ истребилъ его, не допустивъ до Рогачева.

Графъ Суворовъ, по порученію фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, увидѣвшаго худые успѣхи Русскихъ въ Польшѣ, собравъ корпусъ тысячъ въ двѣнадцать близъ Варковичъ, внезапно при Кобринѣ разбилъ Сираковскаго, который отступилъ къ Крупчицамъ на крѣпкую по-

---

[213]) Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1765 г., ум. 7 сентября 1812 г. отъ раны, полученной подъ Бородинымъ. *М. Л.*

зицію и получилъ сильное подкрѣпленіе, но и тамъ вторительно былъ истребленъ. Послѣ сего, не давая ни мало отдыха, Суворовъ истребилъ сильный корпусъ, бывшій у Брестъ-Литовскаго подъ командою Макрановскаго. Во всѣхъ оныхъ дѣлахъ 25 тысячъ человѣкъ Поляковъ съ ихъ артиллеріею какъ будто не бывало[214]). Онъ прошелъ въ три недѣли около пяти сотъ верстъ.

О всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ мы узнали вдругъ. Костюшко, увѣдомившись о сильномъ пораженіи его войскъ графомъ Суворовымъ, предписалъ всѣмъ бывшимъ польскимъ войскамъ въ Литвѣ, оставя оную, соединиться съ нимъ. Князь Николай Васильевичъ пересталъ страшиться и приказалъ Дерфельдену тѣснить отступающія литовскія войска. Скоро мы настигли оныя, и до самаго Бѣлостока ежедневно происходили арьергардныя дѣла, подавшія случай къ счастію, какъ я выше сказалъ, князя Багратіона.

Въ продолженіи нашихъ дѣйствій, король Прусскій съ соединенною арміей, безуспѣшно державъ Варшаву въ блокадѣ, отступилъ къ своимъ границамъ. Польскій генералъ Домбровскій преслѣдовалъ Прусскія войска съ постоянными выгодами. Ферзенъ[215]) потянулся вверхъ по Вислѣ.

Князь Репнинъ хотѣлъ тѣмъ окончить кампанію, и мы получили отъ него повелѣніе вступить въ квартиры. Но вдругъ графъ Суворовъ прислалъ ордеръ къ Дерфельдену, извѣщая, что Ферзенъ, переправясь черезъ Вислу, подъ Мацеевичами, разбилъ Костюшку и взялъ его самого въ плѣнъ, и что хотя Дерфельденъ съ корпусомъ и не состоитъ

---

[214]) При Брестѣ польскія войска стояли за рѣкою и городомъ, ожидая непріятеля съ большой дороги; но Суворовъ, оставя пѣхоту съ артиллеріею въ виду Поляковъ, самъ съ конницею ночью переправившись черезъ Бугъ, обошелъ и ударилъ на непріятеля въ тылъ; Поляки, изумленные, всѣ были истреблены.

[215]) Графъ Иванъ Евстаѳьевичъ Ферзенъ, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1799 г. *М. Л.*

у него въ командѣ, но чтобы симъ воспользоваться и однимъ ударомъ поразить гидру мятежа, Суворовъ именемъ ея величества повелѣваетъ форсированнымъ маршемъ гнать ретирующіяся литовскія войска и съ нимъ соединиться, а князю Репнину о томъ сообщить. Дерфельденъ колебался въ томъ повиноваться, но графъ Зубовъ настоялъ, и мы тотчасъ выступили. На пути прибыли въ корпусъ 700 казаковъ Черноморцевъ, которые поступили въ авангардъ; кошевой Чапега съ своимъ полковникомъ, обвѣшаннымъ крестами, явился въ команду къ графу и, проходя одно мѣстечко, увидѣвъ поросятъ, сказалъ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, видишь, какіе гладкіе поросята, чего глядишь?» Тотъ сейчасъ соскочилъ съ лошади, нѣсколько ихъ поймалъ, закололъ и положилъ къ себѣ въ торбу. Вотъ какія войска!

Мы уже настигли арьергардъ Гедройча при переправѣ его черезъ Бугъ, близь деревни Поповки, какъ Черноморцы донесли, что Поляки, переправившись, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егери съ пушкою и не допускаютъ Черноморцевъ тому воспрепятствовать. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ съ Софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми, при немъ бывшими, волонтерами; полковникъ Рарокъ, посадивъ своего полка гренадеръ на лошадей изъ фрунтоваго обоза, прискакалъ къ графу. Подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать, въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ: «Господа, разъѣзжайтесь: непріятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленною свитой, будетъ по немъ стрѣлять». Мы только-что отъ него отъѣхали, и я былъ отъ графа шагахъ въ десяти, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую, и то былъ отъ нихъ послѣдній выстрѣлъ. Графа отнесли въ лощину; со всѣхъ сторонъ собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ малѣйшей помощи. Я велѣлъ его

полка гренадерамъ положить его на плащъ и отнесъ его въ Поповку, въ господскій домъ, тутъ находившійся, куда послѣ операціи и графа перенесли. Такъ какъ не скоро сдѣлана была операція и много вытекло крови, то Рарокъ на другой день и умеръ.

При графѣ оставленъ былъ батальонъ егерей, а войска и всѣ волонтеры выступили, и на другой же день подъ Кобылкою присоединились къ арміи графа Суворова, въ соединеніи и бывшаго корпуса Ферзена, гдѣ я имѣлъ чрезвычайное удовольствіе прибыть къ своему полку, который былъ подъ начальствомъ прикомандированнаго подполковника Бибикова [216].

Нельзя умолчать случая, который послужить можетъ примѣромъ не бояться смерти, и что она находитъ свою жертву не тамъ, гдѣ ея ожидаютъ. Одинъ лифляндскій 4-й егерскій батальонъ командуемъ былъ подполковникомъ Шпарманомъ, человѣкомъ пожилымъ, небогатымъ, женатымъ и обремененнымъ большою семьей. Во время нашего похода онъ говорилъ, что такъ какъ онъ пойдетъ послѣ кампаніи въ отставку, то и не желаетъ рисковать своею жизнію, что ежели бы кто захотѣлъ принять его батальонъ снисходительно, то онъ радъ бы его былъ сдать, чтобы самому выпроситься въ отпускъ, впредь до отставки. Графъ Зубовъ былъ ко мнѣ благосклоненъ и обѣщалъ мнѣ доставить тотъ батальонъ, и у насъ съ Шпарманомъ почти сдѣлано было условіе. Но такъ какъ онъ съ симъ батальономъ оставался при графѣ и не подвергался опасности, то онъ мнѣ и отказалъ въ сдачѣ. Я былъ на прагскомъ штурмѣ, остался здоровъ, а онъ занемогъ горячкою и черезъ нѣсколько дней умеръ.

---

(216) Александръ Александровичъ Бибиковъ, сенаторъ, род. 1765 г., ум. 1829 г., второй сынъ знаменитаго дѣйствіями противъ Пугачева Александра Ильича Бибикова, командовавшій въ 1812 году с.-петербургскимъ ополченіемъ. *М. Л.*

22-го октября подошли мы къ предмѣстію Праги, укрѣпленному крѣпкимъ ретраншаментомъ, занятымъ 30 тысячами человѣкъ польскаго войска; но онъ былъ такъ обширенъ, что, чтобы хорошо оный защитить, по крайней мѣрѣ надобно было быть сильнѣе втрое. Въ ту же ночь заложено было нѣсколько батарей, и для прикрытія оныхъ ложементъ. 23-го числа канонировали ретраншаментъ, на что́ намъ отвѣчали,—безъ большаго вреда съ обѣихъ сторонъ.

Слабая сторона ретраншамента праваго фланга была со стороны Вислы, для чего между сею рѣкой и болотомъ, поросшимъ мелкимъ лѣсомъ, былъ отдѣльный, крѣпко укрѣпленный ретраншаментъ, верстахъ въ двухъ отъ главнаго, подъ начальствомъ полковника Яблоновскаго. Къ вечеру того дня, генералъ-майоръ Денисовъ съ 7-ю колонной, назначенною для штурма, получилъ повелѣніе обойдти то болото и остановиться далѣе пушечнаго выстрѣла, и чтобъ онъ, по общимъ сигналамъ для прочихъ 6-ти колоннъ, штурмовалъ отдѣльное то укрѣпленіе.

Мы подошли въ сумерки и остановились въ колоннѣ. Во время нашего марша, съ другой стороны Вислы, по насъ стрѣляли изъ пушекъ безъ малѣйшаго вреда.

Со мною былъ странный случай, подавшій поводъ къ разнымъ догадкамъ. Ночь была холодная и небольшой морозъ; легли мы нѣсколько соснуть и прикрылись соломою, которую нашли въ близь-находившемся хуторѣ. Поляки, усмотря насъ, во всю ночь стрѣляли свѣтлыми ядрами, чтобы не быть въ расплохъ атакованными. Лишь только я задремалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня ударилъ по ляшкѣ; я думалъ, что со мною хотѣлъ пошутить майоръ Арсеньевъ, и я ему сказалъ: «Полно, братъ, шалить, я было заснулъ.» Онъ говоритъ: «Лежи смирно, возлѣ тебя упала бомба.» А какъ нѣсколько времени прошло, бомба не разразилась и отъ трубки солома не загорѣлась, то я къ ляшкѣ протянулъ руку и ощупалъ каркасъ. Надобно

было думать, что уже онъ, вовсе потерявъ силу, подкатился ко мнѣ и остановился; но вѣроятнѣе, что глыба земли, въ которую онъ ударился, отбрызгнула и ударила меня.

По сдѣланной диспозиціи, по первой сигнальной ракетѣ войска должны были сформироваться въ колонны, по второй идти къ назначеннымъ пунктамъ и остановиться на пушечный выстрѣлъ, по третьей штурмовать. Первый сигналъ, видно, мы просмотрѣли; по второму встали, а по третьему тронулись, но уже услышали крикъ штурма и открывшійся огонь; почему въ ретраншаментѣ противу насъ Поляки, будучи предупреждены, встрѣтили насъ изъ всѣхъ дефензій сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, такъ что голова колонны остановилась на нѣсколько минутъ. Но Денисовъ велѣлъ принять влѣво по болоту, и мы по поясъ въ водѣ вошли въ ретраншаментъ, поражая бѣгущихъ къ Прагѣ, куда мы вошли уже въ порядкѣ. Тамъ мы нашли всѣхъ въ разбродѣ и на грабежѣ. Вскорѣ поставлены были батареи по берегу Вислы и открыли канонаду по Варшавѣ; мостъ Поляки успѣли разобрать.

Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончаніи онаго, надобно быть очевиднымъ свидѣтелемъ. До самой Вислы на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ, убитыхъ и умирающихъ: воиновъ, жителей, Жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ. При видѣ всего того сердце человѣка замираетъ, а взоры мерзятся таковымъ позорищемъ. Во время сраженія, человѣкъ не только не приходитъ въ сожалѣніе, но остервеняется; а послѣ убійство дѣлается отвратительно.

Ввечеру, оставя часть войска охранять Прагу, мы возвратились въ лагерь. Поляки потеряли на валахъ 13 тысячъ человѣкъ, ихъ которыхъ третья часть была цвѣтъ юношества варшавскаго; болѣе двухъ тысячъ утонуло въ Вислѣ; около 800 человѣкъ изъ гарнизона уцѣлѣло, перешедши

на другую сторону; 14,680 человѣкъ взято въ плѣнъ, изъ числа которыхъ восемь тысячъ на другой день отпущены въ домы; умерщвленныхъ жителей было несчетно. Русскіе потеряли 580 человѣкъ убитыми и 960 раненыхъ; пушекъ и мортиръ взято въ ретраншаментѣ 104.

25-го октября присланы были изъ Варшавы депутаты съ письмомъ отъ короля, которые представлены были графу Суворову. Побѣдитель сидѣлъ въ палаткѣ, разбитой на опроверженномъ ретраншаментѣ; деревянный отрубокъ былъ вмѣсто стула, а другой, повыше, вмѣсто стола. Графъ, какъ скоро увидѣлъ ихъ, бросилъ свою саблю и сказалъ: «Миръ, тишина и спокойствіе». Обнялъ пословъ, послы обнимали его колѣна и спрашивали: на какихъ угодно будетъ пунктахъ графу предписать капитуляцію польской столицѣ, повергающейся къ освященнымъ стопамъ Россійской монархини? Побѣдитель отвѣчалъ: «Жизнь, собственность, забвеніе прошедшаго, и моя государыня даруетъ миръ и спокойствіе». Послы, изумившись, возвратились въ Варшаву, ожидавшую ихъ съ трепетомъ. Они, еще не доѣзжая берега, кричали: «Покой! Покой»! Народъ въ восхищеніи бросился въ воду и вынесъ ихъ на рукахъ; въ радостныхъ крикахъ провожали ихъ въ Раду. «Виватъ императрица, виватъ Суворовъ»!—по всей Варшавѣ слышны были такіе клики.

Въ сію ночь въ Варшавѣ произошло волненіе; мятежники намѣревались вслѣдъ выступившимъ войскамъ насильно увезти короля и всѣхъ россійскихъ военно-плѣнныхъ; но народъ до того не допустилъ. Колонтай, похитя казну, въ ту же ночь скрылся.

Графъ Суворовъ, извѣстясь, что польскія войска не хотѣли сдаться и выступили къ Кракову, велѣлъ Денисову съ его колонною идти вверхъ по Вислѣ, переправиться черезъ оную у Гуры въ бродъ и преслѣдовать оныя. О походѣ ономъ сказано будетъ послѣ, а теперь скажу о вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву.

Генералъ-майору Буксгевдену [217]) приказано починить мостъ.

27-го октября прибылъ польскій подполковникъ Гофманъ, съ прошеніемъ осьмидневнаго срока на размышленіе. Суворовъ отвѣчалъ: «Ни минуты»! Черезъ часъ присланы Потоцкій и графъ Мостовскій съ письмомъ отъ короля, уполномочивавшаго начать переговоры о мирѣ. Побѣдитель сказалъ: «Съ Польшею у насъ войны нѣтъ, я не министръ, но военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ». Того же дня съ донесеніемъ императрицѣ о взятіи Варшавы посланъ былъ подполковникъ Бибиковъ.

29-го, въ девять часовъ утра, войска наши вступили въ Варшаву съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; графъ Суворовъ ѣхалъ въ простомъ мундирѣ. Какъ скоро побѣдитель съѣхалъ съ мосту, на самомъ берегу встрѣченъ былъ магистратомъ, купечествомъ и мѣщанами, съ хлѣбомъ и солью, и ему поднесли городскіе ключи. Графъ Суворовъ принялъ ихъ, поцѣловалъ и сказалъ: «Хорошо, что они дешевле достались, нежели тѣ», показавъ на Прагу. Улицы, по которымъ проходили побѣдители, усыпаны были народомъ, восклицавшимъ: «Виватъ Екатерина!» Виватъ Суворовъ!

У назначенной для графа Суворова квартиры ожидали его россійскіе плѣнные, генералъ-майоръ Милашевичъ и генералъ-майоръ Арсеньевъ (котораго потомъ наименовалъ онъ дежурнымъ генераломъ), 1376 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 500 Прусаковъ и 80 Австрійцевъ.

На другой день графъ Суворовъ посѣтилъ короля, а черезъ два дня польское величество назначилъ, что пріѣдетъ къ нему. Графъ приказалъ дежурному генералу написать церемоніялъ, какъ принимать короля, въ которомъ сказано

---

[217]) Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 сентября 1750 г., ум. 11 августа 1811 г. *М. Л.*

было: «Графскіе адъютанты встрѣтятъ его у кареты, дежурный генералъ у лѣстницы, а графу должно встрѣтить его передъ пріемною комнатой». Но лишь только сказали, что король ѣдетъ, графъ Суворовъ безъ шпаги и шляпы бросился встрѣчать къ каретѣ и сталъ было короля принимать подъ руки; но, остановясь, сказалъ: «Погодите, погодите; вѣдь, Николай Дмитричъ, по церемоніялу не тутъ я долженъ принять его величество; простите меня: я такъ почитаю освященную особу вашего величества, что и забылся». Оставя короля, онъ побѣжалъ въ домъ и принялъ его уже передъ пріемною.

Преслѣдованіе Поляковъ, ушедшихъ изъ Варшавы, болѣе похоже было на тріумфальное шествіе, чѣмъ на походъ; войска были во всемъ изобиліи. Въ началѣ они встрѣчали толпами Поляковъ, не хотѣвшихъ слѣдовать ихъ главному начальнику Вавржецкому; потомъ цѣлые эскадроны и батальоны клали оружіе, и находили оставленныя пушки. Въ мѣстечкѣ Опочнѣ казаки нашли 22 пушки съ ихъ зарядными фурами и около трехъ тысячъ ружей, и донеся о томъ генералу, отправились преслѣдовать далѣе. Какъ былъ прямѣйшій трактъ догнать бѣгущихъ, то Денисовъ отправился по оному, а взять сказанную артиллерію въ мѣстечкѣ Опочнѣ Денисовъ отрядилъ полковника Вольфа съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ и Козловскимъ пѣхотнымъ полками и батальономъ егерей. Пришедъ туда, нашли тамъ прусскаго майора Кроха, съ отрядомъ въ 800 человѣкъ, приставившаго караулъ къ сказаннымъ орудіямъ. Онъ, бывши въ недальнемъ разстояніи, узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, что Поляки оставили въ Опочнѣ упомянутыя орудія и, пришедъ туда, когда казаковъ тамъ уже не было, оныя присвоилъ себѣ. Полковникъ Вольфъ, прибывъ съ своимъ отрядомъ въ Опочню, требовалъ отъ прусскаго майора, чтобъ онъ тѣ орудія отдалъ намъ, какъ взятыя нашими казаками. Майоръ Крохъ отвѣчалъ, что, «когда онъ при-

былъ въ Опочню, ни одного казака тамъ не нашелъ и, по военному праву, взявъ оныя орудія въ свое вѣдѣніе, рапортовалъ о томъ королю, а затѣмъ отдать ихъ уже не можетъ». Вольфъ донесъ о томъ Денисову, который прислалъ ордеръ: «взять». Вольфъ показываетъ своего генерала ордеръ майору Кроху; но тотъ сказалъ, что «отрядъ его малосиленъ, а Русскихъ болѣе вчетверо, слѣдственно вы можете взять, но только вооруженною рукой и какъ непріятель, но добровольно я вамъ пушекъ не отдамъ». Вольфъ опять донесъ о семъ отвѣтѣ, и что онъ взять силою не осмѣливается, безъ точнаго на то повелѣнія. Денисовъ, думая, что Каменскій, подполковникъ егерскаго батальона, скорѣе исполнитъ его волю, поручилъ ему исполнить то, а Вольфа съ конно-егерскимъ полкомъ потребовалъ къ себѣ. Крохъ къ Каменскому идти не захотѣлъ, а тотъ употребилъ меня, чтобъ уговорить упрямаго прусскаго майора. Хотя я на свое краснорѣчіе не надѣялся, но долженъ былъ исполнить приказаніе. Крохъ мнѣ сказалъ: «Посудите сами: еслибы вы были на моемъ мѣстѣ и отрапортовали своему начальству, то могли ли бы отдать безъ повелѣнія онаго»? Возразить было нечего, и тогда онъ мнѣ показалъ письмо, полученное имъ отъ Денисова, сочиненное по-французски извѣстнымъ Копьевымъ [218]), такимъ вздоромъ наполненное, что мнѣ было стыдно, которое онъ въ оригиналѣ отправилъ къ королю. Между прочимъ было въ ономъ написано, что «видно Прусакамъ диковинка брать пушки, а Русскимъ не въ диковинку, даже ими и не уважаютъ», и проч... Споръ о сихъ пушкахъ доходилъ до короля и графа Суворова, и уже гораздо послѣ о томъ рѣшено. Когда сія распря о пушкахъ происходила, въ мѣстечкѣ Вартахъ Вавржецкій былъ окруженъ и принужденъ былъ сдаться со всѣми генералами и

[218]) Алексѣй Даниловичъ Копьевъ, авторъ извѣстной комедіи *Лебедянская ярмарка* (Спб. 1794 г.) *М. Л.*

войсками, которыхъ тотчасъ обезоружили. Послѣ сего вся армія заняла зимовыя квартиры; Козловскому полку назначены онѣ были за 18 миль отъ Варшавы по правую сторону Вислы.

За взятіе Варшавы, графъ Суворовъ пожалованъ фельдмаршаломъ, и присланъ былъ ему повелительный жезлъ[219]); многіе награждены были орденами и золотыми шпагами за храбрость, въ числѣ которыхъ и я удостоился получить шпагу; многіе произведены въ слѣдующіе чины; въ томъ числѣ и я, по рекомендаціи, за многія дѣла, въ которыхъ я былъ во время польской экспедиціи, пожалованъ подполковникомъ, послѣ семилѣтней моей службы въ премьеръ-майорскомъ чинѣ; всѣ штабъ и оберъ-офицеры награждены золотыми крестами на георгіевской лентѣ въ петлицу, съ надписью, съ одной стороны: *за труды и храбрость*, а съ другой: *Прага взята 1794 года 24 октября.* Солдаты получили медали.

Козловскій полкъ получилъ повелѣніе придти въ Варшаву и помѣщенъ былъ въ казармахъ близъ Лазенокъ, загороднаго королевскаго дворца.

Впервые мнѣ случилось быть подъ начальствомъ великаго полководца, графа Суворова. Онъ былъ тонкій политикъ и, подъ видомъ добродушія былъ придворный человѣкъ;

---

[219]) Суворовъ донесъ Екатеринѣ о взятіи Варшавы тремя словами: «Ура! Варшава наша!» Екатерина отвѣчала 19 ноября двумя словами: «Ура! фельдмаршалъ!» Кромѣ жезла съ бриллiантами, Екатерина пожаловала ему 7000 душъ, императоръ Австрійскій свой портретъ, а король Прусскій ленты чернаго и краснаго орла. Екатерина написала ему: «Вы знаете, что я не произвожу никого черезъ очередь... но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ». Дѣйствительно Суворовъ обошелъ девять генералъ-аншефовъ: графа И. П. Солтыкова, графа Н. И. Солтыкова, князя Н. В. Репнина, князя Ю. В. Долгорукова, графа И. К. Эльмта, князя А. А. Прозоровскаго, графа В. П. Мусина-Пушкина, М. Ѳ. Каменскаго и М. В. Каховскаго.

передъ всѣми показывалъ себя страннымъ, оригиналомъ, чтобы не имѣть завистниковъ; когда съ кѣмъ надобно было объясниться наединѣ, то сказывали, что онъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; сужденія его были основательны, а предпріятія чрезвычайно дальновидны, чтó опытъ доказалъ. Вырвались у него сказанныя моему пріятелю слова, показывающія правило, котораго онъ держался: «Pour parvenir, mon ami, il faut avoir la patience d'un cocu». (*Чтобы достигнуть, надобно быть терпѣливу, какъ рогоносецъ*[220]). Но какъ скоро онъ былъ втроемъ, то и принималъ на себя блажь. Совершенно зналъ языки: французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и турецкій. Въ угожденіе ему надобно было къ его странностямъ привыкнуть, не говорить: «не могу знать», «не могу доложить», даже и «не знаю». О всѣхъ таковыхъ онъ говаривалъ: «Боже упаси отъ немогузнаекъ; отъ нихъ бѣда; надобно все знать». Напримѣръ, вдругъ спроситъ кого: «Чтó султанъ дѣлаетъ»? надобно соврать чтó хочешь, только не говорить: «не знаю»; или напримѣръ: «Далеко ли отъ Варшавы до Праги»? скажи: «250 верстъ, 13 саженъ и 1 аршинъ», то онъ и доволенъ и говоритъ: «Вотъ настоящій человѣкъ: все знаетъ».

Военныя его дѣйствія всегда располагаемы были такъ, чтобы дѣйствовали на мораль людей, какъ на своихъ, такъ и на непріятелей. Визирь шелъ атаковать принца Кобургскаго и вѣрныя имѣлъ извѣстія, что Суворовъ былъ еще наканунѣ въ Берлатѣ, верстахъ около ста отъ принца. Какъ вдругъ вмѣсто Цесарцевъ увидѣлъ онъ себя атакуемаго Русскими; изумленіе было болѣе причиною побѣды, чѣмъ самая храбрость. Равно и разбитіе трехъ польскихъ корпусовъ. Поляки о самомалѣйшихъ нашихъ движеніяхъ имѣли скорыя и вѣрныя извѣстія; о Суворовѣ же и эхо

220) Въ этихъ словахъ намекъ на собственную судьбу Суворова. *П. Б.*

не касалось до ихъ слуха; ожидали отъ Русскихъ нападенія съ лица, вдругъ Суворовъ, какъ съ неба упалъ, поразилъ ихъ при Кобринѣ и, не давъ имъ образумиться, при Брестѣ и Крупицѣ. Хотя много оставлялъ онъ за собою усталыхъ, которые приходили на другой день или на третій, даже и позднѣе, но скорыми своими маршами и внезапностію всегда побѣждалъ. Генералы и военные съ дарованіемъ люди долго думали и приписывали всѣ дѣла его счастію; но уже въ италіянскую кампанію увидѣли въ немъ генія въ военномъ искусствѣ, и что всѣ баталіи, имъ выигранныя, и ни одна не проигранная, были обдуманы человѣкомъ, котораго никто постигнуть не могъ.

Суворовъ окружалъ себя людьми простыми, которые бы менѣе всѣхъ могли отгадать его; однакожъ отъ нихъ зависѣла участь служащихъ подъ начальствомъ графа Суворова. Чтобы получить какое награжденіе за настоящую службу, надобно было съ низостію искать тѣхъ покровительства; таковы были при немъ Курисъ, Мандрыкинъ, и прочіе.... Кто въ нихъ не снискалъ, не только не успѣвалъ по службѣ, но иногда обращалъ на себя неудовольствіе графа, и самъ онъ своею странностію иногда унижалъ людей достойныхъ. Во время прагскаго штурма онъ закричалъ: «И я возьму ружье со штыкомъ.»—«Нѣтъ, ваше сіятельство, не пустимъ васъ», говорили знавшіе его; кто хваталъ за узду его лошади, кто хваталъ его за руку и полы платья, когда онъ и шагу не намѣренъ былъ сдѣлать; но онъ дѣлалъ видъ будто вырывался, и кричалъ: «Трусы, трусы, пустите меня!» Только что выпущенный изъ кадетскаго корпуса поручикъ Оленинъ какъ-то попался къ нему въ свиту, и по простотѣ своей, думая сдѣлать ему угодное, сказалъ: «Извольте, ваше сіятельство, я васъ проведу на возвышенное мѣсто, откуда вы изволите усмотрѣть весь штурмъ». Графъ его расцѣловалъ: «Вотъ одинъ только герой, а вы всѣ трусы», сказалъ онъ. Однакожъ и затѣмъ

тѣ его не пустили. Чтó же? Всѣ тѣ, которые его не пускали, были награждены, а Оленинъ остался безъ ничего и отпущенъ въ полкъ. Во время сраженія Суворовъ всегда бывалъ на казачьей лошади и на казачьемъ сѣдлѣ, дѣлалъ видъ, что скакалъ въ пылъ сраженія, но какъ скоро замѣчалъ, что никто его не удерживаетъ, останавливался, слѣзалъ съ лошади и переправлялъ свою обувь, говоря: «Охъ, онуча жметъ ногу». (Онъ, вмѣсто чулокъ, обертывалъ ноги тонкимъ полотномъ, на подобіе онучъ).

Спалъ онъ всегда на сѣнѣ, покрытомъ простынею; другой постели во всю жизнь не имѣлъ; всякій день обливался холодною водой, несмотря ни на какую погоду; столъ его былъ простой, но сытный; въ постные дни никогда не ѣлъ онъ скоромнаго; никогда не заботился, чтò будетъ ѣсть; этимъ занимался Курисъ. Часъ обѣда Суворова, когда захотѣлъ; иногда въ 8 часовъ утра, но не позже 11. Говорили, что онъ любитъ пить, но это неправда; передъ обѣдомъ онъ выпивалъ большую рюмку водки, а за столомъ рюмки двѣ вина; если же иногда наливалъ третью, то Тимченко, его камердинеръ, ему запрещалъ, равно еслибы сверхъ обыкновеннаго хотѣлъ съѣсть лишнее; «ну, Тимченко не велитъ, говорилъ онъ, надобно слушаться».

По прибытіи моемъ въ Варшаву, я долженъ былъ явиться къ нему съ рапортомъ. Чтобы сдѣлать ему угодное, по наслышкѣ, изготовился я отвѣчать на всѣ его странныя требованія; но вмѣсто того обратилъ на себя его негодованіе, за что, не знаю, и получилъ за столомъ чувствительный афронтъ. Думаю, что подалъ къ тому поводъ слѣдующій случай: сержантъ гвардіи передъ обѣдомъ разносилъ водку по старшинству чиновъ; ежели кто были въ однихъ чинахъ, то тотъ сержантъ спрашивалъ, съ котораго года и мѣсяца состоятъ въ оныхъ; почему и меня спросилъ, какъ человѣка новаго и впервые бывшаго у графа. Я сказалъ, что уже 6 лѣтъ, 3 мѣсяца и 12 дней въ семъ чинѣ,

и усмѣхнулся. Казалось, что графъ сего не могъ примѣтить, но другой причины къ его неудовольствію не было. Сѣли за столъ; мнѣ пришлось сѣсть наискось противъ графа. Вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: «воняетъ!» и ушелъ въ другую комнату. Адъютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что «дурной запахъ прошелъ». —«Нѣтъ, кричалъ онъ, за столомъ вонючка». Они стали обходить всѣхъ сидящихъ и начали обнюхивать: одинъ, ко мнѣ подошедъ, сказалъ: «Вѣрно у васъ сапоги не чисты, извольте выйдти; графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажите себѣ сапоги вычистить; тогда опять можете сѣсть за столъ». Представьте мое смущеніе; однакожъ дѣлать было нечего. Я всталъ, сказалъ тому адъютанту: «Доложите графу: я вижу, что моя физіономія ему не понравилась; какъ бы мнѣ пріятно ни было обратить на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь»— и вышелъ. Посудите, пріятно ли было служить при немъ человѣку съ благороднымъ чувствомъ? Признаюсь, что, несмотря на его великій геній, и служа подъ нимъ въ его славныхъ побѣдахъ, пріобрѣтая чины и ордена, трудно перенесть подобныя оскорбленія, которыя не съ однимъ со мною случались, но и съ нѣкоторыми генералами.

Варшава для меня была фатальна. Прибылъ я съ полкомъ 15 декабря и привезъ съ собою экономическаго провіянта почти на цѣлый мѣсяцъ, но отъ казны удовольствованъ былъ по 17-е число. Тогда случилось, что подполковникъ Ржевскій, командиръ одного егерскаго батальона, не имѣлъ болѣе провіянта, да и въ магазинахъ также его не было. Для сего батальона отъ разныхъ полковъ собирали провіянтъ для ежедневнаго продовольствія. Генералъ-поручикъ Ферзенъ, командующій войсками, расположенными въ Варшавѣ, отдалъ приказъ: что ежели полковые и батальонные командиры узнаютъ, что въ магазинахъ провіянта нѣтъ, то заранѣе бы доносили, по которое время провіянтъ у нихъ кончится,

въ противномъ случаѣ таковые нерадивые начальники будутъ отвѣчать передъ военнымъ судомъ. И какъ тотъ день уже было 17-е число, то я и рапортовалъ, что Козловскій полкъ провіянта не имѣетъ, да и въ магазинѣ, по справкѣ моей, не имѣется. Рапортъ, отправленный мною того же дня къ бригадному командиру, генералъ-майору Буксгевдену, пролежалъ у него въ канцеляріи болѣе сутокъ, почему Ферзенъ получилъ оный уже чрезъ два дня. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ фельдмаршалу графу Суворову доложить, что оберъ-провіянтмейстеръ Слѣпушкинъ ложно увѣрилъ графа, что всѣ полки удовольствованы по 22-е число, а полкъ Козловскій уже два дни безъ провіянта. Графъ сказалъ: «Помилуй Богъ, не хорошо, Слѣпушкинъ за ложь будетъ солдатъ». Все сіе происшествіе узналъ я уже послѣ.

Я легъ спать, какъ вдругъ ночью слышу, что меня будятъ; просыпаюсь и вижу у моей постели на колѣняхъ стоящаго штабъ-офицера. Я удивился и спрашиваю: кто онъ и чего отъ меня хочетъ? «Я оберъ-провіянтмейстеръ Слѣпушкинъ; отъ васъ зависитъ, чтобъ я завтра же былъ солдатъ, или остался въ своемъ званіи».—Какъ это? «Вы рапортовали, что полкъ снабженъ провіянтомъ только по 17-е число, и фельдмаршалъ мнѣ объявилъ, что ежели я ему отъ полка не представлю промеморію, что онъ удовольствованъ по 22-е число, то поклялся, что онъ никогда еще никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но меня разжалуетъ въ солдаты.»—Чтó жь мнѣ дѣлать? «Я привезъ провіянтъ; прикажите принять и дать мнѣ въ пріемѣ квитанцію». Какъ долженъ я былъ поступить? Если я ему въ томъ откажу, я буду причиной несчастія человѣка; ежели исполню его просьбу, то сдѣлаю чувствительнѣйшее неудовольствіе генералу Ферзену, всѣми уважаемому, и котораго я душевно почиталъ. Однакожъ я рѣшился огорчить Ферзена и не сдѣлать несчастнымъ человѣка, мнѣ незнакомаго, и ко-

тораго по репутаціи зналъ даже за человѣка, не имѣющаго честныхъ правилъ.

Я велѣлъ разбудить квартермистра и ротныхъ пріемщиковъ, приказалъ принять провіянтъ по 22-е число и раздать въ роты, чтó и было исполнено. Написалъ рапортъ, что послѣ подданнаго отъ 17-го числа моего рапорта полкъ удовольствованъ провіянтомъ по 22-е число, поставя на рапортѣ 19-е число, и отправилъ тотъ же часъ въ бригадное дежурство, а тѣмъ же числомъ Слѣпушкину далъ въ пріемѣ квитанцію; на спросъ же его бумагою: по которое число удовольствованъ полкъ провіянтомъ? далъ промеморію уже 20 числомъ.

Слѣпушкинъ какъ скоро былъ допущенъ къ фельдмаршалу, то и представилъ данную мною ему промеморію. Графъ послалъ дежурнаго генерала Арсеньева показать оную Ферзену и сказать: «Не хорошо обижать Нѣмцамъ Русскихъ». Ферзенъ, до котораго послѣдній мой рапортъ еще не дошелъ, чрезвычайно мною былъ раздраженъ; тотчасъ написалъ онъ къ фельдмаршалу рапортъ съ требованіемъ, чтобъ я былъ преданъ военному суду за ложное донесеніе.

Къ счастію моему, того же числа наряженъ я былъ считать экстраординарную сумму съ двумя другими штабъофицерами. Я явился въ канцелярію въ 11 часовъ; правитель канцеляріи, г. Мандрыкинъ, вручая мнѣ книгу и ордера, сказалъ: «Извольте поспѣшить счетомъ и представить сегодня въ 9 часовъ вечера; графу нужно сего же дня отчетъ отправить». Сумма была слишкомъ 50 тысячъ червонцевъ; я говорилъ, что въ такое короткое время счесть невозможно, но Мандрыкинъ съ грознымъ видомъ сказалъ: «Я не знаю, можно ли или не можно, но я вамъ объявляю графское приказаніе, впрочемъ это ваше дѣло; какъ вы хотите, только знайте, что уже и курьеръ къ отправленію готовъ, а графъ оттоворокъ не любитъ».

Нечего было дѣлать; съ собравшимися моими товарищами

принялись мы считать. Суммы выдаваемы были большимъ числомъ, большею частію шпіонамъ; два ордера были не подписаны, на 150 червонцевъ; я показалъ ихъ Мандрыкину, сказавъ, что счетная коммиссія принять ихъ не можетъ. Мандрыкинъ сказалъ: «Графъ ихъ послѣ подпишетъ, извольте считать.» Я предложилъ своимъ товарищамъ, которые не хотѣли брать на свою отвѣтственность, но я ихъ увѣрилъ, что ежели будетъ взысканіе, то я за сію сумму отвѣчаю, на что они и согласились. И такъ мы успѣли кончить счеты, подвести итоги и сдѣлать счетную выписку, которую, при рапортѣ графу, принесъ я къ Мандрыкину въ назначенный срокъ. Онъ просилъ меня подождать, пошелъ къ его сіятельству, и вынеся отъ него, показалъ мнѣ подписанные тѣ ордера, которые даны были мнѣ безъ подписи.

Мандрыкинъ предложилъ мнѣ свои услуги, а какъ я благодарилъ за его ко мнѣ доброхотство, сказавъ, что на сей разъ я не имѣю никакой нужды, онъ возразилъ: «Полно, не могу ли теперь же я вамъ услужить?» И тогда показалъ мнѣ рапортъ Ферзена, требовавшаго меня судить военнымъ судомъ. Хотя я передъ судомъ и былъ бы оправданъ, ибо дѣйствительно полкъ удовольствованъ былъ по 22-е число, и рапортъ мой о томъ посланъ былъ еще 19-го числа, дошедши до рукъ Ферзена чрезъ два дня послѣ, но не менѣе того больно бы было быть подъ судомъ, чтó, по обыкновенію, вносилось въ послужной списокъ. И такъ я чрезвычайно симъ огорчился. Мандрыкинъ, видя мое смущеніе, сказалъ: «Не безпокойтесь; графъ никогда этотъ рапортъ не увидитъ, и мы его *ускромимъ*» (слово, употребляемое графомъ), и тогда же его разодралъ.

Ежели съ такимъ извѣстнымъ и заслуженнымъ генераломъ могли такъ поступать управляющіе канцеляріею, то какой справедливости должны были ожидать низшіе классы подчиненныхъ? Потомъ Мандрыкинъ спросилъ меня: «Кажет-

ся, вы просились въ отпускъ? Скоро ли вы хотите ѣхать?» — Я бы тотъ же часъ уѣхалъ, какъ скоро получу паспортъ. «Погодите немного». Онъ пошелъ въ кабинетъ фельдмаршала и вынесъ отъ него мой отпускъ. Получа оный, пріѣхалъ я въ казармы (сдавать мнѣ было нечего, ибо полкомъ командовалъ я по наружности, потому что полковникъ мой, за отсутствіемъ моимъ, сдалъ полкъ по полковничьей инструкціи майору Арсеньеву), и собравшись, уѣхалъ.

Дорогою объѣхалъ я короля Станислава-Августа, котораго везли въ Гродну, гдѣ ожидалъ его князь Н. В. Репнинъ. И такъ императрица возвела его на престолъ польскій, и она же лишила его короны.

Послѣ сего Польша была раздѣлена: Россія получила всю Литву по Нѣманъ и западный Бугъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Курляндское герцогство поддалось добровольно. Пруссія присвоила Варшаву и всѣ земли, смежныя съ ея владѣніемъ, съ крѣпостями Данцигомъ и Торунью. Австрія получила земли, смежныя съ ея Галиціею, по западный Бугъ, съ Величкою, до Кракова, который сдѣланъ вольнымъ городомъ.

Прибывъ къ отцу моему, узналъ я, что зять мой, С. К. Вязмитиновъ, сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ Уфимской и Симбирской губерній и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Онъ уговорилъ меня перейдти подъ его начальство, чтобы быть вмѣстѣ съ моею сестрой. Почему въ 1795 году данъ мнѣ былъ третій Оренбургскій полевой батальонъ, и такъ я перемѣстился въ столь отдаленный край.

Въ семъ году открылась персидская война, продолжавшаяся до восшествія на престолъ государя императора Павла I, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-поручика графа В. А. Зубова. Успѣхомъ сей войны было взятіе Дербента.

1796. Въ 1796 году въ августѣ было избраніе и утвержденіе, вмѣсто умершаго, новаго Киргизскаго меньшой орды хана. Обрядъ сей происходилъ слѣдующимъ образомъ:

между Оренбурга и мѣноваго двора, за Ураломъ построеннаго въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, Киргизы собрались въ нѣсколько тысячъ кибитокъ, разныхъ ихъ родовъ, управляемыхъ своими султанами. Когда за Ураломъ поставлены были собранныя войска Оренбургскаго корпуса, тогда генералъ-губернаторъ послалъ тому народу сказать, чтобъ онъ приступилъ, по обычаю своему, къ избранію хана, уже заблаговременно назначеннаго нашимъ правительствомъ. По нѣкоторомъ преніи, избраніе кончилось. Хана нарядили въ богатую парчевую, чернобурыхъ лисицъ, шубу и такую же шапку, присланную въ даръ отъ двора; Киргизы, посадя его на кошму, подняли на руки и начали качать съ превеликимъ крикомъ, на что отвѣтствовано было въ честь хана пальбою изъ крѣпости и состоявшей при полкахъ артиллеріи, и ружейнымъ бѣглымъ огнемъ. Послѣ чего ханъ былъ угощаемъ съ султанами обѣденнымъ столомъ у генералъ-губернатора, а всѣ прочіе Киргизы — на степи близь нашихъ войскъ, которыхъ угощеніе состояло во множествѣ изготовленнаго ихъ кушанья, или по ихнему бишъ-бармака, то-есть, изрубленной мелко баранины съ лукомъ и бараньимъ саломъ, пловомъ и кумысомъ. Киргизы хватали кушанье, какъ голодные волки; у каждаго былъ приготовленъ кожаный мѣшокъ, висѣвшій на шеѣ; они, выжавъ рукою жиръ и жижу въ ротъ, оставшееся въ рукѣ въ запасъ клали въ сіи кожаные мѣшки. Тѣмъ кончился весь праздникъ; на другой же день Киргизы откочевали во внутрь степи.

VI. Царствованіе Павла I.

Внезапная смерть императрицы Екатерины II Алексѣевны облекла Россію въ сердечный трауръ. Она воспослѣдовала въ 1796 году 6 ноября, на шестьдесятъ седьмомъ году, шестомъ мѣсяцѣ и четвертомъ днѣ ея рожденія; цар-

ствованія же ея тридцать четыре года, три мѣсяца и двадцать семь дней. Смерть ея поразила вообще всѣхъ, и каждый думалъ, что лишился въ ней нѣжной матери.

Въ ея царствованіе Россія была славна и счатлива, подданные ея наслаждались спокойствіемъ, каждый гражданинъ увѣренъ былъ въ безопасности личной и обладаніи своей собственности. Она отказалась отъ наименованія, поднесеннаго ей сенатомъ: *Великой и премудрой матери отечества.* Но все то помня, сыны отечества сохранятъ навсегда въ сердцахъ своихъ сію дань справедливаго титла. Она сдѣлала многія учрежденія къ управленію Россіи, способствовавшія къ утвержденію благоустройства и скорому теченію дѣлъ. Она основала и пріобрѣла до 250 городовъ, торговля въ ея царствованіе распространилась по всѣмъ морямъ, доходы государства, прежде бывшіе не свыше 35 милліоновъ рублей, безъ наложенія новыхъ податей, знатно умножены; морская и сухопутная силы Россіи въ ея время приводили въ ужасъ всю Европу. Въ награжденіе за военные подвиги она учредила орденъ Св. Георгія, а для гражданскихъ чиновъ Св. Владиміра. Покровительствовала науки и художества, и привела къ концу то, чтó Великій Петръ предпринималъ. О всѣхъ ея дѣлахъ вкратцѣ сказать нѣтъ возможности. Конецъ ея царствованія былъ слабѣе; она дала много воли графамъ Зубовымъ. Сколь ни славно царствованіе Екатерины Великой, но спокойствіе не разъ было нарушаемо: 1) Возмущеніе Мировича, желавшаго освободить императора Іоанна Антоновича[221]), содержимаго въ Шлиссельбургской крѣпости, подъ крѣпкою стражей, со времени вступленія на престолъ блаженной памяти Елисаветы Петровны. Къ нему приставлены были заслуженные два штабъ-офи-

[221]) Сынъ принцессы Мекленбургской, племянницы императрицы Анны Іоанновны и Антона Ульриха, по завѣщанію которой провозглашенъ былъ императоромъ, а по малолѣтству его правительницей мать его.

цера, которымъ дано повелѣніе: ни въ какомъ случаѣ живаго его не выдавать. Сказанный поручикъ Мировичъ, во время путешествія императрицы въ Ригу, подговорилъ солдатъ своей роты и съ оными вломился въ темницу несчастнаго Іоанна. Упомянутые два штабъ-офицера, видя, что уже не осталось имъ никакого средства сберечь своего узника, закололи его. Такимъ образомъ Іоаннъ, двадцати четырехъ лѣтъ, окончилъ несчастную свою жизнь [222]). Мировичъ, вошедъ въ ту камеру, гдѣ онъ содержался и увидя его мертвымъ, самъ представилъ себя правительству какъ мятежника. Сенатъ и первенствующіе государственные чины присудили на эшафотѣ отрубить ему голову, чтó и исполнено. 2) О бунтѣ Пугачева сказано было въ І-й главѣ. 3) Смертоносная язва во время турецкой войны вкралась въ государство, сильно свирѣпствовала, а особливо въ Москвѣ [223]); съ жестокою зимой и предохранительными средствами она прекратилась. Во время оной, архіепископъ московскій Амвросій, увидя, что народъ прикладывался къ образу Боголюбской Богоматери, чтó у Варварскихъ воротъ, и отъ того чернь заражалась, приказалъ тотъ образъ снять. Народъ взволновался, вломился въ Кремль, ударилъ въ набатъ въ новогородскій вечевой колоколъ; архіерей оттоль уѣхалъ въ Донской монастырь и тамъ спрятался въ алтарѣ; его вытащили и убили [224]). Главнокомандующій въ Москвѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, видя мятежъ, уѣхалъ изъ города и съ нимъ вмѣстѣ бывшій тогда оберъ-полицеймейстеръ Н. И. Бахметьевъ. Но отставной генералъ-поручикъ Петръ

---

[222]) Это происходило 5 іюля 1764, а Мировичъ казненъ 15 сентября. *М. Л.*

[223]) Моровая язва свирѣпствовала въ Москвѣ съ марта по октябрь 1771 года. *М. Л.*

[224]) Амвросій убитъ 15 сентября 1771 г. *М. Л.*

Дмитріевичъ Еропкинъ [225]) усмирилъ чернь и прекратилъ возмущеніе [226]). Сказанный колоколъ государыня приказала снять, въ который до того при пробитіи вечерней зари ударяли три раза.

Смерть императрицы приключилась на 5 число ноября; занимаясь дѣлами въ своемъ кабинетѣ, она пошла въ потаенную комнату, и тамъ роковой ударъ поразилъ ее; прибѣжавшія ея камеръ-фрау и камеръ-медхены нашли ее лежащею на полу безъ чувствъ; на другой день она скончалась [227]).

---

[225]) Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, генералъ-аншефъ, былъ потомъ съ 1786 по 1790 годъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Онъ род. 1723, ум. 7 февраля 1805. *М. Л.*

[226]) Помощниками Еропкина въ этомъ дѣлѣ были тайные совѣтники Собакинъ и Похвисневъ. *М. Л.*

[227]) Многіе полагаютъ, и вѣроятно, что уже въ здоровьи императрицы сдѣлалась чувствительная перемѣна по случаю неудачнаго ея предпріятія. Ей хотѣлось внуку свою великую княжну Александру Павловну выдать замужъ за шведскаго короля Густава Адольфа; почему поручила министру своему при Стокгольскомъ дворѣ вступить по сему предмету въ переговоры. Король и его дворъ, казалось, съ восхищеніемъ къ тому приступили; въ іюлѣ король, въ сопровожденіи дяди своего, принца Зюдерманландскаго, прибылъ въ Петербургъ. Великолѣпные праздники по сему происшествію слѣдовали одинъ за другимъ; король, сдавалось, былъ влюбленъ въ прекрасную великую княжну; онъ былъ красивый мущина; съ великимъ удовольствіемъ смотрѣли на сію будущую чету. Наконецъ переговоры доведены были до конца; во всемъ было соглашено. Назначенъ уже былъ день помолвки и при дворѣ балъ; всѣ знатныя особы обоего пола были повѣщены; императрица со всѣмъ своимъ августѣйшимъ домомъ прибыла въ залу, ожидали только жениха, чтобы объявить всенародно о радостной для обоихъ дворовъ помолвкѣ. Прошло много времени, а король не ѣхалъ; между тѣмъ балъ не открывался, послано было узнать о причинѣ; посланный возвратился и доложилъ государынѣ что-то тайно. Она послала по дипломатической части находившагося при ней въ довѣренности графа Аркадія Ивановича Маркова. Нако-

Съ печальнымъ симъ извѣстіемъ отправленъ графъ Николай Александровичъ Зубовъ къ императору Павлу I, законному наслѣднику Россійскаго престола, находившемуся тогда въ Гатчинѣ. Государь надѣлъ на него Андреевскій орденъ и поѣхалъ тотчасъ же въ Петербургъ, приказавъ за собою слѣдовать гатчинскимъ своимъ войскамъ. Весь дворъ, сенатъ и генералитетъ въ Зимнемъ дворцѣ его ожидали, гдѣ тотчасъ ему и присягнули.

Говорятъ, что императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ государя въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично; правда ли то, не извѣстно, но многіе бывшіе тогда при дворѣ меня въ томъ увѣряли.

Императоръ приказалъ приготовить печальную церемонію; самъ перенесъ прахъ родителя своего императора Петра III изъ Александро-Невскаго монастыря, гдѣ, подъ предлогомъ,

---

нецъ, по долгомъ ожиданіи, онъ возвратился съ отвѣтомъ, что король не можетъ согласиться, чтобы королева, супруга его, осталась въ православной греко-каѳолической вѣрѣ, на что уже было изъявлено его согласіе. Императрица такъ была симъ поражена, что приближенные ея замѣтили, что едва ли не имѣла она легкаго удара, и съ тѣхъ поръ стала въ духѣ и тѣломъ ослабѣвать. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ приняла она на себя видъ твердый. Объявлено было, что король занемогъ и для того на балъ не будетъ. Можно судить, каково самолюбію ея было, когда всѣ чужестранные министры подъ рукой были предварены, и вдругъ король отказался отъ женитьбы. Балъ былъ открытъ на короткое время, и вскорѣ императрица отбыла во внутренніе покои. *Л. Э.*

Густавъ IV Адольфъ род. 1 ноября 1778, вступилъ на престолъ въ 1792 году и отказался отъ него въ 1810. Онъ женился въ концѣ 90-хъ годовъ на принцессѣ Баденской, сестрѣ нашей императрицы Елизаветы Алексѣевны. Онъ жилъ послѣ 1810 года въ Германіи, Швеціи, Голландіи и проч. подъ именемъ полковника Густавсона и умеръ 7 февраля 1837 года. *М. Л.*

что онъ былъ не коронованъ, былъ погребенъ. Онъ былъ поставленъ на одномъ катафалкѣ съ покойною императрицей, и вмѣстѣ погребены въ соборной церкви Петра и Павла, гдѣ прахъ покоится всѣхъ императоровъ и императрицъ.

На другой же день онъ указалъ, чтобъ отдаваемые имъ при паролѣ приказы признаваемы были за именныя повелѣнія, и того же дня пожаловалъ въ фельдмаршалы князя Н. В. Репнина, графомъ и фельдмаршаломъ М. Ѳ. Каменскаго, графа В. П. Мусина-Пушкина, графа И. П. Салтыкова [228]).

Зять мой, Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, пожалованъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскій. На другой день прибылъ новой курьеръ съ извѣстіемъ, что вмѣсто того онъ назначенъ въ Черниговъ, куда онъ и отправился въ самой скорости; и только что тамъ пробылъ дня два, пожалованъ былъ коммендантомъ въ Петропавловскую крѣпость.

Гатчинскія войска и всѣхъ ихъ офицеровъ государь сравнялъ въ чинахъ съ старою гвардіей, многимъ изъ нихъ далъ государственныя мѣста, какъ-то: Обольянинова [229]) пожаловалъ провіянтмейстеромъ, а потомъ генералъ-прокуроромъ; Аракчеева [230]) коммендантомъ петербургскимъ; по.

---

[228]) Авторъ ошибается на счетъ графа Мусина-Пушкина и Каменскаго: они пожалованы фельдмаршалами въ Москвѣ 5 апрѣля 1797, въ день коронаціи Павла I, вмѣстѣ съ Эльмтомъ. При восшествіи на престолъ Павла, этого званія были удостоены: графъ И. П. Солтыковъ, графъ Н. И. Солтыковъ, князь Н. В. Репнинъ и графъ И. Г. Чернышевъ. Такимъ образомъ въ пять мѣсяцевъ, въ мирное время, пожаловано было семь новыхъ фельдмаршаловъ. *М. Л.*

[229]) Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ былъ долгое время впослѣдствіи московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и умеръ въ сороковыхъ годахъ. *М. Л.*

[230]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, генералъ отъ артиллеріи, род. 1769, ум. 1834. *М. Л.*

времени Кутайсова [231]), своего брадобрѣя, изъ полоненныхъ Турокъ, графомъ и оберъ-гофъ-шталмейстеромъ двора (то былъ его первый любимецъ), давъ имъ великія имѣнія. Дико было видѣть гатчинскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ старыми гвардейскими: эти были изъ лучшаго Русскаго дворянства, болѣе придворные, нежели фрунтовые офицеры; а тѣ кромѣ фрунта ничего не знали, безъ малѣйшаго воспитанія, и были почти оборышъ изъ арміи; ибо какъ они не могли быть употреблены въ войнѣ, и кромѣ переходовъ изъ Гатчины въ Павловскъ и изъ Павловска въ Гатчину никуда не перемѣщались, потому мало и было охотниковъ служить въ гатчинскихъ войскахъ. Однакожъ нѣсколько было изъ нихъ и благонравныхъ людей, хотя безъ особливаго воспитанія, но имѣющихъ здравый разсудокъ и къ добру склонное расположеніе, а потому, пріобыкши къ важнѣйшимъ должностямъ, они служили съ пользой государству.

Всѣ генералы, начиная отъ фельдмаршала, сдѣланы были шефами полковъ, а въ недостающіе полки произведены полковники въ генералъ-майоры. Такое вдругъ множество явилось генераловъ, и такое скорое производство потеряло уваженіе къ онымъ, равно какъ и къ орденамъ: ибо императоръ не раздавалъ, а разметывалъ ихъ.

Онъ перемѣнилъ мундиры, одѣлъ всю армію на манеръ прусскій прошлаго вѣка; тоже и самый прусскій старый военный уставъ издалъ къ исполненію, введя совсѣмъ новый родъ службы, такъ что старые генералы не болѣе знали новую службу какъ и вновь-произведенные прапорщики; старымъ людямъ, сдѣлавшимъ навыкъ къ прежнему обряду, трудно не только было отправлять ее, но даже и понять. За то ежедневно одни отставлялись, другіе исключались,

---

[231]) Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 9 января 1834 г. *М. Л.*

многіе генералы съ дарованіями принуждены были оставить службу; но тѣмъ не менѣе производство шло съ непостижимою скоростію, такъ что, едва получа одинъ чинъ, какъ уже и въ другой производились. Служащимъ въ отдаленныхъ корпусахъ еще нѣсколько было полегче, а тѣмъ, которые были ближе, несравненно было труднѣе. Самъ графъ А. В. Суворовъ пострадалъ; сказывали, что онъ передъ разводомъ показывалъ свою блажность, говоря: «*Пукли не пушка, коса не тесакъ, а я не Пруссакъ: я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ*». Удивительно, что сей тонкій человѣкъ говорилъ такія рѣчи, которыя не сходствовали съ его умомъ. Государю о томъ донесли, и онъ послалъ за нимъ фельдъегеря, съ которымъ онъ пріѣхалъ и явился на другой день на вахтъ-парадѣ.

Вскорѣ онъ сосланъ былъ въ свои деревни, въ Новогородской губерніи находящіяся, гдѣ и проживалъ подъ присмотромъ земской полиціи, до назначенія его командовать россійско-австрійскою арміей въ Италіи противъ Французовъ.

Строгость касательно военныхъ была черезмѣрна. За бездѣлицу исключались изъ службы, заточались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь; аресты считались за ничто; бывало по нѣскольку генераловъ вдругъ арестованныхъ на гауптвахтѣ. Гражданскимъ чиновникамъ и частнымъ лицамъ было не легче. Вмѣстѣ же съ симъ изливались великія милости. Если гнѣвъ государя сколько-нибудь замедлитъ наказаніемъ, то тѣ же самые люди не только приходили въ милость, но и осыпались благодѣяніями. Можно сказать, что онъ совсѣмъ былъ не злопамятенъ; бывали времена, и не рѣдко, онъ показывалъ благородную душу и къ добру расположенное сердце. Думать надобно, что ежелибы онъ не претерпѣлъ столько неудовольствій въ продолжительное царствованіе Екатерины II, характеръ его не былъ бы такъ раздраженъ, и царствованіе его было бы счастливо для Россіи, ибо онъ помышлялъ о благѣ оной. Но или онъ не

имѣлъ способности къ тому, или не могъ переломить крутой свой нравъ и принять благоразумнѣйшія мѣры. Словомъ, царствованіе его для всѣхъ было чрезвычайно тяжело, особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней были несправедливости, но онѣ были чрезвычайно рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, но не все цѣлое. Совершенства во всемъ мірѣ нѣтъ...

По вступленіи на престолъ, государь тотчасъ прекратилъ персидскую войну, приказавъ полкамъ выступить изъ персидскихъ предѣловъ каждому по себѣ и съ шахомъ утвердилъ миръ.

Чтобы привязать къ себѣ духовенство, сталъ жаловать оное орденами.

1797. Въ концѣ марта 1797 года государь прибылъ въ Москву, а въ апрѣлѣ короновался. Щедроты свои, по обыкновенію, расточалъ, жаловалъ чинами, орденами и раздавалъ казенное имущество и деревни. Послѣ чего черезъ Смоленскъ отправился въ Петербургъ.

Бывшіе шесть Оренбургскихъ полевыхъ батальоновъ, соединя по два, государь назвалъ полками; третій батальонъ, которымъ я командовалъ, поступилъ со вторымъ въ Уфимскій полкъ, шефомъ коего сдѣланъ генералъ-майоръ графъ А. Ѳ. Ланжеронъ [232]). Инспекторомъ войскъ, находившихся

---

[232]) Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 января 1763 г., ум. 4 іюля 1831 г. Онъ былъ родомъ французъ, сражался съ Лафайетомъ за американскую независимость и эмигрировалъ въ Россію въ 1790 году. Онъ прославился какъ боевой генералъ, и какъ новороссійскій генералъ-губернаторъ (1816—1823) сдѣлалъ много пользы. *М. Л.*

Ланжеронъ былъ любезнѣйшій и отлично образованный человѣкъ. Есть его статьи въ роялистскомъ изданіи XVIII вѣка: *Les actes des apôtres*. Въ Русскомъ Архивѣ будетъ напечатана замѣтка о Ланжеронѣ импер. Екатерины. *П. Б.*

въ Уфимской, Казанской и Пермской губерніяхъ, тожъ Оренбургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и шефомъ Рыльскаго пѣхотнаго полка генералъ отъ инфантеріи [233]) Игельстромъ, котораго изъ деревень его государь вызвалъ, но скоро уже къ нему оказалъ неблаговоленіе. Причиной сего было слѣдующее: черезъ нѣсколько времени по назначеніи его на сіе мѣсто спросилъ его императоръ, много ли ему лѣтъ? Тотъ ему отвѣчалъ, что ему сто лѣтъ. «Какъ?» спросилъ государь. Игельстромъ отвѣчалъ: «Шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и сорокъ лѣтъ службы». Императоръ счелъ, что сей нѣмецкій каламбуръ означалъ, что онъ не хочетъ служить, и, обернувшись, сказалъ тутъ бывшимъ: «Я его вытащилъ изъ навозной кучи, а онъ уже отговаривается дряхлостію».

Игельстромъ чуть было меня не сдѣлалъ несчастливымъ, и вотъ въ какомъ случаѣ. Былъ полковникъ князь П. В. Мещерскій [234]), сверхъ комплекта, въ Оренбургскомъ драгунскомъ полку; онъ выпросилъ отъ корпуснаго своего командира С. К. Вязмитинова ордеръ, чтобы пребывать въ Москвѣ, какъ не имѣющему никакого дѣла въ полку. Зять мой, по его просьбѣ, далъ ему повелѣніе, чтобы собиралъ изъ всѣхъ

[233]) Генералъ-аншефы названы генералами отъ инфантеріи и генералами отъ кавалеріи; генералъ-поручики генералъ-лейтенантами.

[234]) Онъ былъ потомъ генералъ-майоромъ и шефомъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Вошелъ въ доносъ, что будто дѣлается противъ императора заговоръ въ его полку дворянствомъ Смоленской губерніи, гдѣ тотъ полкъ квартировалъ; поводомъ сего было: нѣсколько молодыхъ шалуновъ шутили на счетъ странныхъ мундировъ и многаго, бывшаго смѣшнаго, что̀, конечно, предосудительно, но о заговорѣ никакого помышленія не было; однакожъ многіе пострадали. Симъ доносомъ Мещерскій вошелъ въ милость императора, былъ гофмаршаломъ двора, по самый конецъ жизни государя, и директоромъ театра. *Л. Э.*

Князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій славился своимъ остроуміемъ и свѣтскими талантами. *М. Л.*

нижнихъ чиновъ, бывшихъ при коммиссаріатѣ Оренбургскаго корпуса, какъ скоро въ нихъ не будетъ надобности, для отправленія ихъ къ своимъ полкамъ и батальонамъ. Такимъ образомъ онъ отправилъ шесть человѣкъ въ мой батальонъ при своемъ сообщеніи; но ко мнѣ явилось только пятеро, а одного Мещерскій оставилъ при себѣ. На трехлѣтнее избираніе новыхъ предводителей и судей въ Симбирскѣ, зять мой поѣхалъ туда и меня взялъ съ собою, куда и Мещерскій изъ Москвы прибылъ, и просилъ меня, чтобъ имъ оставленнаго моего солдата оставилъ при немъ. Но какъ я самъ собою сего сдѣлать не осмѣлился, то и спросилъ на то повелѣнія моего зятя, на чтó онъ словесно и приказалъ. Мещерскій изъ Симбирска отправился опять въ Москву, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого извѣстія, гдѣ онъ. Игельстромъ, разсмотрѣвъ отлучную вѣдомость бывшаго моего батальона, замѣтилъ, что сказанный солдатъ числится при полковникѣ князѣ Мещерскомъ, и требовалъ отъ меня, по какому повелѣнію онъ у него находится. Я донесъ, что по словесному повелѣнію бывшаго корпуснаго командира Вязмитинова; на это онъ приказалъ мнѣ сказать, что словеснаго приказанія онъ не принимаетъ, и даетъ мнѣ сроку двѣ недѣли отыскать того солдата, а по истеченіи того срока, если тотъ солдатъ не будетъ отысканъ, представитъ государю императору. Гдѣ былъ тогда князь Мещерскій, и какъ отыскать его въ такое короткое время? Ожидалъ я понести строгое наказаніе и можетъ-быть даже быть разжалованнымъ. Но къ счастію моему, получено отношеніе отъ смоленскаго военнаго губернатора Философова, что сказанный солдатъ по болѣзни опредѣленъ имъ въ смоленскій гарнизонный полкъ, чѣмъ это и кончилось. Однакожъ Игельстромъ долго былъ ко мнѣ худо расположенъ, чтó можно будетъ увидѣть въ послѣдствіи.

Шефъ нашъ графъ Ланжеронъ прибылъ въ полкъ, и мы съ нимъ сдѣлались друзьями, каковыми остались навсегда.

Графъ хотѣлъ видѣться съ своимъ инспекторомъ и просилъ его позволенія пріѣхать къ нему въ Оренбургъ; но какъ отъ своего мѣста никому, безъ особливаго позволенія государя, отлучаться не позволялось, то Игельстромъ увѣдомилъ его, что онъ самъ хочетъ его видѣть, но позволить пріѣхать въ Оренбургъ не смѣетъ, а чтобы Ланжеронъ выѣхалъ къ нему инкогнито въ Бугульму, когда онъ поѣдетъ по инспекціи. Графъ, будучи имъ извѣщенъ, туда ѣздилъ, и по возвращеніи своемъ спросилъ меня: не сдѣлалъ ли я какого неудовольствія Игельстрому? Я почти ему былъ не извѣстенъ и никогда не было къ тому случая. Графъ мнѣ признался, что Игельстромъ предостерегалъ его, чтобы былъ со мною осторожнымъ, какъ съ человѣкомъ безпокойнымъ и большимъ интриганомъ, но графъ меня довольно коротко узналъ и послѣ въ дружбѣ своей ко мнѣ не раскаивался.

Императоръ послалъ во всѣ инспекціи гатчинскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, учить обряду, порядку и фрунтовой службѣ. Въ нашу инспекцію и сибирскую, посланъ былъ майоръ Эртель [235]). Онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ въ то время, когда Игельстромъ объѣзжалъ инспекцію; штабъ-офицеры Рыльскаго полка были состарѣвшіеся въ прежней службѣ, а потому, что̀ онъ имъ показывалъ и толковалъ, они ничего не поняли. Оттуда Эртель поѣхалъ по линіи и въ Сибирь. Уже на возвратномъ пути пріѣхалъ онъ въ Уфу, гдѣ квартировалъ нашъ полкъ. Мы не удовольствовались его словесными толкованіями, а сформировавъ батальонъ, потребовали, чтобъ онъ показалъ все сказанное въ уставѣ, что̀ долженъ замѣчать батальонный командиръ во всякомъ оборотѣ, то же и офицеры. Похвалюсь, что я былъ хорошій фрунтовой офицеръ; эволюціи были просты, требовались

---

[235]) Θедоръ Θедоровичъ Эртель особенно сдѣлался извѣстенъ своею распорядительностію какъ с.-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, должность котораго занималъ съ 1802 по 1808 годъ. *М. Л.*

только одна точность и мелочи удобопонятныя, почему Уфимскій полкъ былъ выученъ какъ нельзя лучше по новому уставу, но Рыльскій полкъ учился по старому обряду.

За отдаленіемъ, кромѣ общихъ анекдотовъ, касающихся двора и всего происходившаго, мало доходило до моего свѣдѣнія.

Въ концѣ сего года скончался знаменитый нашъ полководецъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій; государь на всю армію наложилъ трехдневный трауръ [236]).

1798. Императоръ принялъ титулъ магистра державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго [237]), почему хотѣлъ имѣть островъ Мальту въ своемъ владѣніи; уже назначены были туда военный губернаторъ и коммендантъ. Съ Турками и Англичанами заключилъ союзъ противъ Французовъ; послана была эскадра въ Средиземное море и вмѣстѣ съ турецкою дѣйствовали; капитанъ флота 2-го ранга Белли съ небольшимъ числомъ войска занялъ Неаполь; государь, получа о томъ донесеніе, сказалъ: «Онъ меня удивилъ, да и я его удивлю». Послалъ ему орденъ Св. Анны 1-й степени. Кромѣ Белли, въ полковничьемъ чинѣ, никогда никто таковаго не имѣлъ.

Въ 1798 году я пожалованъ въ полковники, а въ февралѣ полкъ получилъ повелѣніе идти на *ревю* въ Казань, гдѣ всѣ пѣхотные полки той инспекціи должны быть собраны, куда и государь намѣревался прибыть.

---

236) Тутъ авторъ ошибается: Румянцовъ умеръ 8 дек. 1796 г. *М. Л.*

237) Орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго учрежденъ былъ во время крестовыхъ походовъ, въ XII вѣкѣ. Первымъ великимъ магистромъ его былъ Раймондъ Подіо, умершій въ 1160 году. Пребываніе ордена на островѣ Мальтѣ обезпечено ордену (до того времени находившемуся на Родосѣ) жалованною грамотой императора Карла V, въ 1530 году. При великомъ магистрѣ Фердинандѣ Гомпешѣ, Французы прогнали орденъ съ острова Мальты. Орденъ прибѣгнулъ подъ защиту императора Павла, который сдѣлался 71-мъ великимъ его магистромъ, принявъ это званіе 29 ноября 1798 года. *М. Л.*

Игельстромъ предписалъ, чтобы полки, идя на ревю, сообразались съ уставомъ. Какъ еще въ томъ краю, въ сіе время, бываетъ сильная зима, по дорогѣ же селенія разнаго рода Татаръ, малыя и рѣдкія, то онъ и приказалъ Уфимскому полку, чтобы за шефскимъ батальономъ чрезъ день слѣдовалъ полковничій батальонъ, а за онымъ чрезъ день гренадерскіе роты съ артиллеріей, при полку находившеюся, и гошпиталь.

Взошедъ я съ батальономъ на большую оренбургскую дорогу, остановился на ночлегъ, Казанской губерніи, въ деревнѣ Ерыклы, принадлежавшей помѣщику Рыбушкину, гдѣ онъ и самъ проживалъ. Адъютантъ Игельстрома, проѣхавъ, сказалъ мнѣ, что генералъ проситъ меня приказать приготовить ему квартиру въ сей деревнѣ для ночлега. Я выпросилъ у помѣщика для генерала въ его домѣ двѣ комнаты, а мнѣ занята была квартира не подалеку: изба, которая одна и была только съ трубой, а прочія всѣ избы были черныя. Я поставилъ въ квартирѣ его высокопревосходительства двухъ часовыхъ, какъ сказано въ уставѣ, кромѣ знаменнаго караула при въѣздѣ и выѣздѣ, при ефрейторѣ, по три человѣка. Изготовя рапортъ, со всѣми офицерами, въ шарфахъ, ожидалъ я инспектора.

Чтобы видѣть проходящія войска, съѣхались изъ окольныхъ деревень родные и знакомые помѣщика Рыбушкина, и въ числѣ ихъ много было дамъ, которыя съ хозяйкой вышли встрѣтить украшеннаго сѣдинами генерала.

Какъ скоро вышелъ онъ изъ кареты, я подалъ ему рапортъ; вдругъ спросилъ онъ меня, указывая на дамъ:— Это кто? «Это хозяйки дома, сказалъ я, въ которомъ приготовлена квартира для вашего высокопревосходительства». —Какъ, вы хотите надо мною, надъ старикомъ, шутить, г-нъ полковникъ? Время мое волочиться уже прошло; я вамъ это уступаю; вы можете занять мою квартиру, а я пойду въ вашу. «Моя квартира очень дурна и даже очень не оп-

рятна».—«Я солдатъ; въ теченіи моей службы имѣлъ всякія квартиры, ведите меня туда». Только что вошли мы въ оную, какъ онъ меня спросилъ: — Гдѣ ваша гауптвахта и ваши пикеты? «Въ главахъ устава, когда идутъ полки на ревю, сказано имѣть только одинъ знаменный караулъ».—Какъ, г-нъ полковникъ, вы хотите меня учить? «Я докладываю вашему высокопревосходительству свое оправданіе».—Нѣтъ, г-нъ полковникъ, въ уставѣ сказано: надобно имѣть гауптвахту изъ цѣлой роты и пикеты на каждомъ въѣздѣ, при двухъ офицерахъ и по шестидесяти рядовыхъ. «Ваше высокопревосходительство, то сказано о кантониръ-квартирахъ».— А это развѣ не кантониръ-квартиры? «Я думалъ, что кантониръ-квартиры бываютъ въ военное время и когда непріятель угрожаетъ нападеніемъ, или для иныхъ политическихъ видовъ, гдѣ надобно брать предосторожности».— Вы меня опять начали учить? «Какъ мнѣ осмѣлиться?»— Для чего же вы не исполняете, по уставу и моему предписанію? «Я докладывалъ, что исполнялъ какъ сказано въ главѣ, когда полки идутъ на ревю».—Вы меня учить хотите, такъ какъ и вашего шефа, и вѣрно, по наученію вашему, онъ идетъ тѣмъ же порядкомъ. «Я соображался и исполнялъ его приказанія». Этотъ разговоръ или, лучше сказать, его выговоры продолжались часа два; наконецъ онъ насилу меня отпустилъ и на другой день поутру рано уѣхалъ.

Я помѣстилъ сію ничтожную сцену, единственно чтобы показать, къ чему я долженъ былъ готовиться, когда мы предстанемъ предъ императоромъ Павломъ, передъ которымъ все трепетало. Дурное расположеніе ко мнѣ инспектора, который, почти не зная меня, готовъ былъ при малѣйшемъ случаѣ меня погубить, я не могу понять. Какой злой духъ могъ такъ вооружить его противъ меня?

Наконецъ весь нашъ полкъ соединился въ селѣ Алексѣевскомъ, отстоящемъ отъ Казани во ста верстахъ, по лѣ-

вой стороне Камы, принадлежавшемъ помѣщику Сахарову, и въ которомъ считается около трехъ тысячъ душъ. Туда черезъ нѣсколько времени и Рыльскій полкъ прибылъ; тутъ мы простояли всю весну, отдыхали и учились, чтобы предстать во всей исправности передъ императора.

На другой день прибытія моего въ Алексѣевское, мой батальонъ наряженъ былъ въ караулъ, и при вахтъ-парадѣ смѣшное случилось происшествіе. Командовалъ вахтъ-парадомъ майоръ Зенкевичъ, хорошо знающій фрунтъ прежней и новой службы. Игельстромъ приказалъ формировать изъ средины полъ-дивизіонную колонну, чего въ Павловскомъ уставѣ не было, почему офицеры и забыли. Майоръ спросилъ: Какъ прикажете? По старому?—Какъ по старому? Велите формировать колонну. Майоръ опять спросилъ: Какъ прикажете? Тутъ Игельстромъ вышелъ изъ себя, сталъ самъ командовать старымъ и охриплымъ голосомъ; никто его не понималъ; онъ выводилъ взводы и наконецъ, приведя все въ безпорядокъ, кричалъ: «Я несчастный! Государь исключитъ меня изъ службы, и этимъ буду я обязанъ этому полку». Подходилъ къ Ланжерону и сказывалъ, какъ было въ саксонской службѣ, гдѣ онъ былъ капитаномъ до вступленія его въ россійскую службу, а тотъ отвѣчалъ, какъ бывало во французской службѣ. Кончилось на мнѣ, что всему я виноватъ.

Послѣ несчастнаго сего вахтъ-парада, пошли мы къ нему на квартиру; тутъ меня онъ атаковалъ: чему вы учились? Я отвѣчалъ: «Всему тому, что́ сказано въ уставѣ и какъ намъ показалъ Эртель». — Эртель ничему не училъ, сказалъ онъ, кромѣ порядка вахтъ-парада. Я ему объяснилъ, что когда Эртель пріѣхалъ къ намъ въ Уфу, то, по требованію нашему, онъ намъ показалъ всѣ эволюціи батальоннаго ученія. Тогда Игельстромъ увидѣлъ, что его полкъ не имѣетъ понятія по новому уставу, а мы напротивъ хорошо приготовлены. Онъ просилъ меня, что, когда

полкъ его придетъ, я бы показалъ его штабъ-офицерамъ, и уже я, можно сказать, сдѣлался его любимцемъ, и онъ говорилъ графу Ланжерону, что сожалѣетъ, что имѣлъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе; но теперь, узнавъ свою ошибку, почитаетъ себя предо мною виновнымъ.

За то онъ измучилъ безпрестаннымъ ученьемъ свой полкъ, равно какъ и парикмахеровъ: ибо, чтобы болѣе угодить государю, полкъ его былъ причесанъ въ двѣ букли. Онъ безпрестанно твердилъ Ланжерону: «Боюсь за васъ; накладныя букли изъ шляпъ государь не любитъ, и вы увидите, что за то вамъ будетъ бѣда». Но еслибъ было и такъ, выучить въ три недѣли парикмахеровъ было невозможно, да и безъ того полки были въ страхѣ, знавъ, что когда государь бывалъ въ дурномъ расположеніи (что случалось не рѣдко), какъ бы который полкъ ни былъ исправенъ, все было не въ угоду.

Въ исходѣ мая мы выступили изъ Алексѣевскаго, и расположилась вся инспекція въ десяти верстахъ около Казани, по разнымъ дорогамъ.

Государь прибылъ въ Казань съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, 3-го іюня, и прогнѣвался на Игельстрома, что войска до прибытія его еще не вступили, приказавъ ему распорядить, чтобы каждый полкъ вступилъ на другой день поутру въ разные часы, такъ чтобъ онъ каждый могъ видѣть особо.

Въ семь часовъ утра вошелъ Екатеринбургскій полкъ въ Сибирскую заставу; шефъ онаго былъ изъ гатчинскихъ, генералъ-майоръ Пѣвцовъ. Въ восемь часовъ долженъ былъ войдти Уфимскій полкъ. Всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги.

Государь былъ у самой заставы. Передо мною шелъ батальонъ шефскій, который перемѣнилъ ногу; я тотчасъ перемѣнилъ также свою, чтобы маршировать согласно съ предъидущимъ батальономъ. За мною шелъ сверхъ-комплектный

подполковникъ кн. Ураковъ, который пооробѣлъ, и не замѣтивъ, что я перемѣнилъ ногу, шелъ по прежнему, какою ногой шелъ весь мой батальонъ. Государь сказалъ: «Господа штабъ-офицеры, не въ ногу идете». Я, видя, что иду въ ногу шефскаго батальона вѣрно, тѣмъ же шагомъ продолжалъ. Тогда государь гнѣвно закричалъ: «Полковникъ Энгельгардтъ не въ ногу идетъ». Увидѣвши ошибку моего подполковника, оправдываться было не время. Когда весь полкъ прошелъ, ударили подъ знамена; я скомандовалъ: *съ поля.* Надобно объяснить, что дѣлалось это на маршѣ по тремъ флигельманамъ въ четырнадцать пріемовъ, и оканчивалось тѣмъ, что ружья обертывались внизъ дуломъ, а прикладами вверхъ, что̀ было чрезвычайно трудно. Императоръ увидѣлъ, что батальонъ исправно сіе сдѣлалъ.

Послѣ сего императоръ поѣхалъ смотрѣть Рыльскій полкъ, но онъ уже вошелъ, и полковника того полка Барыкова за болѣзнію не было; все сіе причтено въ вину Игельстрому. Надобно было войдти сперва полку Рыльскому, потомъ Игельстрому быть при государѣ при входѣ всѣхъ полковъ его инспекціи. Въ приказѣ государь объявилъ спасибо, за входъ, Екатеринбургскому и Уфимскому полкамъ.

Ввечеру того дня дворянство давало балъ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ императоръ съ великими князьями; также дворянство пригласило на сей балъ пришедшихъ полковъ штабъ-офицеровъ. Государь танцовалъ польской со многими дамами. Увидя военнаго губернатора Лассія въ башмакахъ съ тростью, онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Какъ? Лассій въ башмакахъ и съ тростью»? Тотъ ему отвѣчалъ: — А какъ же? «Ты бы спросилъ у петербургскихъ». — Я ихъ не знаю. «Видно ты не любишь петербургскихъ; такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ, знакъ, что готовъ къ должности, и тогда надобно имѣть трость; а когда въ башмакахъ—знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, тогда трость не нужна». Comment, votre

majesté, voulez vous qu'à mon âge je sache toutes ces misères? (Какъ вы хотите, ваше величество, чтобы въ мои лѣта я могъ знать всѣ эти мелочи)? Государь разсмѣялся сему ирландскому отвѣту, ибо Лассій былъ Ирландецъ. Государь, пробывъ часа съ два, отправился въ домъ отставнаго генералъ-майора Лецкаго, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе.

5-го числа былъ специяльный смотръ на Арскомъ полѣ (на томъ самомъ, гдѣ Михельсонъ разбилъ Пугачова). Когда полки выстроились по уставу, то подскакалъ ко мнѣ бывшій при государѣ бригадъ-майоръ Н. И. Лавровъ, съ которымъ мы были коротко знакомы во время турецкой войны въ Молдавіи, и сказалъ мнѣ: «Не такъ у тебя стоятъ подпрапорщики» (ибо, за нѣкоторое время до вступленія полковъ въ Казань, перемѣнены штаты, и подпрапорщики названы уже были вторыми послѣ фельдфебелей). Видя, что это уже исправлено въ шефскомъ батальонѣ, который за суетой меня не увѣдомилъ, я перемѣнилъ въ первыхъ двухъ ротахъ, а въ трехъ ротахъ еще не успѣлъ, какъ уже государь подъѣзжалъ къ моему батальону на флангъ. Я побѣжалъ стать на свое мѣсто; онъ проѣхалъ мимо меня съ суровымъ видомъ. Теперь-то я пропалъ, думалъ я; однакожъ, видно, императоръ сего не замѣтилъ. Послѣ мы проходили мимо его церемоніяльнымъ маршемъ. Въ приказѣ объявлена была всѣмъ полкамъ благодарность.

6-го числа было ученье, гдѣ мы стрѣляли, на мѣстѣ и маршируя плутонгами, полудивизіонами и дивизіонами. Когда стали стрѣлять батальонами, какъ въ первой линіи было пять батальоновъ и мой батальонъ былъ на лѣвомъ флангѣ, то мнѣ должно было, изготовясь, не прежде выстрѣлить, какъ когда 2-й батальонъ Рыльскаго полка, выстрѣливъ, возьметъ ружья на плечо, а какъ сей батальонъ очень мѣшкалъ, то великій князь Александръ Павловичь, подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ: «Стрѣляй»! Но я доложилъ ему, что батальонъ, послѣ котораго мнѣ должно стрѣлять,

еще не зарядилъ ружья; хотя онъ мнѣ повторилъ сіе приказаніе раза четыре, но я не спѣшилъ, выждалъ и выстрѣлилъ въ свое время, когда было должно; залпъ былъ удачный. Государь замѣтилъ, что я не торопился исполнить приказаніе его высочества наслѣдника, ибо онъ былъ почти у моего батальона на флангѣ, и остался доволенъ моею исправностью.

По окончаніи ученья, въ комнатѣ государя и при немъ военный губернаторъ Лассій отдавалъ пароль и приказъ; я тотъ день былъ дежурнымъ и былъ въ кругу съ прочими, принимавшими приказаніе. Государь подошелъ ко мнѣ сзади, положилъ руку на мое плечо, и пожимая, спросилъ: «Скажи, гдѣ ты выпекся? Только ты мастеръ своего дѣла». Я руку его, лежавшую у меня на плечѣ, цѣловалъ какъ у любовницы, ибо въ первые два дня я потерялъ бодрость и ожидалъ уже не того, чтобы обратить на себя его вниманіе, а быть исключеннымъ изъ службы.

Тотъ день приказано было мнѣ быть къ столу. Какъ скоро государь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, то прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Изъ какихъ ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?»—Смоленскихъ, ваше величество. «Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?»—Когда ваше величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ. «А, помню; у тебя, кажется, была сестра Варвара; гдѣ она теперь?» — Она замужемъ за Наврозовымъ. «Давно ли она вышла замужъ?»—Въ нынѣшнемъ году (тогда ей было тридцать три года). «Не молодою же она вышла отроковицей; а ты гдѣ началъ служить?»—Въ гвардіи. «То-есть по обыкновенію всѣхъ васъ, тунеядцевъ-дворянъ; а тамъ какъ?» Я было хотѣлъ пропустить, что былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, и сказалъ:—А потомъ въ арміи. «Да какъ?» —Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину. «Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлал-

ся негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугой.» Вскорѣ послѣ того пошли за столъ.

7-е. Были маневры; государь разгнѣвался на Рыльскій полкъ за худую стрѣльбу, а Уфимскимъ былъ доволенъ, особливо моимъ батальономъ. Когда я прошелъ мимо его церемоніяльнымъ маршемъ и, отсалютовавъ, взялъ эспантонъ въ правую руку и подошелъ къ нему, императоръ сказалъ мнѣ: «Становись на колѣни—видишь, какъ ты выросъ великъ: иначе не могу тебя обнять». Когда я сталъ на колѣни, онъ поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

8-е. Тоже былъ маневръ, по окончаніи котораго и послѣ отданія приказа, государь пожаловалъ орденъ Св. Анны 2-й степени гр. Ланжерону, который ему сказалъ: «Государь, доставляютъ мнѣ вашу милость труды моего полковника; смѣю увѣрить ваше императорское величество, что ежели полкъ мой имѣлъ счастіе вамъ быть угоденъ, онъ имъ до того доведенъ.»—«Знаю, сказалъ государь, у меня и для него есть подарокъ, а послѣ дамъ ему и болѣе». Послѣ того, подозвавъ меня къ себѣ, приказалъ стать на колѣно, вынулъ изъ ноженъ шпагу, далъ мнѣ три удара по плечамъ и пожаловалъ шпагу съ аннинскимъ крестомъ.

Во все время пребыванія государя въ Казани, всякій день, въ шесть часовъ пополудни, государь выходилъ въ садъ дома Лецкаго, и было объявлено, что онъ желаетъ видѣть въ ономъ саду ежедневно казанскихъ жителей. Со многими дамами и тамошними дворянами онъ говорилъ. Когда встрѣчался онъ съ офицерами Уфимскаго полка, то говорилъ имъ: «Спасибо, господа; вы меня забавляли; я вами очень доволенъ.» Во всякомъ приказѣ Уфимскому полку была похвала.

Послѣ обѣда, передъ выходомъ государя въ садъ, передъ спальней, были военный губернаторъ Лассій, генералъ-адъютантъ Нелидовъ и графъ Ланжеронъ. Государь, вышедъ

изъ спальни, подошелъ къ графу Ланжерону и сказалъ: «Ланжеронъ, ты долженъ принять инспекцію отъ сумасброднаго старика Игельстрома.» — Государь, сказалъ графъ, я не могу. «Какъ! ты отказываешься отъ моей милости?» — «Тысяча резоновъ заставляютъ меня отказаться отъ оной; первое, я еще не силенъ въ русскомъ языкѣ». Государь съ большимъ гнѣвомъ отошелъ отъ него на другой конецъ комнаты, и, подозвавъ Нелидова, сказалъ ему: «Поди спроси Ланжерона, какіе остальные резоны заставляютъ его отказаться отъ инспекціи?» Графъ Ланжеронъ отвѣчалъ: — «Первый и послѣдній: Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ, и я не хочу, чтобы моимъ лицомъ человѣку, состарѣвшемуся въ службѣ его императорскому величеству, было сдѣлано таковое чувствительное огорченіе». Не успѣлъ онъ вымолвить, какъ государь подбѣжалъ къ нему съ фуріей, топнулъ ногой, пыхнулъ и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню.

Бывшіе тутъ не смѣли тронуться съ мѣста; Лассій сказалъ: «Ланжеронъ, чтó ты сдѣлалъ? Ты пропалъ.» — «Чтó дѣлать! Слова воротить не можно; ожидаю всякаго несчастія, но не раскаиваюсь; я Игельстрома чрезвычайно почитаю: онъ не разъ мнѣ дѣлалъ добро».

Черезъ полчаса времени, государь, вышедъ изъ спальни, подошелъ къ графу и, ударя его по плечу, сказалъ: «Langeron, vous êtes un bon enfant, toujours je me souviendrai de votre généreux procédé». (Ланжеронъ, вы добрый малый; всегда я буду помнить вашъ благородный поступокъ.) Я всегда за удовольствіе поставлялъ себѣ это разсказывать. Сколько приноситъ сіе чести графу Ланжерону, столько, и еще болѣе, императору Павлу I; оно показываетъ, что онъ умѣлъ иногда себя переработать и чувствовать благородство души. Еслибъ онъ окруженъ былъ лучше, говорили бы ему правду и не льстили бы ему изъ подлой корысти, приводя его на гнѣвъ, онъ былъ бы добрый государь. Но когда истина была, есть и будетъ при дворѣ?

Въ тотъ день многіе получили ордена, въ томъ числѣ и гражданскій губернаторъ Козинскій, ближній родственникъ князя Зубова.

9-е. Въ день своего отъѣзда, государь, отдавая приказъ Лассію, сказалъ: «Ты знаешь, что пока при паролѣ приказъ не будетъ отданъ, то никто не долженъ его знать; а этотъ долженъ быть отданъ послѣ моего отъѣзда». Погодя немного, онъ присовокупилъ: «Ну, Лассій, скажи правду, радъ ты, что я ѣду?»—Очень. «Какъ?»—До сихъ поръ вы думаете, что у насъ очень хорошо, а мы и очень не совершенны; такъ я хочу, чтобы вы уѣхали, будучи въ такомъ о насъ лестномъ мнѣніи; а ежели бы остались долѣе, тогда бы увидѣли больше наши недостатки. «Правда, правда твоя», сказалъ государь.

Въ девять часовъ государь поѣхалъ въ казанскій дѣвичій монастырь, отслушалъ литургію, которую совершалъ казанскій архіепископъ Амвросій[238]); по окончаніи оной, приложившись къ чудотворному образу казанской Богоматери, онъ заложилъ соборную церковь въ ономъ монастырѣ, на которую пожаловалъ двадцать пять тысячъ рублей; заходилъ въ келью къ игуменьѣ (бывшей изъ дому князей Волховскихъ, казанскихъ дворянъ), и отправился въ путь.

По отъѣздѣ государя былъ вахтъ-парадъ, на которомъ Игельстромъ, съ торжествующимъ видомъ строгаго инспектора, дѣлалъ нѣкоторыя взысканія и замѣчанія; но послѣ, когда отданъ былъ при паролѣ приказъ (адъютантъ его ему оный принесъ), что вмѣсто его инспекторомъ, военнымъ Оренбургскимъ губернаторомъ и шефомъ Рыльскаго полка назначенъ пожалованный изъ полковниковъ въ генералъ-майоры, Н. Н. Бахметьевъ, а ему вѣдать только пограничную

---

[238]) Амвросій Подобѣдовъ, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, род. 30 ноября 1742, ум. 21 мая 1818 г. *М. Л.*

часть, то онъ, прочтя сей приказъ, такъ измѣнился въ лицѣ, что, я думалъ, сдѣлался ему ударъ. Полкамъ, бывшимъ на ревю, на другой день приказано выступить въ свои квартиры.

По прибытіи императора въ С.-Петербургъ, П. В. Лопухинъ [239]) пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ, а дочь его камеръ-фрейлиной; она пользовалась особливою милостію государя [240]), а потомъ выдана была замужъ за князя Гагарина [241]).

Въ исходѣ сего года императоръ рѣшился послать свои войска противу Французовъ, для чего генералъ Розенбергъ выступилъ изъ Россіи съ корпусомъ войскъ къ соединенію съ Австрійцами въ Италію; генералъ Корсаковъ [242]) въ Швейцарію; генералъ-лейтенантъ Германъ въ слѣдующую весну назначенъ былъ со флотомъ сдѣлать высадку въ Голландію, съ Англичанами, подъ командой герцога Йоркскаго.

1799. Я отпросился въ отпускъ, и въ наступившемъ 1799 году Богъ благословилъ меня супружествомъ, блаженство коего продолжалось двадцать два года и шесть мѣсяцевъ. Въ семъ же году пожалованъ я генералъ-майоромъ и шефомъ того же Уфимскаго полка, а графу Ланжерону данъ полкъ Ряжскій. Въ маѣ государь пожаловалъ мнѣ командорство ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, съ ты-

---

[239]) Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1 класса и предсѣдатель государственнаго совѣта, род. 1753 г., ум. 6 апрѣля 1827 года. *М. Л.*

[240]) Княжна Анна Петровна род. 8 ноября 1777, ум. 25 апрѣля 1805 года. *М. Л.*

[241]) Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, генералъ-адъютантъ, род. 8 января 1777 г., ум. 2 апрѣля 1850 года. *М. Л.*

[242]) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 августа 1753 г., ум. 13 мая 1840 г. Войско выступило въ походъ за границу въ 1799 году. *М. Л.*

сячью рублями годоваго дохода. Служа въ турецкую войну и противу Поляковъ усердно и ревностно, былъ я въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ. А за марширований на Арскомъ полѣ и удачные батальонные выстрѣлы получилъ два ордена. Сего же года, въ исходѣ ноября, по просьбѣ моей я отставленъ съ мундиромъ, что̀ при государѣ императорѣ Павлѣ считалось большою милостію [243]).

Императоръ, въ минуту своего гнѣва, былъ ужасенъ, но былъ не злопамятенъ. Чувствуя уваженіе къ герою, графу Суворову, бывшему въ опалѣ, и зная, какую славу Россійское оружіе имъ можетъ пріобрѣсть, начальствуя Австро-Россійскою арміей противу всюду торжествующихъ Французовъ, онъ вызвалъ славолюбиваго старца изъ ссылки, и

---

[243]) Мы имѣемъ въ *Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука*, сочиненіи С. Т. Аксакова любопытный портретъ автора этихъ Записокъ во время пребыванія его въ Уфѣ, въ 1795 году, когда онъ былъ полковникомъ. «Изъ военныхъ гостей я больше всѣхъ любилъ сначала Льва Николаевича Энгельгардта; по своему росту и дородству онъ казался богатыремъ между другими и къ тому же былъ хорошъ собою. Онъ очень любилъ меня, и я часто сиживалъ у него на колѣняхъ, съ любопытствомъ слушая его громозвучные военные разсказы и съ благоговѣніемъ посматривая на два креста, висѣвшіе у него на груди, особенно на золотой крестикъ съ округленными концами и съ надписью: «Очаковъ взятъ 1788 года 6 декабря». Я сказалъ, что любилъ его сначала; это потому, что въ послѣдствіи я его боялся; онъ напугалъ меня, сказавъ однажды: «хочешь, Сережа, въ военную службу»? Я отвѣчалъ: «не хочу».—Какъ тебѣ не стыдно, продолжалъ онъ: ты дворянинъ и непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ. Хочешь въ гренадеры? Я привезу тебѣ шапку и тесакъ»....... Я перепугался и убѣжалъ отъ него. Энгельгардтъ вздумалъ продолжать шутку и на другой день, видя, что я не подхожу къ нему, сказалъ мнѣ: «а, трусишка! Ты боишься военной службы, такъ вотъ я тебя насильно возьму»..... Съ этихъ поръ я уже не подходилъ къ полковнику безъ особеннаго приказанія матери, и то со слезами».

столь убѣдительнымъ рескриптомъ, что тотъ забылъ всѣ огорченія и черезъ часъ по полученіи того рескрипта выѣхалъ изъ своего заточенія. Когда онъ явился къ императору, государь въ ту же минуту надѣлъ на него орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; онъ палъ къ ногамъ его, сказавъ: «Господи, спаси царя». А Павелъ, обнявъ его, сказалъ: «А ты поѣзжай спасать царей».

Суворовъ, вскорѣ пожалованный въ званіе генералиссимуса, отправился къ арміи, а вслѣдъ за нимъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Исторія наполнена его побѣдами; всѣ иностранные писатели и самые Французы не умолчали объ оныхъ. Я довольствуюсь сказать, что онъ лучшихъ французскихъ генераловъ во всѣхъ мѣстахъ въ нарядныхъ баталіяхъ разбилъ; всѣ крѣпости, занимаемыя Французами, взялъ, и очистилъ менѣе нежели въ одну кампанію всю Италію, которую Французы завоевали въ три. Король Сардинскій, получивъ обратно Піемонтъ, наименовалъ его своимъ cousin, *родственникомъ*, а государь императоръ Павелъ пожаловалъ его княземъ Италійскимъ. Уже намѣревался онъ перенести оружіе свое внутрь Франціи; но, по интригамъ Австрійцевъ, принужденъ былъ идти въ Швейцарію для соединенія съ Корсаковымъ, но тотъ уже былъ разбитъ Массеною [244]). Лишенный всѣхъ способовъ, которыми обѣщали Австрійцы снабдить его, проходилъ онъ съ своею арміей, поражая Французовъ, черезъ тѣ горы, гдѣ путешественники съ опасностію въ маломъ числѣ проѣзжаютъ. Государь, по справедливомъ негодованіи на Австрійцевъ, отозвалъ свои войска въ Россію.

Германъ въ Голландіи, не дождавшись высадки великобританскихъ войскъ, отъ безразсудной запальчивости былъ совершенно разбитъ.

---

[244]) Здѣсь говорится о битвѣ при Цюрихѣ 14 и 15 сентября 1799 года. *М. Л.*

Генералиссимусъ князь Италійскій, cousin короля Сардинскаго, графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, прибывъ въ С.-Петербургъ, занемогъ, и чрезъ нѣсколько времени смерть прервала преславную жизнь его; государь почтилъ память его трехдневнымъ трауромъ всей арміи.

Бонапарте, прибывъ изъ Египта и сдѣлавшись консуломъ, собралъ русскихъ плѣнныхъ, обмундировалъ въ русскіе мундиры и препроводилъ ихъ къ императору Павлу. Императоръ тѣмъ былъ такъ восхищенъ, что съ Франціей сдѣлалъ миръ. Подъ конецъ своего бурнаго царствованія, сдѣлалъ онъ съ Наполеономъ союзъ, объявилъ войну Англіи и намѣревался черезъ Киргизскую степь и Бухарію послать войска въ Индію. (Но цѣль была завоевать Хиву). Уже корпусъ войскъ назначенъ былъ выступить изъ Оренбурга, двадцать тысячъ Донскихъ казаковъ были уже близь Волги, какъ внезапная смерть Павла I-го прекратила таковое гибельное предпріятіе.

Смерть приключилась государю отъ апоплексическаго удара въ Михайловскомъ замкѣ, 11-го марта 1801 года около полуночи. Царствованіе его продолжалось четыре года и четыре мѣсяца, отъ роду же ему было сорокъ шесть лѣтъ, пять мѣсяцевъ и двадцать дней [245])....

---

[245]) Въ Соловецкомъ монастырѣ былъ монахъ Авель, предсказавшій смерть императрицѣ Екатеринѣ и потомъ императору Павлу, со всѣми обстоятельствами краткаго его царствованія. За годъ до смерти императрицы, сей Авель, пришедъ къ настоятелю того монастыря, требовалъ, чтобы довести до свѣдѣнія ея, что онъ слышалъ вдохновенно гласъ, который долженъ онъ былъ ей объявить лично. По многимъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, наконецъ донесено было ей, и приказано было его представить: тогда онъ ей объявилъ, что слышалъ онъ гласъ, повелѣвшій ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить въ Петропавловскую крѣпость. По кончинѣ государыни, императоръ повелѣлъ, освободя его, предста-

VII. Царствованіе Александра I[246]).

1801 года 12-го марта императоръ Александръ I-й Павловичъ вступилъ на престолъ. Болѣе всего обрадовало Россію, что въ манифестѣ о восшествіи своемъ онъ возвѣстилъ, что будетъ царствовать по сердцу бабки своей великой Екатерины.

вить къ нему; когда онъ ему предсказалъ, сколько продолжится его царствіе, государь въ ту же минуту приказалъ его опять заточить въ крѣпость. Смерть однакожъ исполнилась въ назначенный срокъ. При вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ освобожденъ. За годъ до нападенія Французовъ, Авель предсталъ предъ императоромъ и предсказалъ, что Французы вступятъ въ Россію, возьмутъ Москву и сожгутъ. Государь приказалъ его опять посадить въ крѣпость. По изгнаніи непріятелей онъ былъ выпущенъ. Сей Авель послѣ того былъ долго въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ и Москвѣ; многіе изъ моихъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый; многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ ихъ дочерей; онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему, что̀ говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видалъ его̀, и не извѣстно куда онъ дѣвался.

[246]) Записки Л. Н. Энгельгардта доведены до времени кончины императора Александра I, но уже не представляютъ того интереса, которымъ отличаются первыя ихъ главы. Съ 1801 года авторъ рѣдко является въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, а потому Записки его лишены по большой части жизни, которая такъ ярко выражается въ описаніяхъ событій, гдѣ Л. Н. Энгельгардтъ является участникомъ или свидѣтелемъ. Записки его о временахъ царствованія Александра I преимущественно состоятъ изъ сухихъ перечней сраженій и тому подобныхъ обстоятельствъ, изложенныхъ по реляціямъ и разсказамъ. Эти соображенія побудили насъ выбрать только немногое изъ Записокъ 1801—1825 годовъ и напечатать то, что̀ можетъ быть публиковано изъ разсказовъ о малоизвѣстныхъ обстоятельствахъ, а также изъ случаевъ частной жизни Л. Н. Энгельгардта, гдѣ выступаетъ его оригинальная, правдивая личность. *Н. П.*

Я съ женой въ началѣ сего мѣсяца поѣхалъ изъ Москвы въ приданыя ея казанскія деревни, но за распутицей принужденъ былъ завесновать въ Нижнемъ-Новгородѣ. Случилось мнѣ быть у князя Грузинскаго, какъ ввечеру, часовъ въ девять, вдругъ вбѣгаетъ почтмейстеръ въ разстроенномъ видѣ, вызываетъ хозяина въ кабинетъ; пробывъ тамъ съ минуту, онъ съ поспѣшностію отправился обратно. Князь отвелъ меня къ сторонѣ и сказалъ: «что проѣхалъ курьеръ, въ казанскую адмиральтейскую контору, съ манифестомъ императора Александра о вступленіи его на престолъ, что подорожная у того курьера печатная по указу Александра I». Время было критическое. «Отчего же нѣтъ съ манифестомъ курьера въ Нижній»? сказалъ я князю.—«Пожалуста, никому не говорите: изъ того могутъ произойти ужасныя послѣдствія». На другой день поутру, нижегородскій купецъ Костроминъ, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ уже дня три ожидалъ сего интереснаго и пріятнаго извѣстія. Несмотря на скрытность, весь городъ зналъ о проѣздѣ того курьера, и всѣ были въ ужасномъ недоумѣніи. Уже на третій день, въ полночь, услышанъ былъ заунывный звонъ соборнаго колокола. Губернаторъ прислалъ ко мнѣ объявить о полученіи манифеста, предлагая мнѣ прибыть въ соборъ къ присягѣ: тогда только отлегло на сердцѣ. Причина замедленія сенатскаго курьера была та, что онъ съ симъ манифестомъ посланъ былъ по пути, сперва въ Ярославль и Кострому, а потомъ уже прибылъ въ Нижній, и отправился въ дальнѣйшія губерніи.

Радость на другой день была общая: другъ друга поздравляли и обнимали, какъ будто Россія была угрожаема нашествіемъ варваровъ и освободилась.

Императоръ Александръ I началъ тѣмъ, что тотчасъ заключилъ миръ съ Англіей, которой флотъ подъ командой Нельсона подступилъ къ Ревелю. Послалъ повелѣніе Донскимъ козакамъ, слѣдовавшимъ къ Волгѣ, въ Симбирской

губерніи, возвратиться на Донъ; въ прошломъ царствіи всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь и содержащихся въ крѣпостяхъ повелѣлъ освободить; возобновилъ совѣстные суды, уничтоженные Павломъ.

Вотъ чтó разсказывалъ мнѣ Александръ Дмитріевичъ Балашевъ (въ сіе время былъ онъ генералъ-майоромъ, въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ и командующимъ сорока-тысячнымъ корпусомъ прибрежнаго войска). Когда англійскій флотъ подошелъ къ Ревелю, а нашъ флотъ за льдомъ не могъ выйдти на рейдъ, то произошла такая тревога, что не знали, чтó и дѣлать. Адмиралъ Нельсонъ прислалъ къ Балашеву просить позволенія наливаться водой. На это Балашевъ отвѣчалъ, что не только онъ не можетъ то позволить, не ежелибы можно было, онъ бы лишилъ его и той воды, которую его флотъ имѣетъ. Нельсонъ прислалъ вторительно сказать, что онъ удивляется таковому отказу, когда миръ заключенъ между обѣими державами, въ удостовѣреніе чего пріѣдетъ къ нему въ крѣпость безъ оружія со всѣми флагманами и капитанами кораблей. Балашевъ просилъ сдѣлать ему сію честь, а самъ съ донесеніемъ отправилъ къ императору курьера, который разъѣхался съ посланнымъ отъ государя къ Балашеву съ извѣстіемъ о заключеніи мира.

Нельсонъ на шлюпкахъ, со всѣми имъ объявленными, прибылъ въ Ревель, и Балашеву рекомендовалъ своихъ подчиненныхъ: такой-то—первый атаковалъ при Абукирѣ французскій флотъ, такой-то—первый прошолъ чрезъ Зундъ, и т. д. Балашевъ угостилъ гостей какъ можно лучше, послѣ чего отправились они на свой флотъ, и какъ скоро оный налился водою, то и отправился обратно съ положенною съ обѣихъ сторонъ пушечною салютаціей.

Въ августѣ государь императоръ прибылъ въ Москву короноваться. Народъ встрѣтилъ его съ превеличайшимъ восхищеніемъ......

Торжество коранаціи было великолѣпно: Александръ, молодой, прекрасный мущина, въ коронѣ и мантіи, былъ идеалъ монарха, обѣщавшаго быть образцомъ всѣхъ государей и отцомъ своихъ подданныхъ.....

Въ царствованіе императора Александра І-го многія изданы благотворительныя узаконенія: уничтожена вовсе тайная канцелярія, учреждены министерства, университеты въ Казанѣ, Дерптѣ, Харьковѣ, Вильнѣ, С.-Петербургѣ, а Московскій университетъ преобразованъ по особому новому плану; въ Москвѣ учреждена медико-хирургическая академія, въ Царскомъ Селѣ лицей, въ Петербургѣ императорская публичная библіотека; возстановлено свободное рыболовство по Каспійскому морю, позволено всякому званію людямъ пріобрѣтать земли, а помѣщикамъ цѣлыми селеніями отпускать крестьянъ, именуя ихъ вольными хлѣбопашцами; учреждено управленіе водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній; учрежденъ для дворянъ 24-хъ лѣтній банкъ; учреждены военныя поселенія (которыя, дай Богъ, чтобъ для Россіи по времени не были пагубны). Грузія покорилась добровольно подъ Россійскую державу. Россія пользовалась миромъ и благоденствіемъ подъ кроткимъ скипетромъ государя Александра І-го до 1805 г..

Изложеніе первой противъ Французовъ войны, сдѣланное отчасти по реляціямъ и разсказамъ, авторъ заключаетъ словами: «Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному гр. Аракчееву имѣлъ полную повѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

1806. Государь издалъ манифестъ о войнѣ, учредилъ

милицію, раздѣля Россію на семь областей; далъ власть главнокомандующимъ оными наравнѣ съ главнокомандующимъ за границею. Я былъ избранъ казанскимъ дворянствомъ въ губернскіе начальники. Конечно, милиція сама собой не могла дѣйствовать: 1-е, не было оружія, хотя дворянство и всякаго званія люди жертвовали ружья и сабли (а при томъ знатныя суммы денегъ); но онаго было столь мало, что въ казанской милиціи на восемь тысячь человѣкъ ружей не было и 500. При томъ еще они были разнокалиберныя, охотничьи, безъ штыковъ, для чего вооружены были пиками, наподобіе штыковъ. 2-е, дворянство, вступившее въ милицію поголовно, давно уже отстало отъ военной службы; иные состарѣлись, другіе облѣнились, и много было такихъ, которые почти никогда не служили въ военной службѣ, а только въ гражданской. Однакоже ратники отчасти научены были строиться безъ вытяжки, маршируя ровняться; собранныя ружья отданы были по частямъ, и люди научены были заряжать и стрѣлять въ цѣль. Ежелибы милицію подвигали частями къ дѣйствующей арміи и замѣщали ратниками убыль, въ сраженіяхъ послѣдовавшую, вмѣстѣ съ прочими размѣщенными по полкамъ, то армія всегда была бы въ комплектѣ. Въ таковомъ видѣ милиція большую могла бы принести пользу, а особливо въ своихъ границахъ.

Когда уѣздные начальники принимали ратниковъ, то я предписалъ, чтобъ они отмѣчали въ спискахъ тѣхъ, которые были по промыслу стрѣлки, то-есть: въ Казанской губерніи, въ Царевококшайскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ, Черемисы промышляютъ стрѣляніемъ дичи, и закупщики изъ Москвы по заморозамъ покупаютъ оную въ большомъ числѣ. Также сіи Черемисы бьютъ дробовиками бѣлокъ, и чтобы не испортить шкуру, мѣтятъ ей въ носъ; охотники сіи ходятъ поодиначкѣ на медвѣдей съ однимъ ружьемъ и рогатиною. Когда я представилъ списки набраннымъ рат-

никамъ, объѣзжавщему VII-ю область главнокомандующему князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, то онъ, увидя отмѣтку: «по промыслу стрѣлокъ», спросилъ меня, что̀ это значитъ? Когда я ему пояснилъ, то онъ сказалъ: это будутъ егеря лучше тѣхъ, которые въ арміи. По поводу чего онъ представилъ императору, чтобъ изъ каждой губерніи его области сформировать изъ таковыхъ по батальону стрѣлковъ и отправилъ въ армію, на что̀ государь изволилъ указать. Я сформировалъ тотъ батальонъ стрѣлковъ и отправилъ въ Смоленскъ; тамъ его обмундировали, дали негодныя ружья и начали учить стрѣлять, прикладываясь по принятому образу регулярныхъ войскъ, вмѣсто того чтобъ оставить сихъ стрѣлковъ цѣлить, какъ они привыкли, и стрѣлять безъ промаха; а потому они не могли уже оказать ту пользу, какой я отъ нихъ ожидалъ.

Далѣе слѣдуетъ такое же изложеніе войны 1806 и 1807 г., изъ коего напечатано образованіе милиціи, въ которой авторъ былъ дѣйствующимъ лицемъ; потомъ описываются: Тильзитскій миръ, поѣздка Александра въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ и заключенія, по словамъ автора, «Іудейской ихъ обоюдной дружбы, при чемъ былъ и несчастный ощипанный король Прусскій»; *войны Турецкая и Финляндская и наконецъ 1812 г.*

Милицію велѣно распустить, съ позволеніемъ помѣщикамъ и казеннымъ поселянамъ взять обратно тѣхъ ратниковъ, коихъ пожелаютъ, а которыхъ пожелаютъ оставить на службѣ, тѣмъ дать зачетныя рекрутскія квитанціи; оставшимся на службѣ сдѣлать разборъ: рослыхъ и лучшихъ людей въ гвардію, потомъ въ армію, потомъ въ гарнизоны, потомъ въ крѣпостную работу, а уже совсѣмъ неспособныхъ—въ пожарную команду. Всѣмъ служившимъ въ милиціи дворянамъ даны золотыя медали на владимірской лентѣ, и позволено имъ носить милиціонные мундиры съ отличіемъ, какія мѣста они занимали; многіе награждены орденами,

въ числѣ которыхъ и я получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени, украшенный алмазами.

Изъ Казанской милиціи поступило въ гвардію, армію и гарнизоны болѣе 4 тысячъ человѣкъ, на оружейный Ижевскій заводъ Вятской губерніи, учреждавшійся г-мъ Дерябинымъ, 2 тысячи человѣкъ. Назначенныхъ въ армію и гарнизоны приказано было отправить на подводахъ въ Кавказскій корпусъ, раздѣля по 500 человѣкъ въ партію, и каждую при двухъ начальникахъ изъ дворянъ, служившихъ въ милиціи, и съ обѣщаніемъ, которые довезутъ исправно, наградить ихъ слѣдующими чинами.

По сдачѣ отчета въ людяхъ, суммахъ и провіянтѣ, отправился я въ Москву. Отправленныя мною команды на Кавказъ не скоро доставили мнѣ квитанціи въ доставленіи ратниковъ, ибо задержаны были, при возвращеніи, въ карантинахъ, по случаю бывшей тамъ заразы; между тѣмъ военный министръ, графъ Аракчеевъ, въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объявилъ благодарность чиновникамъ, отводившимъ ратниковъ, что они исправно доставили ихъ, почти всѣхъ здоровыхъ, и ни одного изъ нихъ не бѣжало.

1812. Я былъ въ Казани, какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* увидѣлъ о взятіи Смоленска. Отецъ мой былъ тамъ въ своихъ деревняхъ. Неизвѣстность, чтó съ нимъ случилось, чрезвычайно меня тревожила. Между тѣмъ поѣхалъ я съ моимъ семействомъ въ Симбирскую губернію къ свояченицѣ моей Л. П. Чирковой, жившей отъ Симбирска во ста верстахъ. Тутъ получены были вѣдомости о славной Бородинской баталіи, одержанной М. Л. Кутузовымъ, посланнымъ принять начальство надъ всею арміей, настояніемъ императрицы Маріи, матери государя, и всѣхъ тамъ бывшихъ, преданныхъ любезному нашему отечеству[247]).

[247]) Иные увѣряютъ, что генералы, видя несогласіе главнокомандующихъ двухъ армій, послали просить государя прислать для командованія оными Кутузова, какъ старшаго генерала во всей арміи.

Удачная его баталія, а болѣе еще, что онъ командовалъ арміей, оживила всѣхъ Русскихъ. Ожидали, что Наполеонъ, принужденъ будучи въ первый разъ въ своей жизни отступить къ прежней своей позиціи, оставя поле сраженія, будетъ ретироваться. Тѣмъ болѣе обнадежены были, что Кутузовъ въ реляціи сказалъ, что на другой день пойдетъ атаковать Французовъ.

Посланъ былъ отъ насъ за почтою въ Симбирскъ нарочный, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ; но цѣлыя сутки человѣкъ не пріѣзжалъ, и пріѣхалъ уже черезъ день, сказавъ, что почта не приходила. Тогда поняли мы, что случилось важное несчастіе. Я уговорилъ свояченицу ѣхать съ нами въ Казань, гдѣ скорѣе можно получать извѣстія и по онымъ предпринять нужныя вообще мѣры. Надобно было проѣзжать деревню на большой Московской дорогѣ, бывшую Р. Е. Татищева, у котораго мы имѣли ночлегъ. Тутъ мы увѣдомились, что сенатъ и многія мѣста правленія изъ Москвы выпровождены, частные люди, которые могли, выѣхали, и тутъ же увидѣли изъ Москвы проѣзжающую въ свои деревни графиню Орлову со многими съ нею бывшими.

На другой день хозяинъ нашъ получилъ письмо отъ Волкова, бывшаго въ Москвѣ полицеймейстеромъ, повергшее насъ въ неизъяснимую горесть: онъ въ ономъ увѣдомлялъ, что наша армія ретировалась черезъ Москву, и Наполеонъ въ тотъ же день въ нее вступилъ, предалъ пламени древнюю нашу столицу, и кромѣ стѣнъ каменныхъ домовъ и груды кирпичей въ Москвѣ ничего не осталось.

Прибывъ въ Казань, мы уже тамъ нашли сенатъ московскихъ департаментовъ, институты Екатерининскій и Александровскій, чиновниковъ и воспитанниковъ воспитательнаго дома, ломбардъ онаго съ вещами и суммами опекунскаго совѣта, и множество всякаго званія жителей московскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ выбрались въ самый день сдачи Москвы; разсказывали они разные анекдоты, одинъ

другаго печальнѣе, и что до самаго Владиміра дорога была покрыта экипажами, ѣдущимъ и идущимъ народомъ. Всѣ были мрачны, унылы и горевали по отчизнѣ, забывъ о потерѣ своей собственности, оставленныхъ въ Москвѣ домахъ съ имуществомъ, въ числѣ которыхъ и я того же лишился.

Послѣ сего продолжается описаніе войны 1812 г., потомъ 1813 и 1814 годовъ, которое авторъ заключаетъ слѣдующими словами: «Тогда императоръ былъ во всей своей славѣ: Русскими—обожаемъ, въ Европѣ—превозносимъ, не только какъ побѣдитель, но какъ величайшій политикъ, великодушный и скромный благотворитель рода человѣческаго; всѣ несли ему въ дань свои души и сердца. Со времени Аустерлицкаго сраженія, за несправедливый гнѣвъ его къ Кутузову и оскорбленіе другихъ генераловъ понапрасну, онъ отвлекъ сердца подданныхъ своихъ, но послѣ торжества его все было забыто. Ожидали, что миръ доставитъ Россіи благоденствіе, что императоръ будетъ болѣе заниматься внутреннимъ устройствомъ государства, что онъ, увидя настоящую цѣль военной службы, не будетъ заниматься мелочною; но въ послѣдствіи оказалось противное, и военная служба сдѣлалась несноснѣе и труднѣе; отъ генераловъ требовали то, что̀ требовалось отъ низшихъ классовъ офицеровъ.»

1813. Пріятныя извѣстія о побѣдахъ узналъ я въ Москвѣ, въ проѣздъ къ отцу моему, въ Смоленскую губернію. Нельзя было увидѣть Москву безъ сердечнаго сокрушенія: уцѣлѣли только въ Кремлѣ нѣкоторыя зданія, Китай-городъ (но не Гостиный дворъ), улицы: Тверская, Дмитровка, Петровка, часть Лубянки, Покровка, Мясницкая, Кузнецкій мостъ, Большая Мѣщанская и Запасный дворецъ. Остальное все было выжжено, и кое-гдѣ оставались небольшіе домики.

По Смоленской дорогѣ только что начали выстраиваться нѣкоторыя деревни. Въ Московской губерніи всѣ убитыя тѣла были сожжены, а въ Смоленской до самаго города не

надобно было спрашивать о дорогѣ, а слѣдовать по большимъ могиламъ, бывшимъ по обѣимъ сторонамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Города: Гжатскъ, Вязьма, Дорогобужъ и самый Смоленскъ представляли печальное зрѣлище; стѣна въ Смоленскѣ во многихъ мѣстахъ была подорвана.

Отца моего, въ его деревнѣ Рославльскаго уѣзда, нашелъ, благодареніе Богу, здороваго; во время нашествія непріятелей онъ укрывался въ Бѣльскомъ уѣздѣ, на границѣ Псковской губерніи. Смоленское дворянство почти все на то время выѣхало въ ближнія губерніи. Оставались: родственникъ мой Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ и Шубинъ, изъ побужденія, чтобы вредить непріятелю. Когда они были Французами схвачены и принуждаемы присягнуть Наполеону, то за отрицаніе отъ сего были разстрѣляны; жены ихъ, за вѣрность мужей, государемъ были щедро награждены.

1814. Я былъ въ Москвѣ, когда получено официяльное извѣстіе о взятіи Парижа, отреченіи Наполеона и вступленіи на престолъ Лудовика XVIII. Торжество въ опаленной столицѣ было восхитительно; безъ всякаго приказанія, вся Москва нѣсколько дней была иллюминована; одинъ предъ другимъ выдумывали эмблематическія прозрачныя картины. Дворянство сдѣлало особый праздникъ въ домѣ Полторацкаго, у Калужскихъ воротъ, отъ пожара уцѣлѣвшемъ. А. М. Пушкинъ сочинилъ Прологъ, соотвѣтствующій сему торжеству; княгиня Вяземская со многими дамами и дѣвицами представляли оный; бюстъ государя императора былъ поставленъ на пьедесталѣ, богато и искусно украшенномъ, охраняемый и увѣнчанный геніями, и къ нему хоръ относился. Надпись на пьедесталѣ сочинена была княземъ Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь?—
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Для народа поставлены были амфитеатры съ балансерами и разными фокусниками; иллюминація съ эмблематическою картиною была превосходна; по окончаніи Пролога сожженъ былъ фейерверкъ, а потомъ балъ продолжался до пяти часовъ утра.

За тѣмъ описаны: Вѣнскій конгрессъ въ 1815 г., возвращеніе Наполеона съ Эльбы и послѣдующія событія внѣшней политики до 1820 г. Между прочимъ авторъ говоритъ: Въ 1817 г. устроены военныя поселенія въ Новогородской, Бѣлорускoй, Воронежской и Харьковской губерніяхъ, по поводу чего происходили безпокойства, а особенно за бритіе бородъ, но строгими мѣрами все приведено въ порядокъ. *Потомъ разсказывается о прибытіи въ 1818 г. Двора въ Москву, о пребываніи короля Прусскаго, о заложеніи храма Спасителя и прочихъ общеизвѣстныхъ событіяхъ.*

1820. По случаю смерти моего зятя Вязмитинова, за нѣсколько передъ оною мѣсяцевъ пожалованнаго графомъ, пріѣхалъ я въ Петербургъ навѣстить овдовѣвшую сестру мою[248]) и записать сына моего въ гвардію. Графъ Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ былъ изъ незнатнаго и небогатаго дворянства Курской губерніи, Рыльскаго уѣзда; записанъ былъ на службу почти ребенкомъ въ армейскій полкъ, тамъ квартировавшій, сержантомъ; вскорѣ тотъ полкъ для содержанія караула назначенъ былъ въ Петербургъ. По прибытіи туда, потребованъ былъ отъ сего полка въ канцелярію президента военной коллегіи графа З. Г. Чернышева, унтеръ-офицеръ, знающій хорошо писать; Вязмитиновъ былъ для сего наряженъ. Остротой, прилежаніемъ и поведеніемъ своимъ снискалъ онъ благосклонность правителя канцеляріи, который, видя его дарованія, отличалъ его и обращался съ нимъ ласково; по поводу сего онъ ознакомился и съ графскими адъютантами. Праздное время

---

[248]) О Вязмитиновѣ и супругѣ его см. въ Запискахъ Д. Б. Мертваго стр. 83—97 и 106. *П. Б.*

отъ должности употребилъ онъ на изученіе французскаго языка, въ которомъ по времени былъ очень силенъ, занялся чтеніемъ касательно разныхъ наукъ. Умъ его, трудолюбивый и острый, доставилъ ему то, чему рѣдкіе могли выучиться, получа рачительное воспитаніе. Онъ пристрастился къ музыкѣ, и какъ въ штатѣ графа нѣкоторые были музыканты, то по охотѣ своей скоро выучился на віолончели, и игралъ на ономъ инструментѣ, не какъ артистъ, но какъ охотникъ и знатокъ, очень хорошо. Вскорѣ и графъ Чернышевъ его узналъ, сдѣлалъ его своимъ флигель, а потомъ и генеральсъ-адъютантомъ. Онъ былъ при немъ пятнадцать лѣтъ и управлялъ уже его канцеляріей и всѣми дѣлами. За учрежденіе Бѣлорусскихъ губерній особенно онъ былъ графомъ рекомендованъ, за что императрица пожаловала ему въ Бѣлоруссіи 800 душъ. По истеченіи шести лѣтъ въ званіи генеральсъ-адъютанта при фельдмаршалѣ, пожалованъ онъ полковникомъ, и данъ ему Вологодскій мушкетерскій полкъ, который онъ довелъ до того, что полкъ этотъ служилъ образцомъ въ арміи. Потомъ сформировалъ онъ Сибирскій гренадерскій полкъ, также доведенный имъ до совершенства. Обратилъ на себя вниманіе фельдмаршаловъ: графа Румянцева и свѣтлѣйшаго князя Потемкина и сталъ извѣстенъ самой императрицѣ. По старшинству пожалованъ онъ былъ генералъ-майоромъ; по болѣзни же глазъ и худому зрѣнію принужденъ былъ оставить военную службу; пожалованъ былъ губернаторомъ въ Могилевъ, а потомъ сенаторомъ. Императрица, почитая постъ генералъ-губернатора Уфимской губерніи важнымъ, касательно Башкирцевъ и Оренбургской линіи, возвела его въ сіе достоинство, при которомъ онъ и оставался до вступленія на престолъ Павла I, который, оттуда его вызвавъ, сдѣлалъ коммендантомъ Петропавловской крѣпости и генералъ-кригсъ-коммиссаромъ и пожаловалъ тысячу душъ въ Минской губерніи. Въ концѣ царствія его онъ былъ въ опалѣ. Императоръ Александръ пожаловалъ его генераломъ

отъ инфантеріи, вице-президентомъ военной коллегіи; при учрежденіи министерствъ, военнымъ министромъ и главнокомандующимъ С.-петербургскимъ, но послѣ Аустерлицкой баталіи на него прогнѣвался и отставилъ даже безъ мундира. Мѣсто его заступилъ графъ Аракчеевъ, который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ личнымъ его непріятелемъ. Но къ чести графа Аракчеева, и можно сказать, *въ одномъ только семъ случаѣ,* онъ показалъ себя незлобивымъ. Черезъ двѣ недѣли по пріемѣ сей должности онъ подалъ государю просьбу объ увольненіи его отъ службы. Государь удивился, и спросилъ своего любимца, какая тому причина? Тотъ ему отвѣчалъ: «Когда ваше величество отставили съ такимъ позоромъ Вязмитинова, то всѣ думали, равно какъ и я, что онъ найденъ вами въ нерачeніи, изобличенъ въ злоупотребленіи и разстройствѣ въ дѣлахъ; но когда я принялъ его должность и вошелъ въ подробность дѣлъ, то увидѣлъ, что коллегія и департаментъ, равно и канцелярія главнокомандующаго, все было въ совершенномъ порядкѣ: не только не замѣтилъ злоупотребленія, но напротивъ я увидѣлъ рѣдкое его безкорыстіе; а потому судя, что ежели такой человѣкъ, каковъ Вязмитиновъ, служа всегда съ такою честью столь долгое время императрицѣ—бабкѣ вашей, императору—родителю вашему и вашему величеству, отставленъ такъ позорно, то я и всякій другой должны ожидать такой же участи, безъ всякой причины, по одному только *вашему капризу.* Для чего и прошу меня отставить, и я иначе не соглашусь служить, если не отдадутъ должной справедливости Вязмитинову». По поводу сего государь въ приказѣ объявилъ, что Вязмитиновъ отставленъ, по просьбѣ его, съ мундиромъ и всѣмъ получаемымъ имъ трактаментомъ, притомъ препроводилъ къ нему лестный рескриптъ. По нѣкоторомъ времени помѣстилъ государь его въ государственный совѣтъ и возвратилъ къ нему свою довѣренность: въ началѣ 1812 года опять сдѣ-

лалъ его главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и министромъ полиціи, пожаловавъ ему аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую болѣе сорока тысячъ рублей ежегоднаго доходу. Возвратясь, по взятіи Парижа, онъ пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея, а сестру мою кавалерственною дамой ордена Св. Екатерины 2 класса; неоднократно жаловалъ онъ его деньгами и одинъ разъ сто тысячъ рублей подъ видомъ на экстра-ординарные расходы, безъ отданія въ оныхъ отчета, не задолго передъ его кончиной и графскимъ достоинствомъ. Онъ во всю свою жизнь и службу не имѣлъ и не искалъ ни у кого протекціи, пріобрѣтая чины и все единственно своею ревностною службой. Какъ онъ сверхъ родства былъ мнѣ благодѣтель и дружески ко мнѣ расположенъ, то я за долгъ почелъ изложить его біографію. Скончался онъ семидесяти восьми лѣтъ послѣ пятидесяти лѣтъ службы. Похороны его были великолѣпны: сопровождали его гробъ весь сенатъ и войска до Александро-Невскаго монастыря, гдѣ онъ и погребенъ. Государь посѣтилъ два раза вдовствующую его супругу, мою сестру, и пожаловалъ ей по жизнь все, чтó получалъ покойный Сергѣй Кузмичъ....

Войска наши, бывъ долгое время въ чужихъ краяхъ и видя всѣ государства во всей Европѣ управляемыми законами и конституціями.... заразились духомъ времени. Молодые люди уже въ 1818 г. составили тайныя общества въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ; общества сіи отчасти были извѣстны императору, но онъ ихъ пренебрегъ, дальнѣйшихъ изысканій не дѣлалъ, а искра тлѣлась. Самые нижніе чины почувствовали разность въ обращеніи и содержаніи чужеземныхъ войскъ, а притомъ и сами содержимы были за границею иначе нежели въ Россіи. Тамъ отъ нихъ не требовалось изнурительной вытяжки и не занимали ихъ безпрестанными ученіями, довольствовали ихъ лучшею пищею, и спали они

на тюфякахъ; возвратясь же въ Россію, рѣдко для постели имѣли хорошую и свѣжую солому, ѣли пустую кашицу и очень рѣдко по небольшой порціи мяса; требовалась отъ нихъ чистота и опрятность; въ узкихъ мундирахъ безъ отдыха ихъ учили, чтб и произвело между ними ропотъ. Такъ какъ гвардейской Семеновскій полкъ, котораго, будучи наслѣдникомъ, императоръ былъ шефомъ.... отъ прочихъ полковъ гвардіи въ экзерциціяхъ отсталъ, то, передъ отъѣздомъ императора за границу на конгрессъ, опредѣленъ командиромъ онаго полка полковникъ Шварцъ, служившій всегда въ арміи, не имѣвшій никакого воспитанія, но отличавшійся чрезвычайною строгостію по фронтовой службѣ. При отъѣздѣ государь сказалъ ему, что онъ надѣется по возвращеніи своемъ не только найти Семеновскій полкъ сравнившимся съ прочими полками, но что оный, какъ первый въ гвардіи полкъ, будетъ во всемъ лучшій. Семеновскій полкъ наполненъ былъ офицерами изъ лучшаго дворянства, людьми воспитанными и гордящимися предъ прочими, находясь въ любимомъ полку государя. Солдаты были выбраны изъ всей арміи лучшіе. Уже самое опредѣленіе Шварца имъ было тягостно: какъ, армейской полковникъ будетъ ими командовать? Его грубое и неблаговоспитанное обращеніе еще болѣе противъ него вооружило. Офицеры говорили между собою, но такъ чтобы нѣкоторые нижніе чины могли слышать: «Шварцъ можетъ командовать скотами, а не людьми». Къ тому же, какъ Шварцъ хотѣлъ, чтобы къ пріѣзду государя представить полкъ во всей исправности, то и сталъ безпрестанно учить, безъ отдыха. По обыкновенію полки гвардіи въ лѣтнее время по частямъ отпускались работать на биржу, гдѣ они заработывали много денегъ для улучшенія своего содержанія и чтобы чище одѣваться. За безпрестаннымъ ученіемъ Семеновскіе не имѣли на то времени, да и Шварцъ ихъ не отпускалъ, чтò и обратило на него общее полка негодованіе. Всякой день требовалъ онъ,

чтобы фельдфебеля изъ каждой роты приводили къ нему по десяти рядовыхъ во всей аммуниціи, и чтобы перевязи къ сумамъ и тесакамъ были чисто выбѣлены; самъ ихъ училъ ружейнымъ пріемамъ и маршированію; за малѣйшую ошибку наказывалъ ихъ строго, къ чему они не привыкли; но еще болѣе несносно имъ было, что онъ ихъ ругалъ поносно и непристойными словами, плевалъ имъ въ лица и пр. Ежели онъ кого изъ нихъ наказывалъ строже другихъ, офицеры таковымъ давали деньги, браня Шварца. Въ одинъ день лейбъ-роты фельдфебель привелъ по обыкновенію 10 солдатъ съ худо-выбѣленною аммуниціею. Шварцъ его выгналъ, приказавъ привести другихъ, а если они будутъ также неопрятны, то обѣщалъ дать 500 лозановъ; а онъ уже имѣлъ три нашивки, означавшія 25-лѣтнюю службу и орденской знакъ, по которому освобождался отъ тѣлеснаго наказанія. Фельдфебель, пришедъ въ роту, сталъ наряжать другихъ солдатъ, но тѣ ему сказали: что имъ аммуницію нечѣмъ выбѣлить, что какъ они на работу не отпускаются, то и не на что купить ни мѣлу, ни клею, ни мыла. Тогда фельдфебель сказалъ: «такъ мнѣ придется принять 500 лозановъ, ежели не приведу въ такомъ видѣ, въ какомъ полковникъ приказалъ». Вся рота закричала въ голосъ: «мы до того никакъ не допустимъ». Какъ онъ ни упрашивалъ, чтобы перестали противиться, но они и слушать не хотѣли. Фельдфебель пошелъ доложить ротному командиру капитану Кашкарову объ ослушаніи роты. Кашкаровъ пришелъ къ ротѣ, сталъ увѣщевать, но солдаты отвѣчали: «Ваше высокоблагородіе, мы не ослушиваемся, но намъ нечѣмъ бѣлиться, какъ вамъ угодно». Капитанъ донесъ о томъ полковнику, а этотъ поѣхалъ доложить великому князю Михаилу Павловичу, какъ бригадному командиру. Великій князь прибылъ въ казармы и нѣкоторыхъ наказалъ; но солдаты въ одинъ голосъ и его высочеству сказали, что они не выходятъ изъ должнаго повиновенія, но докладываютъ, что они не имѣютъ де-

негъ на что выбѣлиться и просятъ его высочество сдѣлать инспекторскій смотръ, по которому начальство усмотритъ варварскіе съ ними поступки полковника. Великій князь поѣхалъ къ командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенанту Васильчикову, который приказалъ всю роту въ шинеляхъ привести въ экзерциргаузъ, гдѣ собранъ былъ вооруженный гвардейской Павловской полкъ. Какъ скоро рота была приведена, то тотчасъ полкъ ее окружилъ и отвелъ въ Петропавловскую крѣпость со всѣми офицерами подъ арестъ. На другой день 1-й баталіонъ Семеновскаго полка долженъ былъ вступить въ караулъ. За недостающимъ числомъ людей, приказано было нарядить оныхъ изъ другихъ баталіоновъ. Весь полкъ въ шинеляхъ вышелъ безъ ружья на плацъ-парадъ и требовалъ 1-ю роту, какъ составляющую часть полка, безъ которой отрекались идти въ караулъ. Офицеры всячески уговаривали рядовыхъ, чтобы перестали бунтовать, но они, снимая передъ ними фуражки, отвѣчали съ вѣжливостію одно и тоже. Нѣкоторые ворвались было въ домъ Шварца, но онъ скрылся. Вскорѣ дошло объ этомъ до великихъ князей и корпуснаго командира. Они прибыли къ полку на плацъ-парадъ, спрашивая о причинѣ ихъ бунта. Они отвѣчали: «Возвратите намъ лейбъ-роту, иначе въ казармы не пойдемъ». — «Лейбъ-рота за ослушаніе арестована», сказалъ Васильчиковъ, «она въ крѣпости». — «Извольте и насъ арестовать; если лейбъ-рота виновата, то и мы съ нею виноваты». — Васильчиковъ приказалъ имъ идти въ крѣпость. Весь полкъ пошелъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Въ крѣпости ихъ размѣстили въ разныя казармы. Лейбъ-гренадерскій полкъ, съ заряженными ружьями, назначенъ былъ въ крѣпость, въ караулъ къ арестованному полку. Черезъ день Семеновскій полкъ по частямъ, за карауломъ, отправленъ въ Кронштадтъ, а оттуда моремъ по разнымъ приморскимъ крѣпостямъ; одна только лейбъ-рота оставлена въ Петропавловской крѣпости, какъ

первая, которая возмутилась. Во все время мятежа Семеновскаго полка тишина не была нарушена, и многіе узнали о томъ спустя нѣсколько дней. О всемъ томъ происшедшемъ отправленъ въ Троппау къ государю курьеръ[249]) съ донесеніемъ, по которому полученъ отъ государя указъ: Семеновскій полкъ кассировать по частямъ; нижнихъ чиновъ размѣстить въ разные отдаленные полки арміи; офицеровъ перевести по табели о рангахъ, также и юнкеровъ, въ армейскіе полки; Шварца отставить; Семеновскій полкъ сформировать лучшими людьми изъ гренадерскаго корпуса, равно офицеровъ выбрать исправнѣйшихъ, но считаться имъ наравнѣ съ молодою гвардіею[250])....

---

[249]) Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. *П. Б.*

[250]) О Семеновскомъ возмущеніи самъ государь такъ писалъ къ гр. Аракчееву:

«Троппау, 5 ноября. (1820)

Тебѣ должно уже быть извѣстно, любезный Алексѣй Андреевичъ, несчастное, но въ то же время и постыдное, приключеніе, случившееся въ Семеновскомъ полку. Легко себѣ можно вообразить, какое печальное чувство оно во мнѣ произвело. Происшествіе, можно сказать, неслыханное въ нашей арміи. Еще печальнѣе, что оно случилось въ гвардіи, а для меня лично еще грустнѣе, что именно въ Семеновскомъ полку. Но, съ тобою привыкнувъ говорить со всею откровенностію, скажу тебѣ, что никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честію полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ? По моему убѣжденію, тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное; ибо военный умѣлъ бы ихъ заставить взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ. Офицеры же всѣ усердно старались пресѣчь неповиновеніе, но безуспѣшно. По всему вышеписанному

Въ то же время государь указалъ уничтожить всѣ Масонскія и Мартинистскія ложи и всякаго рода тайныя общества и секты, обязавъ подпискою, чтобы никто не осмѣливался продолжать быть членомъ таковыхъ обществъ, подъ строгимъ взысканіемъ, а до того не только не было препятствія, но даже поощреніе къ самымъ нелѣпымъ сектамъ.

заключаю я, что было тутъ внушеніе чуждое, но не военное. Вопросъ возникаетъ: какое же? Сіе трудно рѣшить; признаюсь, что я его приписываю Тайнымъ Обществамъ, которыя, по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою, и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работа въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать. Если къ сему присовокупить, что день былъ выбранъ тотъ самый, въ который императрицы возвратились въ городъ, то, кажется, довольно ясно обнаруживается, что желали ихъ встревожить, дабы сими опасеніями меня принудить бросить занятія наши въ Троппау и воротиться поспѣшнѣе въ Петербургъ. Но Божьему Промыслу угодно было помѣшать сему и прекратить зло въ началѣ его. Мѣры, на которыя рѣшился корпусный командиръ съ полкомъ въ послѣдствіи, были необходимы, но симъ полкъ погубленъ, и уже не можетъ существовать въ его нынѣшнемъ составѣ. Я почти увѣренъ, что если бы съ 1-й гренадерской ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не произошло бы. Но уже когда всѣ три батальона возмутились, болѣе не оставалось дѣлать, какъ то, что̀ было исполнено. Сожалѣю еще, что выбрали крѣпости Финляндіи для отправленія въ оныя батальоновъ. Лучше было бы отправить въ Псковъ, Нарву, или тому подобныя мѣста.

Какъ мнѣ ни грустно, но теперешній составъ полка нельзя уже такъ оставить. Онъ потерялъ всякую довѣренность. Ты усмотришь изъ Приказа, при семъ прилагаемаго, какъ я счелъ приличнымъ поступить, послѣ здраваго размышленія.

Для укомплектованія вновь полка, я предполагаю единственнымъ способомъ взять первые батальоны полковъ: императора Австрійскаго, короля Прусскаго и Наслѣднаго принца. Симъ самымъ полкъ сей опять будетъ хорошъ. Но все не старый, котораго мнѣ весьма будетъ жаль. Жаль также и сіи три гренадерскіе полка разстроивать, но нечего болѣе дѣлать. Для поправленія же сихъ трехъ полковъ, полагаю третьи ихъ батальоны раздѣлить на двое, чѣмъ опять будетъ

По возвращеніи государя въ Петербургъ строго надзирали за авторами и журналами, чтобы ничего не писали о конституціяхъ и касающагося до правительства. Гр. Аракчеевъ взялъ сильную власть, котораго суровый и жестокій нравъ обратилъ къ себѣ ненависть всѣхъ Русскихъ.

Упомянувъ о поѣздкахъ государя на конгрессы въ Лайбахъ и Верону, и описавъ возстаніе Греціи, авторъ говоритъ: «Обращаюсь опять къ происшествіямъ въ Россіи: содержаніе армій, 1,200,000 войска, стало тягостно Россіи; умножились расходы до чрезвычайности, а потому требовалось умноженіе податей; дворяне обѣдняли, торговля упала, земледѣльцы не въ состояніи стали платить подушныя за чрезвычайнымъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ, потому что некуда стало его сбывать; промышленность изчезла, къ тому же нѣсколько лѣтъ былъ неурожай; довершила все отмѣна откупа винной продажи: казна взяла оную на свою отвѣтственность, почему всѣ деньги, бывшія въ оборотѣ, оставались въ казнѣ. Государь совсѣмъ перестал входить въ гражданскую часть. Злоупотребленія возникли до чрезмѣрности;

по 8 ротъ и укомплектовать, взявъ по одной ротѣ отъ каждаго гренадерскаго и карабинернаго полка 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, что̀ и составитъ 12-ть ротъ, которыя по 4 роты и раздѣлятся на каждый полкъ; симъ ротамъ уже послано повелѣніе идти. Я хотѣлъ тебя извѣстить о всемъ, привыкнувъ разсуждать съ тобою о всемъ, что̀ меня занимаетъ.

Прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ! Кромѣ несчастнаго происшествія, у насъ, слава Богу, все хорошо идетъ. Но сіе происшествіе надѣлаетъ довольно толковъ. Напиши мнѣ, что̀ ты про все сіе узналъ. Тебя на вѣкъ искренно любящій

Александръ».

(Чтенія Общ. Ист. и Др. 1864 г. кн. 4-я). Кромѣ того намъ случилось читать подробное описаніе этихъ дней на французскомъ языкѣ, сочиненное однимъ изъ пострадавшихъ офицеровъ Семеновскаго полка, г. Вадковскимъ. Семеновское возмущеніе, съ внѣшней стороны его, описано также въ Запискахъ Ф. Ф. Вигеля. *П. Б.*

хотя и посылаемы были сенаторы ревизовать губерніи и смѣнялись часто губернаторы, но новые не лучше были прежнихъ; нравственность вовсе изчезла, словомъ: Россія никогда не была въ худшемъ состояніи. Государь, думая искоренить злоупотребленія, хотѣлъ раздѣлить Россію на области, по пяти губерній въ каждой, опредѣляя начальниками извѣстныхъ ему генераловъ, и нѣсколько таковыхъ областей было учреждено, но пользы мало оказалось, почему въ послѣдующемъ царствованіи было отмѣнено.

Въ іюлѣ сгорѣла часть дворца въ Царскомъ Селѣ и лицея. Императоръ былъ чрезвычайно огорченъ, сказавъ: «Что до сихъ поръ онъ былъ такъ избалованъ счастіемъ, что отъ сего времени страшится противнаго себѣ». На сей случай А. Л. Нарышкинъ сказалъ, что дворецъ царскосельскій сгорѣлъ отъ того: «Que la cour n'a pas de pompe»[251]), ибо тамъ не было пожарныхъ инструментовъ

Въ заключеніи сказано о поѣздкѣ государя въ Таганрогъ и кончинѣ его тамъ 19-го ноября 1825 г.

---

[251]) Т. е. при дворѣ нѣтъ pompe (значитъ и пожарныхъ насосовъ и роскоши).

СОДЕРЖАНІЕ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЗАПИСКАХЪ Л. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА.

ОПЕЧАТКИ.

						напечатано:	надо:
Стр.	9	*строка*	8	*сверху*	въ мѣсто	вмѣсто.
—	21	—	15	—	страстный	страстно
—	34	—	14	*снизу*	оправилъ	оправили
—	37	—	4	*сверху*	генералъ	генералъсъ
—	63	—	1	*снизу*	бочки?	насосы?
—	83	—	13	—	ними	нимъ
—	137	—	12	—	касающаго	касающагося

